

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**ТОМСКИЙ ПОГРОМ
20–22 ОКТЯБРЯ 1905 г.:
хроника, комментарий, интерпретация**

**Издательство Томского университета
2010**

УДК 94(57) «19/20)
ББК ТЗ (2РОС-4ТОМ)
Ш59

Научный редактор – д-р ист. наук В.П. Зиновьев
Рецензент – д-р ист. наук Э.И. Черняк

Шиловский М.В.

Ш59 Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 150 с.

ISBN 978-5-7511-1939-3

Впервые подробно изложены события в Томске 20–23 октября 1905 г., известные как черносотенный погром. Автор рассматривает этот яркий эпизод первой русской революции как столкновение двух стихийных волн общественной активности – революционной и монархической.

Для специалистов-историков, студентов и преподавателей исторических факультетов вузов, всех интересующихся историей Сибири.

**УДК 94(57) «19/20)
ББК ТЗ (2РОС-4ТОМ)**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 10-01-64101а/Т «Общественная активность населения,
формирование и деятельность структур гражданского общества
в Томской губернии (конец XIX в. – 1919 г.)*

ISBN 978-5-7511-1939-3

© М.В. Шиловский, 2010

ОТ РЕДАКТОРА

История общественного движения одна из наиболее политизированных частей отечественной истории, которая чаще других сюжетов подвергается пересмотру в случае перемены идеологических установок. Первая русская революция официально расценивалась в царской России как бунт черни, в советское время – как выдающийся акт освободительной борьбы и проявления гражданской активности населения, в постсоветское время считается неудобной темой для современной правящей элиты, которая свою революцию совершила и других не желает. Меж тем для профессиональных историков наступило время более объективной оценки событий 1905–1907 гг., нежели это делалось до сих пор. Появилась возможность отойти от догмы гегемонии пролетариата и большевиков в первой русской революции, от узкоклассовых оценок роли в революции непролетарских социальных слоев и политических партий, от примитивизации действий правительственного лагеря и монархических общественных сил.

Томский погром – один из наиболее острых и трагических моментов русской революции – представляется хорошим поводом для демонстрации перемен в оценке событий революции современными историками. М.В. Шиловский показывает, что в действиях всех социальных сил преобладала стихийность, что политические организации в период высшего подъема революции не смогли управлять энергией масс, что государственная машина временами утрачивала контроль над крупными городами и создавалась ситуация двоевластия, что реальные события далеки от мифологем советской историко-партийной историографии. Томский погром – яркая иллюстрация той истины, что революцию невозможно делать, в ней можно только участвовать.

В.П. Зиновьев

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, Манифест 17 октября 1905 г. спровоцировал в Российской империи волну (657 случаев) погромных акций. Только на протяжении двух-трех недель в них погибло от 3,5 до 4 тыс. чел., а еще более 10 тыс. получили ранения. Для сравнения за весь период первой русской революции жертвами террористов стали 6680 чел.¹ Имели место подобные акции и в ряде городов Сибири (Иркутск, Красноярск, Барнаул, Томск). Наиболее кровавым стал погром в Томске 20–22 октября 1905 г., жертвами которого стали 66 погибших и 126 раненых.

Непосредственной реакцией либеральных кругов на это трагическое событие стала резолюция собрания представителей всех служб и отделов Сибирской железной дороги, опубликованная в местной газете «Сибирская жизнь» 20 ноября 1905 г., начинавшаяся со следующего утверждения: «Факты, касающиеся событий 20–22 октября, убеждают в том, что толпа, совершившая поджог здания Пути и Тяги и сделавшая нападение на служащих дороги, была организована местной администрацией» и лично губернатором В.Н. Азанчевским-Азанчевым². Примерно тогда же появляется листовка Томского комитета РСДРП, в которой ответственность за

---

¹ *Обнинский В.* Полгода русской революции // Сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 г.). М., 1906. Вып. 1. С. 12, 42; *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 31; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 57.

² *Сибирская жизнь.* 1905. 20 нояб.

погром возлагалась на губернатора. Последний «мог разогнать толпу негодяев, поджигавших здание, он мог увести казаков, стрелявших в осажденных, он не сделал этого, потому что хотел расправиться с «кромольниками», потому что хотел сжечь их живьем»¹. Вслед за этим в первых публикациях, посвященных погрому, имевших публицистическую направленность, обличались участники акции, квалифицируемые как черносотенцы и монархисты. Местная администрация и глава епархии епископ Макарий (М.А. Парвицкий) декларативно объявлялись организаторами и дирижерами случившегося². В свою очередь, местные черносотенцы в произошедшем обвинили «интеллигентную городскую думу», попытавшуюся захватить власть в городе. «...Губернатор Азанчевский-Азанчеев, как говорят, просто растерялся, не знал, что делать, и заболел... расстройством желудка». В результате «озверелая толпа подожгла железнодорожное управление и сожгла не успевших скрыться охранников с безвинными служащими управления»³.

В связи с празднованием 20-летия первой русской революции в Томске 19 декабря 1925 г. состоялось торжественное заседание, на котором с воспоминаниями о событиях второй половины октября 1905 г. выступили их непосредственные участники и очевидцы: Шаламов, Демшин, Герасимов, И. Шписман, Кляцкин⁴. Тогда же появилась серия публикаций, в которых упоминались погромы в Томске, Красноярске, Иркутске и Барнауле, вне связи с историей возникновения там черносотенных объединений. В качестве организаторов акций назывались чиновники, купцы и духовенство⁵. Позднее в популярной брошюре И.Г. Зобачева главными организаторами томского погрома были названы губернатор, купцы Кухтерин и Шадрин. Среди погромщиков присутство-

---

¹ *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии*: Сб. док. Томск, 1955. С. 57.

² *Томские дни*. Хроника октябрьских событий в городе Томске. Томск, 1905; *Итоги двадцатого октября, или Нечто о томских событиях*. Томск, 1906; *П. В-дский [Вологодский]*. Из хроники освободительного движения в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1906. № 2. С. 242–264.

³ *Сибирская правда* (Томск). 1909. 25 апр.

⁴ *ГАНУ*. Ф. П- 5. Оп. 2. Д. 168.

⁵ *Ансон А.А.* 1905 год в Красноярске // *Сибирские огни*. 1923. № 4–5; *Шемелев В.И.* Барнаул в 1905–1906 гг. // *Сибирские огни*. 1925. № 4–5; *1905 год в Сибири* / Под ред. Г.П. Вейсберга, С. Воробьева и Г.М. Пушкарева. Новониколаевск, 1925.

вали переодетые жандармы и полицейские¹. В целом же в советской историографии утвердилось положение об ответственности правительства за организацию черносотенных погромов и убийств². С другой стороны, в 1970-е гг. сформировался и «объективистский» подход к анализируемым событиям, который выразился в описании погромных акций без установления их причин и организаторов. В рамках этого направления оформилось устойчивое представление о существовании осенью 1905 г. в России черносотенных формирований, «которые воспользовались манифестом для активизации своих действий»³.

Со второй половины 1990-х гг. в отношении к томскому погрому наметились новые подходы. С «традиционалистских» позиций В.П. Зиновьев заявил, что в условиях утраты контроля над Томском губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчев с благословения Макария организовал 20–22 октября погром⁴. Вслед за ним я основной причиной произошедшего рассматривал «политический момент противостояния революционной демократии и власти, использовавшей «патриотически» настроенных обывателей для подавления активности первых. Антисемитский момент проявился в двух случаях (Томск, Иркутск) и имел второстепенный характер. Активное участие в организации «черной сотни» приняли местная администрация (прежде всего, правоохранительные органы) и духовенство. По сути дела, можно говорить о церковных приходах и братствах как центрах консолидации монархистов»⁵. В свою очередь, А.П. Толочко пришел к выводу о том, что власти потворствовали черносотенцам, а сами октябрьские события свидетельствовали о наличии в регионе потенциальных сторонников помещичье-

---

¹ *Зобачев И.* 1905 год в Сибири. Новосибирск, 1940. С. 26–27.

² *Исторический опыт трех российских революций.* Кн. 1: Генеральная репетиция Великого Октября. Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб. М., 1985. С. 200–201.

³ *Революция 1905–1907 годов в России* / Отв. ред. Ю.И. Кораблев. М., 1975. С. 165; *Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980 гг.)*. Красноярск, 1982. С. 69.

⁴ *Зиновьев В.П.* Октябрьские события 1905 г. в Томске // *Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке*. Омск, 1995. С. 86–93.

⁵ *Шиловский М.В.* Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. // *Вопросы истории Сибири XX века*. Новосибирск, 1999. С. 25.

монархических партий и дали импульс для их организационного объединения. Он же указал на то, что поводом к открытым выступлениям монархистов стала очередная годовщина восшествия на престол Николая II (20 октября 1894 г.)¹.

Достаточно подробно обстоятельства погрома в Томске исследовали местные историки. И.В. Чернова считает, что «столкновение произошло не между войсками и гражданами или полицией и гражданами, а это был конфликт граждан различных убеждений, различных сословий, конфликт “отцов и детей”». Полиция же не смогла разъединить противоборствующие стороны, а «действия милиционеров были неразумными и непоследовательными и привели только к ожесточению толпы»². С.А. Исаков и Н.М. Дмитриенко в биографическом очерке епископа Макария отмечают его монархические убеждения, причастность к организации в Томске отдела Союза русского народа, но во время рассматриваемых событий иерарх пытался уговорить толпу прекратить погром³.

В ряде последних трудов историков мысль о стихийности томского погрома стала все более настойчиво повторяться. В.П. Зиновьев пришел к выводу, что погром «стал результатом стихийного энтузиазма монархистов и сознательных действий властей»⁴. Наконец, Д.С. Баранов в серии публикаций и дипломной работе приходит к выводу о стихийном характере погрома⁵.

---

¹ Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 г.). Омск, 1999. С. 14.

² Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 111.

³ Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: Биографический словарь. Томск, 2002. С. 46.

⁴ Зиновьев В.П. О переименовании улиц исторического города (площади Революции) // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 2004. Т. 4. С. 170–171; Зиновьев В.П. Томская городская дума в революции 1905–1907 гг. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2004. С. 134; Зиновьев В.П. Общественное движение в Томске в начале XX века // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). Труды ТГУ. 2005. Т. 267. Серия историческая. С. 21.

⁵ Баранов Д.С. О событиях октября 1905 г. в Томске // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое науч. чтения памяти проф.

В свою очередь, омский исследователь Е.В. Сторыгин констатирует, что «трагические события октября 1905 г. были именно конфликтом, который был предсказуем. Весь ход событий не только 1905 г., но и всего начала XX в. вел именно к этому. Когда-то должен был произойти этот огромный всплеск насилия, ненависти друг к другу»¹. В своей последней по времени выхода публикации я, обобщая информацию о погромах в Омске, Томске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, пришел к выводу о том, что «основной их причиной выступал политический момент противостояния либерально-революционной демократии и «патриотически» настроенных обывателей с целью подавления или пресечения активности первых»². Сами эти акции носили стихийный характер и выражали реакцию традиционалистских слоев городского населения на попытки либерально-радикальных элементов ограничить или вообще ликвидировать самодержавие. Власти оказались неспособными предотвратить и пресечь действия погромщиков, хотя в ряде случаев не скрывали симпатии к ним.

Отличается спецификой и источниковая база темы. Выявленные мной в Государственном архиве Новосибирской области комплекс документов, относящихся к событиям в Томске 20–22 октября 1905 г., и материалы местных газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» однозначно отражают позицию пострадавших во время погрома или идеологические установки времени написания воспоминаний. К тому же они использовались выборочно. Среди блока воспоминаний участников и очевидцев анализируемых событий следует особо выделить написанные бывшим городским головой А.И. Макушиным для томского Истпарта в 1925 г. мемуары,

---

А.П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 62–63; *Он же*. О томских событиях октября 1905 года // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Томск, 2005. С. 10–11; *Он же*. Томский погром 1905 г. в интерпретации правых // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007. С. 118–125; *Он же*. Версии-интерпретации томского погрома 20–22 октября 1905 г. Рукопись дипломной работы. Томск, 2007. С. 127.

¹ *Сторыгин Е.В.* Общественные настроения населения Западной Сибири в начале XX в. (на примере октябрьских событий 1905 г. в Томске) // Социальные конфликты в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2004. С. 391.

² *Шиловский М.В.* Специфика погромов в городах Сибири в октябре 1905 г. // Изв. Иркут. гос. ун-та, Иркутск. 2009. № 1. С. 99.

которые представляют собой машинописный текст с авторскими правками и его автографом в конце. Предваряя его, он пояснил: «Ниже написанное является почти всецело выдержками из памятных записей, набросанных мной в декабре 1905 года. Отсюда и получается форма дневника»¹.

Непосредственно после событий 20–22 октября 1905 г. их участники и очевидцы из числа дружинников, осажденных в здании Управления Сибирской железной дороги, членов Томского комитета РСДРП освещали произошедшее в духе осуждения действий властей, спровоцировавших или организовавших погром, хотя воспроизводили много интересных подробностей этих дней. В 1925 г. в потоке воспоминаний обвинительный уклон усиливается, хотя в них по-прежнему содержится уникальная информация об отдельных эпизодах бурной жизни Томска в октябрьские дни, вступающая зачастую в противоречия с обвинительной риторикой мемуаристов. Последующие воспоминания, написанные в интервале 1935–1955 гг., часто теми, кому в 1905 г. было 9–12 лет, воспроизводят уже ставшей канонической версию погрома. После убийства в 1934 г. С.М. Кирова началась фальсификация его биографии, в том числе и томского периода (1904–1908 гг.). В частности, ему приписывалось руководство дружинниками на Новособорной площади 20 октября 1905 г., а также спасение части их из горящего здания железнодорожного управления².

В конце 1960-х гг. мне, еще студенту, довелось знакомиться с большим количеством подобного рода свидетельств, хранившихся в Доме-музее С.М. Кирова в Новосибирске. Автор одного из них даже утверждал, что во время демонстрации 18 января 1905 г. в Томске Сергей Миронович ехал на белом коне во главе ее участников с красным знаменем в одной руке и бомбой в другой. Одним из организаторов погрома однозначно объявлялся епископ Макарий³.

Делопроизводственные документы властных структур (рапорты, донесения, телеграммы, отчеты и т.д.) также страдают субъек-

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 1.

² Баранов Д.С. Версии-интерпретации томского погрома 20–22 октября 1905 г. С. 81–82.

³ Баранский Н.Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза. Воспоминания о подпольной работе в 1897–1907 годах. Изд. 2. Томск, 1961. С. 73; Лясоцкий И.Е. Записки старого томича. Томск, 1954. С. 133–134.

тивизмом и отличаются стремлением составителей снять с себя ответственность за произошедшее. К тому же такие источники информации о повседневной жизни Томска, как местные газеты «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», в эти дни не выходили (с 16 по 25 октября 1905 г.).

До настоящего времени не обнаружены протоколы судебного процесса над участниками погромных акций в октябре 1905 г., состоявшегося в Томске 17–28 августа 1909 г. О его ходе можно судить по отчетам из зала суда, публиковавшимся в либеральной «Сибирской жизни», черносотенной «Сибирской правде» и близких к последней по идейным позициям «Томских епархиальных ведомостях». Материалы из «Сибирской жизни» вместе с «Обвинительным актом...» были опубликованы отдельной брошюрой¹. Позиции сторон в освещении изучаемых событий и их интерпретации отличаются крайним субъективизмом и откровенным искажением фактов. Вот как, например, характеризуют свидетелей защиты либералы: «За свидетелями обвинения движется целая толпа свидетелей защиты с их однообразными по тону и характеру, типичными для свидетелей защиты по погромным делам показаниями. Некоторые из них поражают своей противоречивостью, иные даже какой-то особой тупостью»². А вот как правые характеризуют участников митингов и демонстраций в октябре 1905 г.: «Революционеры-манифестанты в виде студентов и девчонок в коричневых юбчонках, с красными лоскутами на палках, разгоняемые на улицах, нашли благосклонный приют в городской управе, где они в печках прятали свои эмблемы – красные лоскутки. В управе между тем стоял дым коромыслом. Служившие в то время, как выше сказано, студенты в присутственные часы при наличности заправил, бегали по всем канцеляриям управы, как испуганные, читали, или вернее, выкрикивали приходящим обывателям прокламации, изрыгали хулы на Государя»³.

А вот как воспроизвели выступление на процессе одного из обвиняемых томского мещанина И.С. Богунa проигрывающая сторона. «Дело о погроме...»: «Богун с циничной откровенностью высказался о том, как митинги и забастовки вызвали в народе про-

---

¹ *Дело о погроме в г. Томске в 1905 году (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. 101 с.*

² Там же. С. 34.

³ *С больной головы на здоровую // Сибирская правда. 1909. 25 апр.*

тивоположное движение – на защиту веры православной, которая будто бы находилась в опасности, как во главе этого движения появились «Минины» и «мы решили умереть, чем подчиниться» тому, что было постановлено на митингах». Эта «речь» изобиловала всеми аксессуарами союзнического красноречия. И закончил ее Богун громовым голосом, с страстными жестами»¹. «Сибирская правда»: «Наше пропитание – дневной труд. Нам живется не так легко, как другим. И поэтому хочется, чтобы было получше. Началось движение. Мы слышим, что будет милиция вместо полиции и прочее. Нам говорят, что тогда будет нам и легче, и лучше. Мы поверили... Приглашают всех на митинг. Я пошел... Я думал, что услышу там что-нибудь хорошее, но мне показалось там прямо муторно. Безобразие одно. Только я вошел в театр, слышу кричат: «Долой самодержавие!» Что, думаю, тут такое? Прислушиваюсь и слышу, что Макушина предлагают на должность губернатора, а Броннера хотят выбрать городским головой. Потом слышу, говорят: «Нам здесь в театре тесно, надо перейти в собор. Макашка (епископ Макарий.. – М. Ш.) нас, конечно, туда не пустит, но мы его проведем по городу за бороду при колокольном звоне»².

Для более глубокого понимания анализируемого события дадим краткую презентацию ситуации в Томске ко времени октября 1905 г. Итак, к началу XX в. он представлял быстрорастущий многофункциональный центр, численность населения которого выросла с 14 тыс. чел. в 1858 г. до 67,5 тыс. в 1904 г. (второе место в Сибири после Иркутска)³. Прирост населения шел, прежде всего, за счет переселенцев из Европейской России и местных крестьян. По свидетельству современника, «приток к Томску крестьянского населения находится в связи с отысканием работы и желанием поскорее приписаться в мещане, чтобы избавиться от платежей, повинностей и поборов, лежащих на крестьянине, последнее – заветная мечта всякого крестьянина, вкусившего прелестей городской жизни»⁴. Поэтому, по данным на 1897 г., мещане составляли 44,2 %, а

---

¹ Дело о погроме... С. 78.

² Дело о еврейском погроме в Томске 20–22 октября 1905 г. // Сибирская правда. 1909. 12 дек.

³ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. С. 295.

⁴ Там же. С. 62.

крестьяне – 39,2 % и в итоге 83,5 % городского населения¹. В Томске не было крупных промышленных предприятий, тем не менее численность наемных рабочих к 1905 г. составила 5328 чел., в том числе фабрично-заводских – 1815, строительных – 1500, железнодорожников – 370 чел.² Кроме того, наиболее крупными группами работающих по найму были в 1897 г.: прислуга (5062 чел.), занятые в торговле (1044 чел.). За 1866–1900 гг. количество только постоянных торговых заведений увеличилось в 2,5 раза (с 432 до 1084)³. Еще в 1892 г. в городе насчитывалось 1020 ремесленников, примерно 49 профессий (портные, сапожники, гончары, кирпичники, пряничники и т.д.)⁴.

Поскольку основным средством перевозки грузов и пассажиров в городе выступал тогда гужевой транспорт, в начале 1905 г. уплатили сборы на право заниматься промыслами 566 легковых извозчиков, 230 – ломовых и 20 водовозов, для сравнения в 1892 г. их всех насчитывалось 426⁵. Для содержания этой транспортной инфраструктуры нужна была целая армия ремесленников и кустарей: кузнецов, шорников, изготовителей телег, саней, содержателей постоянных дворов и т.д. Например, ремесленников-шорников и седельников в 1885 г. в Томске насчитывалось 24 и 14 соответственно из 49 по губернии. Центрами экипажного производства являлись пригородные Нелюбинская и Спасская волости. В первой 308 семей занимались изготовлением дуг, саней, колес; причем обозных саней ежегодно производили по несколько тысяч штук на десятки тысяч рублей⁶.

---

¹ *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 215.

² *Она же.* Социально-экономические условия революционного движения городских рабочих Западной Сибири в 1905–1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 62.

³ *Она же.* В городе торгом жили: продажи и покупки в Томске во второй половине XIX–XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 105.

⁴ *Гончаров Ю.М., Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004. С. 194–195.

⁵ Там же. С. 195; *Сибирская жизнь.* 1905. 16 февр.

⁶ *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. 2-е изд. Новосибирск, 2008. С. 245–246.

На другом полюсе в рассматриваемое время быстро росла численность средних городских слоев «нового» типа, составив порядка 11 тыс. чел. Среди них существенное место занимали чиновники губернских и уездных структур, служащие Управления Сибирской железной дороги (1,5 тыс. чел.). Томск являлся единственным в регионе вузовским центром, в нем работали университет и технологический институт, в которых к началу 1905 г. обучалось порядка 2 тыс. студентов. Кроме того, в 10 средних учебных заведениях (гимназии, училища, духовные семинарии) образование получало порядка 4 тыс. чел.

В городе проживало около 4 тыс. евреев. Их доля среди местных купцов в 1904 г. составляла 28 %, в 1900 г. в Томске насчитывалось 170 еврейских лавок и магазинов¹. Но их владельцы по Городовому положению 1892 г. лишались избирательных прав при выборах гласных городской думы. Так, собственность 179 «лиц иудейского звания» в 1904 г. оценивалась в 825,5 тыс. руб., а уплачиваемый ими городской оценочный сбор составлял 8225 руб. На этом основании городская управа считала возможным, при условии получения специального разрешения (поскольку Томск не входил в список мест, дозволенных для постоянного проживания евреев), внести в избирательные списки 119 домовладельцев, стоимость имущества которых составляла в сумме 793230 руб., а также 42 чел., выбирающих промысловые свидетельства соответствующих разрядов. Но такого разрешения не последовало².

Общественно-политические взгляды «новых» средних слоев отличались радикализмом. Наиболее массовые группы их (врачи, учителя, студенты), активно участвуя в просветительной деятельности, главным препятствием в этой сфере считали «экономическую необеспеченность» и одобряли деятельность радикалов, активно помогая им. Преподаватели и учащиеся активно включились в общественно-политическую и культурную жизнь города. В 1896 г. прошла первая сходка студентов университета, в 1899 г. состоялась их забастовка, в 1903 г. студенты организовали первую в Томске демонстрацию, сопровождавшуюся масштабными столкнове-

---

¹ Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2006. С. 59.

² Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. С. 46.

ниями с полицией. Даже большевик В.Д. Виленский-Сибиряков позднее (1925 г.) признавал высокую общественно-политическую активность профессуры томских вузов в рассматриваемое время¹. А вот как охарактеризовал позицию профессоров технологического института попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев: «В смутное время 1904 и 1905 гг. профессора института, нисколько не стесняясь, стали на сторону революции (за исключением, быть может, одного или двух: вполне ручаться могу только за одного)»².

Центрами концентрации либералов стали городская дума и непарламентские общественные формирования. На выборах 1902 г. гласными городской думы стали не только местные предприниматели, но и представители «новых» средних городских слоев, а городское самоуправление впервые после купцов возглавил врач А.И. Макушин. Не случайно черносотенцы впоследствии (1909 г.) назвали этот состав думы «интеллигентным». С другой стороны, накануне 1905 г. в Томске действовало около 30 непарламентских общественных формирований разной направленности (научно-просветительные, филантропические, досуговые). Крупнейшее в регионе Общество попечения о начальном образовании насчитывало в 1905 г. 500 членов³. Помимо названного объединения, интеллигенция активно сотрудничала в Обществе естествоиспытателей и врачей при Томском университете, Обществе содействия физическому развитию, Юридическом обществе при Томском университете, местном отделении Императорского Русского технического общества и т.д.

Центрами притяжения радикальной оппозиции становятся нелегальные организации РСДРП (250 чел. к началу 1905 г.) и ПСР (150 чел.), имевшие свои типографии. К тому же летом 1903 г. эсеры взяли под свой контроль легальную газету «Сибирский вестник». По социальному составу в формированиях преобладали студенты, служащие, интеллигенты. Так, вспоминает член комитета РСДРП В.И. Тихов: «Среди нас могли быть и рабочие, но это не был основной элемент, у нас больше был элемент разночинцев, с участием молодежи и железнодорожников. Из железнодорожного управления было порядочно людей, типографские рабочие, желез-

---

¹ *Советская Сибирь*. 1925. 20 дек.

² *Изв. Омского гос. ист.-краевед. музея*. Омск, 2002. № 9. С. 279.

³ *Дегальцева Е.А.* Общественные непарламентские организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002. С. 88, 255–257.

нодорожные рабочие и студенчество»¹. О намерениях радикалов можно судить хотя бы по листовке от имени РСДРП, но подписанной Комитетом кассы студентов-технологов от 28 октября 1904 г.: «Только полная ликвидация настоящего государственного порядка путем созыва всенародного Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и немедленное прекращение войны создадут благоприятную почву для развития всех прогрессивных сил страны и классовой борьбы пролетариата за свои социалистические идеалы»².

Центрами концентрации консервативных слоев городского социума являлись: мещанское общество (староста С. Самгин-Косицын), купеческое общество (староста купец 2-й гильдии И.Д. Сычев). В 1905 г. в городе возникает «Кружок русских людей», о котором практически ничего не известно, кроме того, что он официально прекратил существование в начале ноября того же года на том основании, что «с введением конституции деятельность союза утрачивает смысл». В его листовке «К русским людям», отпечатанной в типографии Томского Епархиального братства, провозглашалось: «Мы твердо убеждены, что только в единодушии и непосредственном общении Царя со свободной Церковью и свободным народом в лице земских соборов или государственной думы, состоящей из избранных народом подлинных его представителей, – заключается действительное спасение России от всех неустойчивостей, хищений и неправд, а отнюдь не в замене системы бюрократической олигархии родственною ей в своем существе системой конституционной»³.

Радикализация настроений городского социума во многом была связана с поражением в Русско-японской войне. Ее начало сопровождалось бурной манифестацией томичей 1 февраля 1904 г., о которой «Сибирская жизнь» сообщала: «Бесперывное «ура» и звуки национального гимна гремели в воздухе. Предметом шумных оваций были офицеры местного батальона; манифестанты подхватили их на руки и подолгу качали. Особенно большая группа манифестантов собралась во втором часу дня около дома городского управления. Когда на балконе городского дома показали портрет Государя, вынесенный членами управы, грянуло могучее «ура»

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 21. Л. 37.

² Там же. Д. 50. Л. 19.

³ Там же. Д. 272. Л. 4.

толпы в несколько тысяч человек, масса шапок полетела в воздух. От управы манифестанты пошли к солдатским казармам, их сопровождал военный оркестр, исполнявший «Боже, царя храни», «Коль славен». На каждом перекрестке к толпе присоединялись новые и новые манифестанты»¹.

Эйфория прошла очень быстро. Уже за первые два месяца войны цены на продукты первой необходимости в Томске подскочили на 25–50 %. Горожане и муниципалитет должны были обеспечивать содержание раненых, освободить общественные строения под госпитали, казармы, содержать военнопленных, изыскивать пособия для семей призванных в армию и т.д. Средства на эти цели собирали активно. По подсчетам Э.А. Воробьевой, с февраля 1904 по апрель 1905 г. было собрано 97903 руб.² Однако вместо победных репортажей с театра военных действий шел поток информации о непрерывных поражениях и отступлениях, которые в тылу напрямую связывали с «полной несостоятельностью нашего государственного строя»³. «Если где знакомиться с язвами нашей родины, так это на войне, – утверждалось в передовой статье «Сибирской жизни». – Невежество армии, хищения, беспорядки и отсутствие веры в наше дело – вот картина положения вещей»⁴. На этом фоне растет популярность социалистических идей. «Много нехорошего видело русское население во время Русско-японской войны, и оно потеряло свою веру в то, что правительство может хорошо управлять страной. Нередко люди, даже патриотически настроенные, не знали что делать и бросались в крайности, хватаясь хотя бы за тот же социализм», – так объяснял данное обстоятельство видный сибирский предприниматель И.В. Кулаев⁵.

В 1905 г. ситуация еще больше радикализировалась под воздействием информации о происходящих в стране революционных

---

¹ *Сибирская жизнь*. 1904. 4 февр.

² *Воробьева Э.А.* Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих периодических изданий): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 232.

³ *Сибирская жизнь*. 1905. 11 июня.

⁴ *Сибирская жизнь*. 1905. 7 июля.

⁵ *Кулаев И.В.* Под счастливой звездой. Воспоминания. М., 1999. С. 187.

выступлениях¹. Митинг-банкет 12 января; демонстрация, переросшая в столкновение с полицией и казаками 18 января; студенческие сходки; общегородская забастовка в июле накаляли политическую обстановку. Не случайно в «Обвинительном акте» по поводу погрома, составленном в 1909 г., отсчет событий начинается с последнего месяца лета: «В августе месяце 1905 г. в Томске среди студентов и железнодорожных служащих начали устраиваться митинги и сходки политического характера. Принимая все более крупные размеры, эти митинги и сходки захватывали широкие слои населения, в том числе и простой рабочий люд»².

Еще одним важным фактором, оказавшим существенное влияние на весь ход событий в Томске в 1905 г. и события 20–22 октября, в частности, являлось состояние и эффективность деятельности органов местного государственного управления, прежде всего губернской администрации и силовых структур. Можно согласиться с выводом С.В. Любичанковского о том, «что революция 1905 года несла в себе огромный антибюрократический запал» и именно тогда начался необратимый кризис, «который подрывал и делал неэффективным как работу губернской администрации, так и всей вертикали власти в стране»³.

В этой связи следует сказать о перемещении по службе двух ключевых фигур местной администрации. 4 ноября 1904 г. томский губернатор генерал-майор К.С. Старынкевич получил новое назначение и вскоре выбыл к новому месту службы. 23 декабря на эту должность назначается харьковский вице-губернатор, статский со-

---

¹ Первая официальная телеграмма о событиях 9 января в Петербурге сообщала: «Фанатичная проповедь, которую в забвении святости своего сана вел священник Гапон и преступная агитация злонамеренных лиц возбудили рабочих настолько, что они 9 января огромными толпами стали направляться к центру города; в некоторых местах между ними и войсками, вследствие упорного сопротивления толпы подчиниться требованиям разойтись, а иногда даже нападали на войска, произошли кровопролитные столкновения, войска вынуждены были произвести залпы», в результате 76 убитых и 233 раненых. – См.: Сибирская жизнь. 1905. 12 янв.

² Дело о погроме в г. Томске в 1905 году. (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 5.

³ Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург, 2007. С. 427, 480–481.

ветник и камергер В.Н. Азанчевский-Азанчеев, но только в начале апреля 1905 г. прибывший в Томск и вступивший в исполнение обязанностей¹. Местные СМИ сообщили обывателям, что он из дворян Московской губернии, работал предводителем дворянства одного из уездов, а затем примерно год пробыл в должности вице-губернатора в Харькове². Обнаруженный Д.С. Барановым формулярный список этого должностного лица дополняет сведения. Всеволод Николаевич родился в апреле 1864 г., к моменту вступления в должность ему было 38 лет. Окончил юридический факультет Московского университета и начал работать в Московской судебной палате. В 1890 г. избран предводителем дворянства в Карачевском уезде (Карачев – город с населением 15 тыс. чел.) Орловской губернии и одновременно председателем уездной земской управы. С декабря 1902 г. саратовский вице-губернатор, а с 1903 г. – харьковский. В феврале 1901 г. пожалован в статские советники, в августе 1904 г. – в камергеры двора Его Императорского Величества³. Таким образом, новый начальник губернии не имел навыков управления крупным территориально-административным образованием, да еще и в условиях экстремальной ситуации Русско-японской войны и начавшейся революции. Его назначение свидетельствовало о кадровом дефиците управленцев подобного уровня и падении престижа органов губернской администрации. Кстати, в 1905 г. 23 профессора Томского университета имели классный чин статского советника, 10 – действительного статского советника (в 1905 г. в статские советники были произведены 4 чел., в действительные статские советники – 6)⁴.

В это же время без руководства осталась и томская полиция, поскольку 27 декабря 1904 г. скончался полицмейстер П.П. Аршаулов. На его место 16 января 1905 г. и.д. губернатора С.И. Бирюков назначил змеиногорского уездного исправника, коллежского советника П.В. Никольского, прибывшего в Томск 19 января. В 1880-е гг. он работал здесь приставом 3-й части и начальником

---

¹ *Томские губ. ведомости*. 1904. 2 дек.; 1905. 6 янв.; *Сибирский вестник*. 1905. 10 апр.

² *Сибирская жизнь*. 1905. 14 янв.

³ *Баранов Д.С.* Версии-интерпретации томского погрома 20–22 октября 1905 г. С. 104.

⁴ Подсчитано: *Профессора Томского университета: Биографический словарь* / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. Вып. 1.

пересыльной тюрьмы¹, но опыта руководства правоохранительной структурой крупного городского поселения не имел. К тому же томская полиция переживала не лучшие времена, связанные с резким ростом уголовных преступлений, необходимостью надзора за политическими ссыльными и обывателями в плане поддержания их политической благонадежности, большим объемом канцелярской переписки и исполнением многочисленных административных функций (обеспечение надлежащего санитарного состояния, выдача паспортов, выявление бродяг и т.д.).

В сложившихся условиях власти и правоохранители оказались не готовыми к пресечению массовых протестных выступлений, что наглядно проявилось в ходе разгона демонстрации 18 января 1905 г.² Вся последующая профилактическая деятельность администрации с точки зрения предотвращения митингов и прочих «сборищ» свелась к изданию и распространению через газеты и в виде листовок серии обязательных постановлений губернатора от 19 января, 19 марта и 19 июля, воспрещающих «всякие не вызываемые необходимостью и нарушающие тишину и спокойствие сборища» на улицах, в общественных собраниях, театрах, частных дворах и квартирах не только в городе, но и за пределами городской черты. Нарушителям грозил арест на три месяца или денежный штраф в 500 руб.³ С другой стороны, радикалы использовали факт расправы над демонстрантами для массовой дискредитации структур местного государственного управления и правоохранительных органов, нагнетая атмосферу напряженности в городском социуме.

Основу гарнизона Томска в 1905 г. составляли 10 рот 4-го запасного батальона 8-го Томского пехотного полка (около 2,5 тыс. военнослужащих), размещенных в казармах военного городка, находившегося в центре города за городским садом. В основном это были призван-

---

¹ Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейстеры, комиссары, начальники. Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск, 1999. С. 87–88.

² Шиловский М.В. Томская демонстрация 18 января 1905 г. // ГЕО-Сибирь-2009. Т. 6: Социально-гуманитарные процессы Сибирского региона: Сб. материалов V Межд. науч. конгресса. Новосибирск, 2009. С. 296–306.

³ Томская область. Исторический очерк / Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994. С. 198; *Сибирская жизнь*. 1905. 19 марта, 19 июля.

ные в армию новобранцы и резервисты, которые в связи с окончанием в августе 1905 г. Русско-японской войны дожидались демобилизации и не отличались служебным рвением. 83 % призывников 1904 г. составляли крестьяне. Текущая военная служба, связанная с войной, по компетентному заключению К.А. Чернова, «вызывала понижение уровня дисциплины, что неоднократно отмечало в своих приказах командование гарнизона. В приказах начальника гарнизона за 1904 г. неоднократно отмечалось появление «праздношатающихся» военнослужащих на улицах города в нетрезвом виде, нарушение формы одежды, «неотдание чести старшему по званию начальнику» и т.д.»¹. В июле 1904 г. для поддержания порядка в Томск на смену подразделения отправившегося на войну Сибирского казачьего войска прибыла сотня Красноярского казачьего дивизиона в составе двух офицеров и 140 нижних чинов под командованием есаула А.М. Белоусова². Кроме того, в состав гарнизона входили управления губернского и уездного воинских начальников, губернское жандармское управление, конвойная команда, военный лазарет³.

Военнослужащие с начала революции постоянно подвергались воздействию со стороны радикалов (распространение листовок, устная пропаганда). В частности жандармы инкриминировали одному из видных деятелей местного комитета РСДРП присяжному поверенному М.И. Преловскому ведение «преступной агитации среди нижних чинов местного гарнизона»⁴. Однако, по мнению К.А. Чернова, «революционная агитация в частях гарнизона не имела успеха»⁵.

Место, на котором разворачивались события 20–22 октября 1905 г., представляет собой прямоугольник размером примерно 400 на 1500 метров в центральной части Томска, ограниченный с севера Базарной площадью и Обрубом. Здесь на Магистратской улице

---

¹ Чернов К.А. Военный гарнизон г. Томска в 1904–1905 гг. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С.113–114.

² Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX вв.). Иркутск, 2009. С. 252.

³ Чернов К.А. Военный гарнизон Томска в конце XIX – начале XX вв. // Тр. Томск. обл. краеведч. музея. Томск, 2002, т. 12. С. 89; Никонов В.Б. 8-й Сибирский Томский пехотный полк // Тр. Том. обл. краеведч. музея. Томск, 2007. Т. 14. С. 155.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3305 Л. 109.

⁵ Чернов К.А. Военный гарнизон г. Томска в 1904–1905 гг. С. 114.

располагалась мещанская управа, на Базарной площади – городское полицейское управление (ГПУ) и пожарное депо. Собственно на Базарной площади располагались обыкновенный базар и толкучий рынок. Это было самое оживленное и одновременно самое неблагоустроенное место города. Корреспондент «Сибирского вестника» еще в середине августа 1905 г. пророчески предупреждал: «Кроме того, в неторговое время на базарной площади группируется значительное количество публики нетрезвой, действуя возбуждающим образом на такую массу, легко могут повести к погрому. Известно, что во многих русских городах погром всегда начинался от толкучего рынка»¹. На углу Почтамтской улицы (Ленина) и Благовещенского переулка (Батенькова) в 1904 г. завершилось строительство дома А.Ф. Второва с универсальным магазином и гостиницей. С запада район ограничивается Почтамтской улицей до Новособорной площади с расположенными на ней на втором этаже здания, завещанного городу купцом 1-й гильдии Ф.Х. Пушниковым, городской думой и управой, общественным собранием и архиерейским домом. С востока границей служит ул. Садовая, являющаяся продолжением Почтамтской, с юга – Новособорная площадь.

Поскольку основные события развертывались на ней, остановимся на ее топографии. В центре располагался открытый в 1900 г. грандиозный (вместимостью 2,4 тыс. чел.) Троицкий кафедральный собор (разобран в 1930–1934 гг.), обнесенный невысокой (в половину человеческого роста) каменной оградой. С юга площадь ограничивали здания губернского управления, резиденция начальника губернии и лютеранская кирха; с востока – городской сад. Непосредственно за ним располагались казармы 4-го запасного батальона. С севера на нее выходили фасады мужской гимназии, губернского казначейства, доходный дом Гадалова с галантерейным магазином на первом этаже. На западной стороне площади располагалось трехэтажное здание служб пути и тяги Сибирской железной дороги, во флигелях во дворе – железнодорожный телеграф и железнодорожная пенсионная касса. За ним в сторону р. Томи на ул. Московский тракт, начинающейся от Новособорной площади, находился построенный в 1886 г. купцом 1-й гильдии Е.И. Королевым городской театр с залом на 1 тыс. зрителей, в обиходе называемый «королевским». В юго-западном углу, где Почтамтская улица переходила в Садовую, располагался корпус университетской клиники.

---

¹ *Сибирский вестник*. 1905. 18 авг.

Еще одна характерная деталь анализируемых событий связана с активным использованием ее участниками телефонной связи. Телефонная связь появился в городе в 1886 г., в 1894 г. открывается государственная телефонная сеть на 115 номеров¹. В 1900 г. она обслуживала 328 абонентов, в 1910 – 688². К 1905 г. число абонентов составляло не менее 500 и связью были охвачены основные административные и общественные учреждения (городская управа, мещанское собрание, библиотеки, учебные заведения), а также квартиры чиновников, купцов, городского головы, инженеров и т.д.

В рамках Всероссийской октябрьской политической стачки 13 октября 1905 г. в Томске первыми начали забастовку служащие Управления Сибирской железной дороги, которые 14-го в здании управления провели митинг³. 15 октября забастовала большая часть предприятий и учреждений города⁴. Руководящую роль в эскалации общественной активности играли либералы. Активизировались и радикалы. По свидетельству В.Д. Виленского-Сибирякова, социал-демократов волновал вопрос вооружения: «Мы решили создать вооруженный отряд. Для чего, для каких целей об этом в первый момент как-то не говорилось, а просто все желали вооружиться и быть готовыми...»⁵. Согласно воспоминаниям В. Бухарина (1935 г.), уже на митинге 16 октября начали собирать деньги на оружие⁶. Заметим, что вплоть до сентября 1905 г. такое желание не проявлялось. Согласно кассовым отчетам комитета Сибирского союза РСДРП, находившегося тогда в городе, за январь – август 1905 г. из многочисленных трат, только 12 руб. социал-демократы израсходовали на покупку одного револьвера⁷.

Характерной чертой октябрьской забастовки стали агрессивно-наступательные действия радикалов и либералов по ее расширению. Служащих из управления дороги выдворяли, в том числе используя химическую обструкцию – «подкладывалась колбочка с

---

¹ Багаева Л.А., Бузанова В.А. Телефон // Энциклопедия Томской области. Томск, 2009. Т. 2. С. 775.

² История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 198.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17, 29; Д. 179. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 26.

⁵ Советская Сибирь. 1925. 20 дек.

⁶ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 28.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 101. Л. 6.

вонючим газом, и поневоле должны были протестовать»¹. Об этом же свидетельствует А. Шалаев: «Началась всеобщая забастовка. Рабочие и приказчики ходили по магазинам и предприятиям, снимая колеблющихся»². Эту особенность в рапорте отметил полицмейстер П.В. Никольский: «14 октября забастовщики, разделившись на небольшие группы, ходили по разным магазинам и требовали немедленного прекращения торговли с целью всеобщей забастовки, причем не желавшим подчиняться этому требованию угрожали разгромом их имущества»³.

Подобная практика не всегда встречала поддержку. Как вспоминал в декабре 1925 г. Шаламов, во время «снятия» неожиданный отпор был дан в кузнечных рядах на Белом озере: «Кузнецы напали на нашу группу и начали избивать всем, что было в руках»⁴. По свидетельству городского головы А.И. Макушина, ломовые извозчики избили снимавших в магазинах приказчиков и «какого-то студента»⁵. Подобная агрессивная практика формировала слой недовольных действиями забастовщиков, особенно среди тех, кто жил за счет торговли, извоза, оказания услуг и т.д., лишая их повседневного заработка, что, на мой взгляд, сыграло важную роль в последующих событиях. «В народе, в особенности в среде мелких торговцев и рабочих, замечалось недовольство по поводу забастовок», – фиксировалось в «Обвинительном акте» окружного суда⁶.

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 5.

² Там же. Д. 183. Л. 20.

³ Там же. Д. 154. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 168. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 179. Л. 5.

⁶ Дело о погроме... С. 5.

Глава 1

«СПАСЛОСЬ НЕМНОГО, ПОГИБЛО МНОГО»

§ 1. Разогрев. 13–19 октября

А теперь попытаемся реконструировать события в Томске начиная с 13 октября 1905 г. В этот день забастовали 1,5 тыс. служащих Управления Сибирской ж.д. В «Обращении профессиональной группы Комитета служащих Управления Сибирской дороги к рабочим», напечатанном в виде листовки Томским комитетом РСДРП от 13 октября, содержались следующие призывы: «Да здравствует всеобщая забастовка! На сходку! Товарищи! Нам нужно посоветоваться и предъявить требования. Наше дело их поддержать! Сегодня назначается сходка – должны быть все. Не придет только ленивый или трус!»¹. Администрация к событиям оказалась не готовой. «Власть чувствовала некоторую растерянность, – констатировал В.Д. Виленский-Сибиряков. – Она была не решительна, колебалась»². Правоохранительные органы действовали рассогласованно. Начальник местного губернского жандармского управления полковник Романов шифротелеграммой 12 октября сообщал в МВД об отсутствии у него «в силу установившейся практики связи [с] охранным отделением»³.

14 октября к забастовке примкнули учащиеся средних учебных заведений⁴. Начинается процесс «снятия» (привлечения) к стачке

---

¹ *Большевики* Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 1958. С. 194.

² *Сов. Сибирь*, 1925, 20 дек.

³ *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 157. Л. 60.

⁴ *ГАНУ*. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

работников учреждений и предприятий. Служащие управления дороги попытались провести митинг, но здание окружили казаки и военные патрули, рассеявшие собравшихся¹.

15 октября с утра железнодорожные служащие и учащиеся под руководством функционеров комитета РСДРП попытались организовать митинг в одном из корпусов технологического института, но его закрыли и окружили военными патрулями². Тогда же ученики старших классов реального училища предъявили своему начальству требование о том, чтобы им было предоставлено помещение для сходки», фиксировал полицмейстер, но им было отказано³. Собравшиеся двинулись «снимать» учащихся старших классов реального училища, мужской и женской гимназий, а затем направились в Бесплатную библиотеку, где организовали митинг. Полиция рассеяла скопившихся по пути следования демонстрантов горожан. На предложение полицмейстера покинуть библиотеку добровольно или хотя бы «выпустить учащихся, детей и женщин» толпа численностью, по официальным данным, примерно 400 чел.⁴ отвечала отказом, выражая его сильным шумом, гиканьем, свистом, криками «полиция и жандармерия, долой отсюда!» и заперла все двери. Организаторами сходки были Дм. Анцинов, Фредяновский и частный поверенный Колобов. В рапорте П.В. Никольского отмечалось: «Многие из учащихся на вызовы и просьбы их родителей покинуть сборище отказывались, не желая оставить демонстрантов; некоторые же из них не могли выйти потому, что были удерживаемы там силою»⁵.

Тем временем по городу распространился слух об избиении казаками молодежи и начавшейся осаде Бесплатной библиотеки. Известие об этом в городскую управу в 12.00 часов принес член редакции газеты «Сибирский вестник» эсер М.Н. Вознесенский⁶. Всполашившиеся родители начали звонить (телефонировать) городскому голове или сами отправились в управу с требованием организовать освобождение детей или, по крайней мере, предоставить возможность общения с ними. А.И. Макушин около 18.00 часов

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 1; Д. 173. Л. 2; Д. 154. Л. 17.

² ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–7; Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 2.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 154. Л. 29.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 179. Л. 1.

отправился к губернатору добиваться снятия осады, аргументируя просьбу тем, что во время разгона пытавшихся митинговать 14 октября железнодорожных служащих им разрешили свободно разойтись. Ответ был категоричен. «Всех отведут в тюрьму»¹.

В сложившейся ситуации городской голова с помощью гласных городской думы (16 чел.) и присяжного поверенного эсера П.В. Вологодского сформировали делегацию к В.Н. Азанчевскому-Азанчеву (в нее вошли А.Н. Шипицын, М.Н. Загибалов, Чернышов), которая отправилась к нему примерно в 21.00. Одновременно, по сведениям В.М. Броннера, у муниципалитета собралось несколько сот человек, в том числе родители детей. Для давления на власть, по предложению Д.Д. Вольфсона, было решено пойти к начальнику губернии, ударить в набат, вооружиться кто чем может и идти на выручку детей². Губернатор согласился на освобождение не сразу. Заявил, что собравшихся в библиотеке надо переписать для последующего уголовного или дисциплинарного преследования. По телефону связался с полицмейстером. Последний ответил, что участники сходки «все-таки наказаны достаточно. Можно отпустить, тем более, что движется толпа на выручку из Думы (городской. – М. Ш.)». Около 23.00 полицейские, казаки и солдаты отзываются от библиотеки, и радостная толпа освобожденных и подошедших от городской управы с криками «Ура!» начала расходиться по домам³.

События 15 октября существенно изменили ситуацию в Томске. Освобождение митинговавших в Бесплатной библиотеке создало прецедент, и 16 октября город погрузился в митинговую стихию. «Брожению умов» способствовал и указ от 12 октября 1905 г., упрощавший порядок получения разрешения (уведомительный принцип) на проведение собраний и митингов по вопросам государственным, политическим и экономическим⁴.

С 16 октября в городе, согласно донесению В.Н. Азанчевского-Азанчева, «происходили в разных общественных учреждениях бурные, многолюдные нелегальные митинги, на которых произносились революционные речи, в резкой форме осуждавшие царя и правительство и содержавшие в себе кощунственные мысли о пра-

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 2.

² ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17; Д. 179. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 154. Л. 29.

вославной вере, а равно собирались пожертвования на революционные цели; отдельные ораторы, собрав около себя группы случайных слушателей, произносили речи под открытым небом и на улицах города, причем не стеснялись поносить имя царя самыми бранными словами»¹. С этого дня ежедневно в железнодорожном управлении, городском (Королевском) театре, Бесплатной библиотеке, Общественном собрании непрерывной чередой шли митинги. По свидетельству очевидца, «они начинались с утра и кончались почти ночью»². Эпицентром митинговой лихорадки становится театр. Почти бессменными руководителями митингов становятся социал-демократы В.М. Броннер и Доброхотов.

В первой половине 16 октября в городской управе состоялось собрание, на котором с отчетом о всероссийском съезде городских и земских деятелей в Москве выступил делегат от томского городского самоуправления П.В. Вологодский³. После этого участники мероприятия переместились в Общественное собрание, где состоялся грандиозный митинг, на котором присутствовало, по разным оценкам, от 4 до 5 тыс. чел.⁴

Вечером того же дня начальник губернии пригласил городского голову и в присутствии начальника ГЖУ, полковника Романова и полицмейстера П.В. Никольского предложил «принять председательствование на митингах всех партий, что на предмет обсуждения он будет смотреть «сквозь пальцы», за речи ораторов считать меня ответственным не будет». А.И. Макушин категорически отказался, ссылаясь на то, что каждый митинг выбирает своего председателя. Тогда В.Н. Азанчевский-Азанчеев предложил голове сформировать оргкомитет, «который приискал бы помещение для митингов и взял на себя внешнюю распорядительную функцию»⁵. Как потом городской голова показал на судебном процессе в 1909 г., губернатор объяснил свое предложение лапидарно: «Поговорят, успокоятся... Прокурор тогда же спросил его, имеет ли он на это

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 29.

² Там же. Д. 168. Л. 5.

³ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

⁴ Там же. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 179. Л. 2–3. По свидетельству В.М. Броннера, разговор состоялся 17 октября. – См.: ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

право. Губернатор ответил, что он все берет на свою ответственность»¹. Алексей Иванович обещал обсудить вопрос с гласными.

17 октября. Митинговая страда продолжилась. Примерно в это время распространяется прокламация Томского комитета РСДРП «К гражданам!», в которой говорилось: «Наступили великие дни. Россия объята пламенем революционного пожара. Между русским народом и царским правительством идет беспощадная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть»². По данным полицмейстера и по информации из письма Г. Шпилева, в этот день митинг прошел в городском театре³. Об атмосфере на нем и обсуждаемых вопросах можно судить по эпизоду, который очевидцы и участники по времени разносят в интервале 16–18 октября. А. Яропольская по этому поводу свидетельствует (1925 г.): «Кто-то из ораторов предложил идти арестовать губернатора... Но какой-то военный врач остановил толпу призывая к благоразумию, потому что дом губернатора охраняется войсками, перед которыми невооруженная толпа бессильна»⁴. Совсем по-другому этот эпизод освещает А. Шалаев (1924 г.): «Публика была наэлектризована. Какой-то военный врач, выхватив шашку, предложил сейчас же идти арестовывать губернатора»⁵. Еще одну версию произошедшего предложил в 1935 г. Н. Молчанов: военный доктор, «явившейся в походной форме на митинг, взял слово и произнес горячую речь о необходимости широкого вооружения народа. Слов мало. Нужны действия. Свободы, о которых вы мечтаете, даром не даются. Нужно уметь отстаивать завоевания революции. Нужно взять власть в свои руки, а для этого необходимо вооружение. Нужно реквизировать все имеющееся в городе оружие и склонить воинские части на свою сторону. Иначе растерявшиеся власти опомнятся, революция будет раздавлена, и наступит снова тринадцать лет мирного царствования»⁶.

Невозможно установить, как было на самом деле. По всей видимости, что-то подобное имело место на одном из митингов, а потом информация в виде слухов распространилась по городу и

---

¹ Дело о погроме... С. 47.

² *Большевики* Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. С. 195.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 5; Д. 154. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 170. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 183. Л. 29.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 21.

отложилась в памяти мемуаристов. Непонятно, о каких 13 годах мирного царствования говорил военный врач в интерпретации Н. Молчанова. Николай II вступил на престол в октябре 1894 г., следовательно, до октября 1905-го он процарствовал 11 лет. От 1905 до февраля 1917 г. временной интервал составляет 11,5 лет.

Еще одно событие состоялось вечером 17 октября. По просьбе городского головы у него собрались распорядители самых больших залов Томска для обсуждения возможности использования их для проведения митингов. «О намеченных помещениях решено было опубликовать с техническим указанием сколько человек может каждое помещение принять без риска по крепости полов», – свидетельствует А.И. Макушин¹.

18 октября. Утром, по информации П.В. Никольского, «Большая толпа демонстрантов... при участии учеников средне-учебных заведений посетили мужскую гимназию, где выломали двери, а затем, захватив с собой несколько гимназистов, подошла к зданию Коммерческого училища на Воскресенской горе с целью прекратить в этом училище учебные занятия. Вызванными вовремя казаками и нижними чинами батальона толпа эта была рассеяна»². На беду правоохранителей, событие это происходило напротив здания окружного суда, куда укрылась часть избиваемых³. Служители Фемиды во главе с председателем суда статским советником А.В. Витте вступились за юных застрельщиков революции. От прибывшего на место происшествия А.И. Макушина учащиеся потребовали обсудить инцидент в городской думе. «Около часа дня в городскую управу явилась большая толпа учащихся, – вспоминает он, – сопровождаемых, во избежание каких-либо новых уличных инцидентов, председателем суда А.В. Витте. Приезжают многие адвокаты и затем прибывает громадная толпа разного социального положения. Вологодского бурно приветствуют. Бесчисленные негодующие речи. Крайнее возбуждение, шум, крики, требования немедленно отправиться в театр «для совместного обсуждения с народом»⁴.

На митинге в театре председательствовал В.М. Броннер. Страсти еще больше накалились после ознакомления с текстом полу-

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 3.

² Там же. Д. 154. Л. 17.

³ Там же. Л. 29об.

⁴ Там же. Д. 179. Л. 3.

ченного Манифеста 17 октября. По данным губернатора, он пришел в Томск в 16.00, а, по В.М. Броннеру, документ принесли на митинг и зачитали в 17.00¹. Традиционно внимание сосредоточивается на первом пункте констатирующей части манифеста: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Но не обращается внимание на заключительный абзац, в котором самодержец призывал «всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»². Верховная власть напрямую обращалась к законопослушным подданным за помощью в преодолении очередной, причем «неслыханной смуты». Безусловно, призыв был услышан, и началась консолидация благомыслящих элементов, томские адепты которых видели врагов в студентах, железнодорожных служащих, в чьей среде, по их представлениям, господствовал «польский и жидовский элемент, первый исконный враг России»³.

На митинге же политические страсти накалились до предела. Так, суть речи преподавателя технологического института, в изложении А.И. Макушина, «состояла в требовании низвергнуть губернатора и объявить губернатором городского голову... Оратор был в крайнем возбуждении и после речи еще долго был в нервной дрожи»⁴. По свидетельству председателя форума, звучали предложения прекратить снабжать полицию, вывести из города казаков, избрать вместо существующей городской думы новый орган городского самоуправления⁵. «По имеющимся у меня сведениям, – отмечал В.Н. Азанчевский-Азанчев, – намерение арестовать губернатора не было приведено в исполнение вследствие сделанного председателем указания на недостаточность вооружения революционеров»⁶. А.И. Макушин высказался против принятия им полномочий губернатора, поскольку «компетенция городского самоуправления

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 154. Л. 29об.; Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

² *Политическая история России: Хрестоматия*. М., 1995. Ч. 2. С. 257.

³ Цит. по: *Томск. История города от основания до наших дней*. Томск, 1999. С. 171.

⁴ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 4.

⁵ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

⁶ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 30.

на губернию не распространяется». Что касается инцидента у коммерческого училища, то городская дума будет требовать смещения полицмейстера, удаления казаков, подаст жалобу на действия губернатора, прекратит выдачу субсидий на содержание полиции и будет добиваться учреждения, «кроме существующей ночной охраны, городской дневной охраны». Но все это путем принятых на ее заседаниях решений¹.

Вечером состоялось заседание городской думы, на котором присутствовало 26 гласных и большое количество учащихся, их родителей и участников митинга в театре. Принимаются постановления, осуждающие разгон демонстрации, и требования увольнения полицмейстера П.В. Никольского, удаления из города казачьей сотни, прекращения финансирования городского полицейского управления (ГПУ), учреждения городской охраны и немедленного освобождения политических заключенных. Комментируя их, А.И. Макушин подчеркнул, что в отношении дневной охраны в соответствующем решении «категорически оговаривалось, что она не должна быть партийной, а совершенно объективной». «Томская городская дума, – пояснял он, – насколько возможно, домогалась самостоятельности и расширения своей деятельности. Она добивалась разрешения организовать полное окарауливание города с подчинением караульных преимущественно городскому управлению. В думе затем обсуждался вопрос об организации вообще своего полицейского штата в целях личной и имущественной безопасности граждан в обслуживании санитарных потребностей городского благоустройства и вообще местных нужд. За правительственной полицией, по мнению Думы, должны были оставаться только общегубернские и общегосударственные функции»². Разъясняя позицию Алексея Ивановича, его жена в открытом письме, увидевшем свет 27 октября, сообщала, что он был принципиальным противником всяких забастовок, прежде всего медиков, о чем заявил на совещании в городской думе 19 октября. «Он был убежден, что только прекращением забастовок можно было достигнуть успокоения массы народа, которая, оставаясь без дела и озлобляясь на это, только увеличивала всеобщую смуту»³.

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 4.

² Там же. Л. 4, 5.

³ Сибирская жизнь. 1905. 27 окт.

Следует напомнить, что еще 18 августа 1905 г. городская дума обсуждала вопрос о состоянии ночной охраны в Томске. К тому времени в ее штате числилось 10 конных и 100 пеших караульщиков, на содержание которых ежегодно расходовалось порядка 18 тыс. руб. за счет сборов с домовладельцев от 0,5 до 5 руб. Принимается решение увеличить количество конных сторожей до 50, а расходы на их содержание – до 35 тыс. руб. Кроме того, принимается еще одно важное постановление: «В настоящее время, говоря о ночной охране, нельзя не иметь в виду и охрану дневную. Городское общественное управление признает единодушно, что ныне существующая в видах охраны тишины и спокойствия полиция не удовлетворяет своему назначению, что организация полицейской власти на местах должна быть существенно изменена, что дело безопасности и порядка на улицах городов – такая же насущная, но только несравненно более существенная, местная проблема, как и содержание мостовых, и что, наконец, поэтому было бы целесообразно и рационально передать городскую полицию в ведение органов городского общественного представительства». Кроме того, дума постановила организацию и функционирование ночной охраны города взять в свои руки¹. 18 октября дума постановила: «Для охраны города в дневное время учредить городскую стражу, начиная со ста человек и разрешить городской управе произвести необходимый расход как на содержание стражи, так и на обмундирование и вооружение ее»².

Поздно вечером (24.00) с постановлениями городской думы А.И. Макушин отправился к губернатору. Симптоматично, что у подъезда городской управы он встретил группу рабочих, сообщивших, «что они разбили стекла у магазина Второва за то, что управляющий Второва Чернышов, по их словам, нанимал ломовых извозчиков бить забастовщиков»³. Аудиенция у начальника губернии в изложении городского головы свелась к обещанию удалить П.В. Никольского, но нужно 1–2 дня, чтобы ввести в строй его премника. Казаков из города может удалить только командующий Омским военным округом, «ему напишу», прекращение финансирования полиции – «платоническое пожелание», оно для города

---

¹ *Сибирский вестник*. 1905. 23 авг.; *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Указ. соч. С. 102.

² *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 5.

³ Там же.

обязательно, и губернское присутствие эту часть думского постановления, несомненно, отменит. «Относительно дневной охраны – что ж, устраивайте»¹.

В.Н. Азанчевский-Азанчеев, в свою очередь, так освещает встречу с руководителем муниципалитета: «Упомянутое постановление Думы городским головой Макушиным было представлено мне 18.10 вечером, причем Макушин, сообщая о крайне возбужденном состоянии общества, предупредил меня, что исполнения этого постановления могут потребовать от меня даже насильственным путем. По телефону из моего кабинета городской голова передал, с моего ведома, в городскую управу, что начальник губернии согласен на разрешение в положительном смысле лишь вопроса об устранении от должности полицмейстера, но по остальным вопросам необходимо соблюдение установленного Городовым положением порядка»². Как видим, в интерпретации губернатора вопрос о дневной охране вообще был опущен. Уже когда начался «разбор полетов» 13 ноября 1905 г. редакция «Сибирской жизни» по этому поводу сообщила: «Мы самым категорическим образом заявляем, что бывший томский губернатор Азанчевский-Азанчеев разрешил городской управе учреждение милиции, не лишая ее права вооружить милицию. Правда, была попытка отрицать такое разрешение, но последнее было дано в присутствии нескольких официальных лиц, и вопрос о разрешении учредить милицию нужно считать окончательно выясненным»³.

События 18 октября стали еще одной ступенью эскалации радикальных настроений в Томске. Манифест 17 октября де-юре санкционировал разгул митинговой стихии. Радикалы и либералы открыто заговорили о взятии власти в свои руки. Обещание губернатора отстранить от должности полицмейстера и заявление городского головы о согласии начальника губернии на создание и вооружение городской охраны деморализовали правоохранительные структуры. Власть в очередной раз отступила. Еще до получения указа от 21 октября 1905 г. об освобождении «от преследования, суда, наказания и прочих последствий и даровании полного помилования» политическим преступникам», 19 октября по настоянию прокурора окружного суда освобождаются 160 поли-

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 5.

² Там же. Д. 154. Л. 29об.

³ Сибирская жизнь. 1905. 13 нояб.

тических заключенных, отбывавших наказание и находившихся под следствием¹

Сам начальник губернии в рапорте от 16 ноября 1905 г. по поводу сложившейся 18 октября ситуации сетовал: «Полицейские деморализованы. Чиновники просили о переводе в уезды. Прессинг на улицах, угрозы насилия и пр. Нижние чины не только прекратили в 19.10 наружную службу, но боялись даже показываться в форменной одежде на улице»².

19 октября. День, вернее сутки, начали социал-демократы. Согласно воспоминаниям В.М. Броннера, ночью местный комитет РСДРП выдвинул идею проведения выборов органа революционного самоуправления города. Как пояснял он: «...не имея возможности выдвинуть какой-либо другой орган, который мог бы помочь Комитету (РСДРП. – М. Ш.) справиться с руководством быстро и стихийно развивающихся событий, Комитет остановился на выдвинутом на митинге органе революционного самоуправления, который смог бы, сменив прежнюю думу, взять на себя руководство всеми делами города. Одна из ближайших задач этого органа – замена полиции сильной милицией»³. Об этом же сообщается в воспоминаниях В. Бухарина (1935 г.)⁴. Толчком для акции стало обращение летом 1905 г. социал-демократической газеты «Искра» к рабочим произвести выборы «своих собственных... представителей». «Уездные и губернские собрания таких представителей... создадут как бы целую сеть представительных органов революционного самоуправления с революционным всероссийским представительным собранием во главе». Эти органы должны были «диктовать свое требование Учредительного собрания всем прочим прогрессивным группам»⁵.

«На пути в управу, около 9 часов утра, – рассказывает А.И. Макушин, – был изданы свидетелем, как группа рабочих палками разгоняла ломовых извозчиков с Базарной площади, объясняя прохожим, что извозчики ранее поколотили снимающих с работ в

---

¹ *Томская область. Исторический очерк.* С. 202; *Томск. История города...* С. 171–172; *ГАНО.* Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; Д. 6а. Л. 1.

² *ГАНО.* Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 151. Л. 29об–30.

³ *Броннер В.М.* Октябрь 1905 г. в Томске // 1905 год в Сибири: Сб. статей и воспоминаний. Новониколаевск, 1925. С. 130.

⁴ *ГАНО.* Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 30.

⁵ *Искра.* 1905. Июнь.

магазинах приказчиков и какого-то студента»¹. Об этом случае упоминается и в рапорте губернатора². Более пространно его описывает полицмейстер: «Утром же большая толпа демонстрантов явилась на Базарную площадь к магазину Второва и, разделившись на две партии, бросилась на мирно стоявших на базаре ломовых извозчиков, деревенских мужиков и женщин, торговавших съестными припасами, и стала их гнать с базара, нанося им побои палками и кулаками. От такого дикого и неожиданного нападения извозчики и торговцы-крестьяне стремительно разъехали с базара, и он опустел. Лавки не открывались»³. Без указания времени в «Обвинительном акте» о томском погроме фиксируется: «В тот же день (19 октября. – М. Ш.) у моста близ городского полицейского управления собрались кучки народа, и между ними шли разговоры о том, что «полицию отменили и хотят губернатором назначить еврея, что, таким образом, город перейдет в руки евреев»⁴.

Полицмейстер П.В. Никольский 19 октября отмечает оживление общественной активности: «Утром в городе началось сильное движение: на перекрестках улиц собирались небольшими группами какие-то подозрительные люди, говорились речи, раздавались публичке противоправительственные прокламации»⁵. На причинах такой активности я еще остановлюсь.

В 10.00 у губернатора началось совещание. На нем присутствовали городской голова, архиерей, мулла, управляющий казенной палатой, управляющий государственным имуществом, начальник почтово-телеграфного округа Жарков, управляющий отделением Государственного банка, сотрудники прокуратуры, председатель окружного суда А.В. Витте, купцы А.Е. Кухтерин, Мальцев и «еще несколько лиц». «Губернатор объявил, что он пригласил присутствующих для совета как быть в настоящее трудное время и просил о содействии». Жарков «выразил сожаление, что умеренные элементы не организуются, а между тем крайние в своих речах доходят до требования «надо Николая II повесить». А.И. Макушин возразил в том плане, что официальные организации не имеют авторитета в обществе и порядок может водворить вне всякой партийности го-

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 5.

² Там же. Д. 154. Л. 30.

³ Там же. Л. 17об.

⁴ Дело о погроме... С. 6.

⁵ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об.

родская дневная охрана. А.В. Витте «спросил губернатора, разрешил ли он городу организовать дневную городскую охрану. Губернатор ответил утвердительно». Затем все разъехались, а по просьбе В.Н. Азанчевского-Азанчеева остались А.И. Макушин, А.В. Витте и прокурор окружного суда Беляев для обсуждения кандидатуры нового полицмейстера. Городской голова предложил пристава Юрточной части К.П. Пушкарева, поскольку в городе его хорошо знают и потому что «во время вчерашнего избиения Пушкарев взял под свою защиту несколько учащихся, и это на горожан произвело хорошее впечатление. Губернатор ответил, что он подумает»¹.

Реальным действием власти в этот день стали расклеенные по городу объявления от имени начальника губернии, в которых заявлялось: «Высочайший Манифест 17 октября 1905 г. возлагает на подлежащие власти обязанность принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному исполнению лежащего на них долга. Во исполнение сего довожу до сведения населения г. Томска, что все меры охраны жителей от насилия мною приняты и население города может спокойно продолжать свои занятия, не придавая значения резолюциям, объявлениям и прокламациям противников правового порядка. Постановления и резолюции, исходящие за последние дни от участников так называемых митингов, законной силы не имеют»².

От губернатора городской голова направился в городскую управу, где провел совещание с ее членом, заведующим ночной охраной П.И. Ивановым и домовладельцем И.С. Быховским относительно организации дневной охраны. Руководство ею возлагалось на П.И. Иванова. Личный состав предполагалось набрать из числа гласных думы и членов Добровольного пожарного общества, которых специально для этого пригласили в управу и перед ними с соответствующим предложением выступил А.И. Макушин³. В заявлении об отказе от звания городского головы, датированном 20 октября 1905 г., он пояснял: «Я не инициатор вооружения дневной охраны города. Напротив, не спорил ли я долго и упорно, что на первых порах охрану дневную нужно не вооружать, не указывал ли я, как и другие гласные, что цель охраны общественная, не партий-

¹ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 5–6.

² Там же. Д. 154. Л. 30.

³ Там же. Д. 179. Л. 6–7.

ная. Высказывались даже, что ближайшим образом охрана будет противиться насильственному закрытию магазинов и срыванию работающих с их работы»¹. Эту мысль Алексей Иванович повторил на судебном процессе 19 августа 1909 г.² Позицию городского головы поддержали 18 гласных городской думы, которые впоследствии в специальном заявлении подтвердили, что «Алексей Иванович упорно и настойчиво отстаивал свое мнение, чтобы дневная охрана была не вооруженной»³.

Уже после отъезда городского головы домой из-за болезни (высокая температура) в помещении городского самоуправления продолжилось совещание по поводу организации городской охраны. На нем присутствовали: пристав Юрточной части К.П. Пушкарев, которого прочили на должность полицмейстера вместо П.В. Никольского, упоминавшиеся П.И. Иванов и И.С. Быховский, чиновник консистории Хоцятовский, издатель Ф. Романов, купцы Зеленевский, Зверев, врачи Н.И. Березницкий, В.М. Броннер, отставной капитан Г.Я. Цам и еще около 20 чел. В.М. Броннер потребовал назвать предполагаемое формирование милицией и включить в него студенческую дружину, подчиняющуюся комитету РСДРП. В конечном счете собравшиеся принимают следующее решение: «1. охрану до принятия платников на постоянной основе укомплектовать из членов добровольного пожарного общества и студентов; 2. охранников вооружить специально купленными револьверами; 3. организовать особый комитет из 12 чел., поручив ему заведывание охраной»⁴.

Комитет, названный Комитетом общественной безопасности (КОБ), издал листовку следующего содержания: «Граждане!

Комитет общественной безопасности, избранный Томской городской думой, организовал городскую милицию.

Она будет охранять вас, вашу жизнь, здоровье, имущество и честь против насилия всякого рода.

Граждане!

Нашим лозунгом будет безопасность всех граждан. Обращайтесь безбоязненно к защите наших милиционеров, помогайте им исполнять их обязанности

---

¹ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 181. Л. 2–2об.

² Дело о погроме... С. 49–50.

³ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 181. Л. 2об.

⁴ Сибирская жизнь. 1905. 27 окт. Письмо Е. Макушиной.

Отличительные знаки – белая повязка с красными буквами «ГО» со штампом городской управы»¹.

В воспроизведенном документе обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, городская дума не принимала решения о создании КОБа, а только высказалась за организацию дневной городской охраны и 19 октября не собиралась. Во-вторых, в тексте обращения присутствует явное противоречие в названии создаваемого правоохранительного органа. С одной стороны, милиция, а с другой – «белая повязка с красными буквами «ГО» (городская охрана). Данное обстоятельство можно объяснить тем, что участвовавшие в принятии решения о создании формирования либералы и радикалы вкладывали разное понимание в его назначение: для радикалов милиция – независимый от власти орган, образованный революционным творчеством народа; для гласных городской думы, домовладельцев и городского головы – городская охрана, хотя и созданная по инициативе и на средства муниципалитета, но действующая под руководством соответствующего государственного полицейского органа. Не случайно на совещание пригласили будущего руководителя из чиновников ГПУ. В данном случае городское самоуправление продолжило начатую летом подготовительную работу по созданию своей собственной правоохранительной структуры.

Следует прокомментировать основополагающее требование городского головы А.И. Макушина к будущему формированию – «оно не должно быть партийным, а совершенно объективным». Речь идет о попытках радикалов включить в него своих дружинников и использовать для достижения политических целей. В свою очередь, либералы пытались подчинить муниципальным органам полицию. Так, впоследствии кадеты в своей программе декларировали: «Круг ведомства органов местного самоуправления должен простираться на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния»². На съезде Сибирского областного союза в Томске 28–29 августа 1905 г. делегаты к компетенции земских органов и Сибирской областной думы

---

¹ *Зиновьев В.П.* Томская городская дума в революции 1905–1907 гг. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 134.

² *Программы и уставы политических партий России 1905–1906 гг.* Новосибирск, 1991. С. 38.

отнесли и «общественную безопасность»¹. Поэтому не случайно радикалы и радикально настроенные либералы предполагали под видом дневной охраны сформировать автономную от органов местного государственного управления милицию, которая с точки зрения правовых норм того времени представляла «обывательские дружины, создаваемые для несения полицейской службы и охранения порядка в тех случаях, когда правительственная власть силою обстоятельств лишается возможности правильно отправлять свои функции»². Как замечает по этому поводу И.В. Чернова: «В своем стремлении взять под контроль работу местной полиции Томская городская дума была не одинока. В этот период в МВД поступили подобные предложения из многих городов страны. Причем руководство МВД решительно отвергало подобные новшества»³. В тот же день городская управа приобрела 54 револьвера системы «Бульдог» и изготовила опознавательные белые повязки с буквами ГО и гербом города⁴.

Отмеченная выше властными структурами повышенная общественная активность горожан объясняется попыткой реализации радикалами еще одной своей задумки, связанной с созданием органа революционного самоуправления Томска. В изложении В.М. Броннера, комитет РСДРП решил провести выборы 19 октября и выпустил специальное обращение к горожанам. Голосование происходило в театре, народном доме (Общественном собрании), технологическом институте и на Новособорной площади⁵. Более пространно ситуацию описал В. Бухарин. Выборы предполагалось провести 19–20 октября. Город разбили на районы (избирательные округа), выдвинули кандидатов от социал-демократов, эсеров и общественных работников, «в большинстве железнодорожников и свободных профессий». Утром 19 октября было выпущено обращение от комитета РСДРП о предполагаемых выборах в революционное самоуправление со списком кандидатов и указанием мест голосования. В 12.00 там началась подача записок (бюллетеней).

---

¹ *Право*. 1905. 1 окт.

² Цит. по: *Рубцов С., Сысоев А.* Иркутское общество и милиция 1905 года // Иркутск: события, люди, памятники. Иркутск, 2006. С. 93.

³ *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Указ. соч. С. 104.

⁴ *ГАНУ*. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 61; Д. 6. Л. 13–14; *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Указ. соч. С. 105.

⁵ *ГАНУ*. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

К ночи 19 октября голосование завершилось, было подано свыше 10 тыс. записок. Для подсчета избирается особая комиссия (кем? – М. Ш.)»¹.

Существенные уточнения в рассматриваемый сюжет вносит письмо Г. Шпилева, написанное 30 октября 1905 г.: «На митингах возбудили вопрос об избрании в городское управление революционных представителей, если старые гласные примут, то вдобавок к ним, а если нет, то старое городское <управление> долой и вместо него свое революционное правительство. Должны были избрать 25 чел., кандидатов выдвинули 53. Например, кто кого-нибудь желал, говорил про него, и его записывали в список... Из них 26 социал-демократов... Голоса подавались так: каждому давали листок бумаги и раздавали список кандидатов и вот кто кого желал и записывал 25 человек в свой листок, а потом эти листки отдавались председателю»². А. Яропольская поясняет: «В среду 19 октября рано утром пришли ко мне из Томского комитета РСДРП спросить, согласна ли я выставить свою кандидатуру в гласные революционной думы. Я охотно согласилась»³. Ставший после 1917 г. большевиком, а в 1905-м один из руководителей местных социал-демократов Н.Н. Баранский в 1920-е гг. осудил затею с выборами, возложив ответственность за нее на меньшевиков, «царивших в это время в Томске»⁴. О том, что одновременно с этим социал-демократы пытались создать милицию, он умолчал.

В течение всего 19 октября в Томске (Бесплатная библиотека, Общественное собрание, ТТИ, театр, улицы) шли непрерывающиеся митинги. Самый многолюдный состоялся в Общественном собрании. По сведениям жандармов, в нем приняло участие около 1,5 тыс. чел.⁵ Вечером по улицам прошла демонстрация с пением

---

¹ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 30.

² Там же. Оп. 2. Д. 173. Л. 7; Письмо Г. Шпилева опубликовано В.П. Зиновьевым со ссылкой на ГАО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–39. – Зиновьев В.П. Об октябрьских событиях 1905 г. в Томске // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995. С. 80–93.

³ Там же. Д. 170. Л. 6.

⁴ Баранский Н.Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза. Воспоминания о подпольной работе в 1897–1907 годах. Изд. 2. Томск, 1961. С. 72–73.

⁵ ГАО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

революционных песен¹. О настроениях горожан можно судить по маленькому, но показательному эпизоду, воспроизведенному в воспоминаниях Герасимова и письме Г. Шпилева. На митинге в Бесплатной библиотеке «один околоточный надзиратель, без двух пальцев на руке, стоит на трибуне и говорит: «Я против Николая, он, мерзавец, завел такую войну... он столько людей перебил. У меня ордена Георгия (это святыня русская), я не трону, а вот медаль с харей Николая, я ее снимаю и кидаю в толпу. Этот момент был для меня, конечно, удивителен»².

Уровень социального напряжения к концу дня достиг предела. Не сговариваясь два активных участника анализируемых событий, принадлежащие к разным лагерям, примерно одинаково оценивали ситуацию. Городской голова А.И. Макушин: «Чувствовалось сильное озлобление друг против друга разных групп населения и терялась надежда предотвратить столкновение»³. Начальник ГЖУ, полк. Романов телеграфировал в МВД: «Настроение крайне напряженное, деятельность в городе мало-помалу замирает, магазины принудительно закрываются. Были небольшие отдельные случаи насилия»⁴. Показательный случай, квалифицированный позднее как кощунственное отношение к церкви произошел в этот день на митинге в театре. На нем, согласно сведениям А.К. Бадулина, было сказано: «Макарий, архиерей Томский, готовит черную сотню, идемте к его дому, вытащим на тротуар, зажжем его, и тем дело кончится. Но другие удерживают и говорят, что с такой гадиной не нужно связываться»⁵.

Теперь посмотрим, что делали благонамеренные обыватели для организации противодействия смуте. В многочисленных воспоминаниях, посвященных погрому, прослеживается эволюция образа черносотенцев и их подготовки к акции. В дореволюционных источниках личного происхождения, в частности, в уже неоднократно цитированном письме Г. Шпилева от 30 октября 1905 г., информация об этом отсутствует. Уже после погрома в номере «Сибирского вестника» от 30 октября в анонимном «Рассказе очевидца» заявляется: «В последние дни перед 20 октября все упорнее и упорнее

---

¹ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

² ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 6; Д. 173. Л. 8..

³ Там же. Д. 179. Л. 7.

⁴ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 6а. Л. 1.

циркулировали слухи, что где-то в Томске организуется черная сотня для решительных, ни перед чем не останавливающихся действий¹. 16 ноября в этой же газете публикуется письмо в редакцию председателя окружного суда А.В. Витте, в котором он сообщает о том, что когда он с прокурором Беляевым 20 октября были у губернатора, то от чиновников слышали о посещении В.Н. Азанчевского-Азанчеева 19 октября мещанским старостой С. Самгиным-Косицыным и последний «испрашивал разрешение на устройство патриотической манифестации». Начальник губернии сначала не хотел давать согласие, но мещанский предводитель «мужественно и решительно заявил: «Нет, ваше превосходительство, мы дольше терпеть не можем»². Буквально через 10 дней последовало опровержение Самгина-Косицына в том плане, что 19 октября он у губернатора не был и встречался с ним только 20 октября, когда патриотическая манифестация уже стихийно началась³. На этом полемика закончилась.

В 1924 г. А. Шалаев фиксирует: «Уже ходили слухи, что черная сотня что-то затевает»⁴. Как видим, ничего конкретного. «Прорыв» произошел в 1925 г. в преддверии празднования 20-летнего юбилея первой русской революции. Сразу два видных деятеля томского социал-демократического подполья В.М. Броннер и В.Д. Виленский-Сибиряков обвинили В.Н. Азанчевского-Азанчеева и Макария в руководстве подготовкой погрома. В их резиденциях «шли энергично собрания». Центром консолидации громил стала мещанская управа. Финансировалась акция купцами «вроде Кухтерина, а в качестве живой действующей силы были использованы томские лабазники, мясники и другой сброд»⁵. В написанных тогда же воспоминаниях А. Яропольской сообщалось о том, что губернатор и полицмейстер Никольский накануне 20 октября направили своих сотрудников «из охранки и членов Союза русского народа для агитации против студентов, евреев и железнодорожников», и 19 октября «группа хулиган-громил... рассыпалась по всему городу и стала держать себя вызывающе»⁶.

¹ *Сибирский вестник*. 1905. 30 окт.

² Там же. 16 нояб.

³ Там же. 26 нояб.

⁴ *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 183. Л. 30.

⁵ *ГАНУ*. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 14; *Советская Сибирь*. 1925. 20 дек.

⁶ *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 170. Л. 6.

Как видим, никакой конкретной информации относительно подготовки погрома в упомянутых выше источниках нет, кроме априорных предположений – раз он произошел, значит его кто-то готовил, т.е. исходя из логики классовой борьбы. Поэтому в 1935 г. В. Бухарин уже без всяких оговорок заявляет, что 19 октября стало известно о подготовке антиреволюционного выступления¹.

§ 2. Взрыв. 20 октября

20 октября. День был типичным для поздней осени. Земля уже была покрыта снегом. С крыш свисали сосульки, оставшиеся от последней оттепели. Температура держалась в пределах $-10\text{ }^{\circ}\text{C}^2$. Утром с 8.00, согласно «Обвинительному акту Томского окружного суда», «на Соборной площади у городского полицейского управления снова стали собираться кучки народа, по видимому, состоящие из рабочего люда и мелких торговцев, причем из их среды слышались возгласы, что надо бить евреев, поляков, студентов, железнодорожных служащих и забастовщиков»³. Согласно рассказу уже упомянутого анонимного очевидца, «20 октября с раннего утра на Воскресенской горе заметно было какое-то оживление, извозчики, стоящие на бирже у Хомяковского переулка, предупреждали, что близ кузниц собирается толпа громил, запасается орудиями – разного рода ломami, молотками, железными полосами, ножами – и что у некоторых есть револьверы»⁴. Кроме того, в начале Почтамтской улицы, у дома Второва также начали собираться люди с возгласами: «Кто за царя? Нынче конец евреям и студентам. Идем бить евреев и студентов»⁵. «Среди обывателей, – фиксируется в хронике «Сибирской жизни», – носились слухи: с утра начнется погром: будут убивать евреев, студентов и железнодорожников»⁶.

В это же время в доме А.И. Макушина (больной, температура $+39$ градусов) началось заседание городской думы, на котором

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 31.

² *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии.* Сб. документов. Томск, 1955. С. 69.

³ *Дело о погроме...* С. 6.

⁴ *Сибирский вестник.* 1905. 30 окт.

⁵ *Баранов Д.С.* Указ. соч. С. 26.

⁶ *Сибирская жизнь.* 1905. 26 окт.

присутствовало 20 гласных. Обсуждался вопрос «о дополнительной думе» или органе революционного самоуправления, избранном накануне 19 октября. Собравшиеся включить новоизбранных в свои ряды отказались, «так как согласие на дополнение думы прежнего состава осложнило бы положение и повело бы к совершенно неизвестным и рискованным последствиям»¹.

Примерно в 8.30 утра к томскому мещанскому старосте С. Самгину-Косицыну в мещанскую управу явился томский мещанин Федор Михайлович Петров и заявил, что «многие общественники жалуются на забастовки студентов и евреев, которые нигде не дают работать, от чего терпят страшную нужду, поэтому просят сделать собрание мещан, которые желают показать себя, что они к партии забастовщиков не присоединяются и государственного строя нарушать не желают, а намерены пройти по улице с флагом и портретом Государя Императора до Троицкого кафедрального собора, куда также были намерены попросить Его Преосвященство, Пресвятейшего Макария, для службы молебна за здоровье Государя Императора, за дарованного им Манифестом 17 октября свободу совести, слова, собраний и союзов, но от выполнения просьбы Петрова я отказался, а предоставил им при этом собраться самим, я же после этого отправился в рекрутское присутствие»².

Кто такой Ф.М. Петров – не известно. Среди привлеченных к суду по делу о погроме он не упоминается. Судя по информации мещанского старосты, человеком он был достаточно грамотным. Обращает на себя внимание, что молебен предполагалось провести за здоровье императора и дарованные им свободы. По моему мнению, эти слова являются ключевыми, объясняющими факт самоорганизации томских мещан и обывателей и опровергающими версию целенаправленной подготовки погрома и погромщиков местными властями. Дело в том, что 20 октября исполнялась очередная (с 1894 г.) годовщина вступления на российский престол Николая II. Это был один из наиболее значимых официальных праздников в Российской империи начала XX в. и отмечался соответствующим образом, в том числе проведением молебнов за здоровье царствующей особы.

Утром того же дня проявила себя на ниве миротворчества и губернская администрация. По приказу В.Н. Азанчевского-Азанчеева

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 21.

² Там же. Д. 154. Л. 19.

отпечатали и стали распространять объявление следующего содержания: «Обращаюсь ко всему населению Томска с убедительной просьбой не посещать некоторое время собраний и не собираться большими группами на улицах – во избежание всяких столкновений, влекущих за собой человеческие жертвы. В Европейской России наступает успокоение. Именем Государя Императора прошу население успокоиться и вернуться к своей трудовой жизни для блага русского народа и дорогого отечества»¹. Что касается правоохранителей, то все участники и очевидцы изучаемых событий констатируют отсутствие чинов полиции на улицах Томска 20 октября. Так, в своем донесении инженер Трубецкой указывает: «...Полиция отсутствовала здесь (на Новособорной площади. – *М. Ш.*), как и во всем городе, с самого утра 20 октября»². Причину этого И.В. Чернова первоначально объяснила «решением губернатора снять с 19 октября полицейские посты в городе». Позднее она уточнила, воспроизведя донесение В.Н. Азанчевского-Азанчеева в МВД: «...Угнетенные, с одной стороны, мыслью о состоявшемся постановлении городской думы относительно прекращения отпуска средств от города на содержание полиции, с другой же стороны, постоянно подвергаясь, будучи на постах, со стороны революционеров угрозам насилия, в случае дальнейшего исполнения своих обязанностей, нижние полицейские чины не только прекратили с 19 октября свою наружную службу, но и боялись даже показаться в форменной одежде на улице. Никакие увещевания со стороны непосредственного начальства не падают духом и нести спокойно службу успеха не имели, так сильна была паника»³. В 10.00 в Бесплатной библиотеке и в городском театре начинаются митинги⁴

Около 9 часов утра (по сведениям полицмейстера, в 10.00)⁵ С. Самгин-Косицын был в рекрутском присутствии, пробыв там недолго за неявкой рекрутов (призывников), вернулся в мещанскую управу⁶. У здания мещанской управы (ул. Магистратская, 2), по

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 30.

² *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии*. Сб. документов. Томск, 1955. С. 68.

³ *Ларьков Н.С., Чернова И.В.* Указ. соч. С. 90; *Ларьков Н.С., Чернова И.С., Войтович А.В.* Указ. соч. С. 105.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 21.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об.

⁶ Там же. Л. 19.

сведениям пожарного 3-й части С.С. Жилина, наблюдавшего за происходящим из ворот части, расположенной рядом, собралась толпа¹ численностью от 50–60 (воспоминания В.Ф. Говердовского)² до 200–300 (Дело о погроме...³, воспоминания В.М. Броннера⁴). В рапортах полицмейстера и мещанского старосты по этому поводу сказано: «Громадная толпа народа»⁵. По данным В. Бухарина, собравшихся было 300 чел.⁶ Толпа состояла преимущественно из чернорабочих и мелких торговцев⁷. А. Шалаев добавил к ним мясников, ломовых извозчиков, переодетых полицейских, мещан⁸. «Она была крайне озлоблена на демонстрантов-забастовщиков, забравших за последнее время в свои руки господствующее положение в городе»⁹.

Забрав в управе портрет царя и национальный флаг, толпа переместилась к рядом стоящему зданию городского полицейского управления. Несмотря на увещания и просьбы помощника полицмейстера Кириллова и секретаря ГПУ Сивкова, толпа силой вошла в здание, взяла там еще один портрет царя и, объявив, что она, враждебная революционерам, пройдет по улицам с патриотической манифестацией и пением народного гимна, «чтобы таким образом наглядно доказать свое не сочувствие последним». В 1909 г. на судебном процессе Сивков пояснил, что представители толпы, проведенные кем-то в здание полицейского управления через черный ход, «стали просить дать им Царский портрет». Чиновник обратился за советом по телефону к губернатору, но, не дождавшись от него ответа, передал портрет, и «все было устроено так, что как будто они сами взяли портрет Государя»¹⁰.

После этого собравшиеся «с пением народного гимна, с криками «ура» направились по Базарной площади к Почтамтской улице,

---

¹ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 20.

² Там же. Л. 15.

³ Дело о погроме... С. 6.

⁴ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

⁵ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об, 19.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 31.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об., 30об.

⁸ Там же. Л. 30.

⁹ Там же. Л. 17об.

¹⁰ Дело о погроме. С. 52–53.

причем у некоторых из толпы замечались в руках палки»¹. По пути в часовне Иверской Божьей матери были взяты иконы и хоругви². У дома Второва к толпе присоединились собравшиеся там обыватели. Столкнувшийся с манифестантами еще у мещанской управы С. Самгин-Косицын отправился к губернатору, доложил о происходящем и получил распоряжение, «чтобы народ по улице шел тихо и вообще не нарушал общественной тишины и спокойствия», а также получил несколько объявлений губернатора для раздачи горожанам. Снова мещанский староста догнал толпу уже у здания Общественного собрания³.

В это время собравшиеся у городского головы гласные получают известие о толпе возле ГПУ, «выражавшей бурное негодование на забастовки, на закрытие магазинов, на разгон с площади торговцев». Гласные принимают решение срочно прекратить митинги в Бесплатной библиотеке и театре. Как вспоминал А.И. Макушин, чтобы остановить толпу, он «... своей рукой написал 10 экз. объявления следующего содержания: «От Городской думы. Забастовка прекращается. Магазины открываются. Просим успокоиться». На всех экземплярах моя подпись, гласные же, кажется, подписывались то на одном, то на другом экземпляре. Все экземпляры посылаются со служащим городской управы Кузьминым для раздачи в толпе. Гласные соглашаются ехать к торговцам и просить их открыть магазины»⁴.

В 10.00 в здании городского самоуправления на Почтамтской улице началось первое и последнее заседание Комитета общественной безопасности по поводу создания городской дневной охраны (милиции)⁵. В «Обвинительном акте...» начало мероприятия относится к 10.00⁶. Принимается решение об организации правоохранительного органа из членов Добровольного пожарного общества и студентов⁷. Начинается раздача закупленного 19 октября оружия, патронов (по 4–5 на ствол) и нарукавных повязок. Некоторые,

---

¹ Дело о погроме. С. 7; ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об.

² ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 183. Л. 15.

³ Там же. Д. 154. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 179. Л. 7–8.

⁵ Там же. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

⁶ Дело о погроме... С. 7.

⁷ Там же.

например Г. Шпилев, пришли со своим оружием¹. Касаясь состава милиции, Г.О. Демшин (1925) заметил: «Там была молодежь, была даже одна женщина, по фамилии Бубнова, по профессии фельдшер»². Свою позицию анонимный доброволец аргументировал следующим образом: 20 октября он пошел в городскую управу, где толпа манифестантов к 13.30 уже убила студента Кадикова³, Г.Н. Яропольского и неизвестного. «До этого я не хотел поступать в милицию, главным образом по недостатку времени, но тут понял, что положение слишком серьезно, что нужны все наличные силы, чтобы помешать зверству толпы. Я полагал, что достаточно будет выйти вооруженной городской милиции, чтобы хулиганы, не видя возможности дальше убивать безнаказанно, разошлись. Я зашел в городскую управу и, записавшись, взял повязку. Револьвера не брал, так как у меня был свой. Через две минуты я уже присоединился к выстроившейся у двери управы милиции»⁴.

В 10.00 начальник Сибирской железной дороги инженер В.А. Штукенберг «словесно просил через советника губернского правления Еремеева установить охрану здания управления»⁵. А одновременно с созданием охраны в городской управе собрались служащие колбасных производств Томска для выработки своих экономических требований⁶. Несмотря на забастовку, в железнодорожном управлении началась выдача жалованья, «за получением которого все службы пути и тяги собрались»⁷.

Приблизительно в 12.00 двигавшаяся по Почтамтской толпа-манифестация подошла к зданию городской управы. Перед этим ее участниками был убит студент, не снявший по их требованию шапки и плюнувший «по направлению портрета государя»⁸. Согласно информации губернатора «патриотическая манифестация приблизилась к городской думе с намерением здесь взять портрет царя; двери оказались запертыми, на стук же толпы из окон последовали

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 8.

² Там же. Д. 168. Л. 7.

³ Дело о погроме... С. 83.

⁴ Рассказ очевидца // Сибирский вестник. 1905. 6 нояб.

⁵ Письмо в редакцию инж. В. Штукенберга // Сибирская жизнь. 1905. 26 нояб.

⁶ Дело о погроме... С. 7.

⁷ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 172. Л. 9.

⁸ Там же. Д. 154. Л. 30об.

два револьверных выстрела, которыми двое из манифестантов были ранены. Один из толпы хотел взять портрет царя, пройдя через задний ход, но был ранен и немедленно вернулся обратно в толпу»¹. Полицмейстер в рапорте от 28 октября 1905 г. отметил, что два сделанных из управы выстрела не причинили никому вреда, «но привели толпу в ярость, и она, разбив в управлении стекла, с криком двинулась вдоль по Почтамтской улице»². Наконец, в «Обвинительном акте...» сообщается, что в момент нахождения толпы около муниципалитета из нее раздались голоса: «Мы голодаем, а они бунтуют, забастовки делают, нам есть нечего». При этом часть толпы повернула в Ямской переулок, и некоторые из манифестантов пытались войти в помещение управы. Тогда милиционерами, охранявшими вход, были произведены выстрелы, один из манифестантов (Бычков) был ранен в ухо. Одновременно оставшиеся на Почтамтской улице начали выбивать стекла в окнах здания и преследовать находившихся на улице студентов и других лиц, которые казались им подозрительными. «Настигая последних, толпа избивала их. Таким образом избит был молодой человек в сером форменном пальто, который до этого, спасаясь от толпы, забежал во двор городской думы, причем избитый вскоре же умер»³. «Разъяренная толпа окружила управу, – комментирует ситуацию А. Яропольская, – ища главных виновников беспорядков – доктора Броннера и А.И. Макушина, как попустителя. За Броннера было обещано 10 тысяч рублей. Заколачивали всех похожих на Броннера (сам он вышел из управы навстречу разъяренной толпе, сел на лошадь и благополучно уехал в Заисточье)»⁴.

В разгар этих событий из управы А.И. Макушину позвонил городской поверенный, член КОБа А.М. Головачев, сообщив о нападении черносотенцев и попросив прислать для охраны здания войска. «Ввиду категоричности требования телефонизирую губернатору, – вспоминает городской голова, – он обещает помочь»⁵.

Разъяренная отпором толпа двинулась дальше по Почтамтской в направлении Новособорной площади, продолжая избивать случайных прохожих. Увидев в воротах дома Орловой агента Север-

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 30об.

² Там же. Л. 17об.

³ Дело о погроме... С. 8.

⁴ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 170. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 179. Л. 8.

ного страхового общества Н.Г. Яропольского, «некоторые из манифестантов набросились на него и несколькими ударами палок лишили его жизни, после чего обыскали карманы его одежды и похитили у него бумажник, записную книжку и пр. Около тех же ворот до смерти был избит рабочий колбасной фабрики Фильберта <Г. Г.> Гельман. Преследования и избияния толпой разных лиц происходили также и на улицах и в переулках, прилегающих к Почтамтской улице»¹. Жена убитого эсера Н.Г. Яропольского уточнила, что на мужа и его спутника Д.Д. Вольфсона набросились у самых ворот городской управы, Вольфсону удалось убежать, а Яропольского «сначала ударили по голове поленом, отчего он упал без чувств, а потом, протаскив его по земле вглубь подъезда, закололи ножом в сердце. Тут же убили ученика железнодорожного училища А. Шурыгина, пытавшегося заступиться за Яропольского и приказчика (Г.Г. Гельмана, мастера. – *М. Ш.*) из магазина Фильберта»². По ходу движения погромщиков, по данным редакции «Сибирского вестника», они раздавали прокламации, а в них «приказ о незаконности постановления Думы об организации городской охраны»³

Возвратившийся со свидания с губернатором мещанский староста С. Самгин-Косицын встретил манифестантов, как уже говорилось выше, около здания Общественного собрания, «а затем, – вспоминает он, – с толпою этого народа вернулся к Преосвященному и, прибывши к дому (резиденции архиерея. – *М. Ш.*), я с несколькими общественниками вошел в оный и попросил Его Преосвященство отслужить молебен по поводу манифеста, на что он, соглашаясь, попросил меня с толпою народа пойти в собор»⁴. В телеграмме полковника Романова также упоминается факт приглашения епископа отслужить молебен⁵. В рапортах полицмейстера и губернатора уточняется, что манифестанты просили архиерея отслужить молебен «о здравии императора»⁶. Кажалось бы, мелочь, но, если вспомнить о годовщине вступления Николая II на престол,

¹ *Дело о погроме...* С. 8.

² *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 170. Л. 7–8.

³ *К суду* // *Сибирский вестник*. 1905. 16 нояб.

⁴ *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 19. Об этом же сообщается в «Обвинительном акте...». – См.: *Дело о погроме...* С. 9.

⁵ *ГАНУ*. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об. Л. 30об.

то можно с уверенностью утверждать о том, что и манифестация, и молебен приурочивались к торжественной дате. В.Н. Азанчевский-Азанчеев уточнил: «При беседе с Преосвященным Макарием – в читальном зале архиерейского дома – многие мужчины и женщины плакали, жалуясь на происходящие забастовки, смуты и беспорядки»¹. Сам архиерей по этому поводу писал: «О начавшейся манифестации и о намерениях народа я не знал. Поравнявшись с нашим архиерейским домом, манифестанты остановились, кланялись, снимали шапки, давая этим лишь знать, что желают видеть меня. Я, подошедши к окну, взаимно кланялся, как делалось это и в прошедшем годе»².

Пока толпа двигалась по Почтамтской, в здании городского самоуправления завершилось формирование дневной городской охраны. По сведениям Демшина, И. Шписмана и неизвестного дружинника, произошло это в 13.00–13.30³. В источниках личного происхождения и донесениях представителей властных структур в определении его численности имеются существенные разногласия. Полицмейстер П.В. Никольский определяет ее в 80 чел.⁴, губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчеев, дружинник И. Шписман – в 50–60 чел.⁵, дружинник Г. Шпилев – в 70 чел.⁶, В. Бухарин – в 60 чел.⁷, зав. отделением Управления Сибирской железной дороги, князь Трубецкой – 50 чел.⁸, А.К. Баулин – до 50 чел.⁹ Учитывая, что городская управа закупила для формирования 54 револьвера и часть будущих дружинников пришла со своим оружием, общую численность ГО можно определить примерно в 60 чел.

Радикалы оттеснили либералов в процессе организации милиции. Планировавшийся городскими властями в качестве ее руководителя П.И. Иванов в должность не вступил. ГО возглавил студент

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 30об.

² Цит. по: *Базанова О.* Ложная тревога // *Родина.* 2009. № 3. С. 91.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 7; Д. 178. Л. 6; *Сибирский вестник.* 1905. 6 нояб.

⁴ Там же. Д. 154. Л. 17об.

⁵ Там же. Л. 30об; Д. 168. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 173. Л. 8.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 32.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 151. Л. 1.

⁹ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 2.

Мордвинов по версии И. Шписмана¹, или студент университета А.А. Нордвик. Дружинники (охранники, милиционеры) не имели элементарной подготовки и четкого представления о функциях и порядке действий ГО И. Шписман по этому поводу заявляет: «Так как в это время предполагался митинг в городском театре, то городская охрана решила пройти по улице в полном составе к помещению, где предполагался митинг, чтобы охранить от нападения черной сотни»². Примерно в том же духе описывает ситуацию в письме от 30 октября 1905 г.Г. Шпилев: «Мы же, записавшиеся <в> милиционеры, решили пойти на защиту избиваемого народа; и вот, кто был с оружием, у кого было свое, а кто получил (у меня, например, револьвер свой) вышли из Управы, выстроились в ряды и пошли туда, куда удалились черносотенцы»³. «Я помню, – свидетельствует И. Шписман, – что обсуждения плана действий только что сформированной ГО не было. Последующие события сами диктовали этот план... Было ясно, что надо выйти городской охране на улицу города немедленно, дабы показать как населению, так и только что прошедшим хулиганам, что охрана общественной безопасности взята в новые руки. В городском театре, в направлении которого ушла толпа манифестантов, предполагался митинг, и городская охрана, поставив себе целью обезопасить его участников от черной сотни, направилась туда по Почтамтской улице. Это было в 2–3 часа дня. До железнодорожного здания (Управление пути и тяги Сибирской ж.д. – *М. Ш.*), расположенного против нового собора колонна ГО с повязками на руках и с револьверами, спрятанными под шубами, в рукавах и карманах, дошла благополучно»⁴. Появление ГО в 14.00 у здания управления фиксирует и инженер Трубецкой⁵. Это же время (14.00) называется и в письме неизвестного⁶.

Перед появлением толпы на Новособорной площади, по свидетельству чиновника К. Вальтера (от 4 ноября 1905 г.), здесь «в разных местах, а именно у пивной Райзелигмана и угла клиники, около театра, около галантерейного магазина Гадалова находи-

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 7.

² Там же.

³ Там же. Д. 173. Л. 8–9.

⁴ Там же. Д. 178. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 151. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 172. Л. 9.

лись небольшие группы ничем не занятой и спокойно разговаривающей между собой публики, впечатление получалось такое, что публика, как это бывало в предшествующие дни, ожидала митингов... После этого прошло несколько минут, когда в отдалении, приблизительно возле магазина Ливена и Усачева показалась большая толпа, слышались крики «ура!» и какое-то пение. Стало видно, что несут русский флаг и портреты; я твердо помню, что толпа манифестантов была не спокойна, возбуждение сказывалось в криках, размахивании руками, подкидыванием в воздух шапок, виделись дубинки и палки»¹.

Полицейстер фиксирует появление ГО на площади сразу же после толпы манифестантов. Он обратил внимание на белые широкие ленты на рукавах охранников, с «красными на них нашивками, очень похожими издалека на знаки общества Красного креста. Введенная этими знаками в заблуждение толпа шумно приветствовала отряд криками «Ура!», «Да здравствует Россия!» и пр.»². Примерно в таком же духе описывает эпизод губернатор: «Едва только часть манифестантов вошла в собор (около 2 часов дня), оставив портрет Государя на паперти, как со стороны Почтамтской улицы показалась двигавшаяся стройными рядами по направлению к Соборной площади колонна в составе 50–60 человек, среди которых 5–7 были в форме добровольного пожарного общества, а остальные в различной статской одежде, но все были при белых, надетых на рукав или папаху, повязках ГО (городская охрана). Когда колонна приблизилась к Соборной площади, некоторые из входивших в состав ее лиц, поправляли что-то в нагрудных карманах, другие же накидывали себе на шею револьверные шнуры синего цвета. Заметив колонну, толпа с криками «Да здравствует Россия!» начала подходить к ней»³.

На Новособорной площади толпа манифестантов разделилась на две части. «Пройдя на площадь одна часть толпы с портретами Государя Императора повернула к собору, а другая часть через площадь прошла на улицу Московский тракт, где возле здания Управления службы тяги Сиб. жел. дор. и театра Королева стоял народ»⁴. Здесь, согласно рапорту П.В. Никольского, толпа начала

¹ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 26.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 30об.

⁴ Дело о погроме... С. 9.

кидать камни в окна театра, «после чего оттуда раздалось несколько выстрелов. В это время в толпу вошел помощник полицмейстера Кириллов, ездивший из городского полицейского управления в губернаторский дом для доклада Вашему Превосходительству, и усиленными увещеваниями успел отвлечь толпу от театра к собору, чтобы слушать молебен. Едва только он с толпой успел перейти улицу, как позади толпы на площади появился вышеупомянутый отряд революционной банды (милиции)»¹.

Итак, первые выстрелы на Новособорной площади прозвучали из городского театра. Кто же стрелял? На этот вопрос ответил один из руководителей местных социал-демократов В.Д. Виленский-Сибиряков: «Несколько десятков наших дружинников собрались у университета. Здесь узнали, что к театру отправилась эсеровская дружина, а также что в городской думе тоже идет запись и вооружение дружинников... Начальники дружин (социал-демократической и эсеровской. – *М. Ш.*), столкнувшись, решили объединить свои силы и окружить черную сотню, перерезав ей путь к университету. Мы рассыпались цепью и стали окружать площадь со стороны университета»². В рукописи статьи В. Гумы-Щергова (1928), написанной на базе «архива Истпарта и воспоминаний отдельных товарищей», по этому поводу сказано: «Неподалеку от Управления – в городском театре происходил митинг, охраняемый эсеровской дружиной и небольшим отрядом милиции из добровольцев-студентов и членов соц.-дем. комитета»³.

Часть манифестантов проследовала в Троицкий собор, «где, по видимому, Преосвященный Макарий хотел, было, при выходе сказать речь, – свидетельствует С. Самгин-Косицын, – но в это время на улице раздалось выстрелы, как должно полагать, из револьверов, тогда некоторые из шедшей толпы закричали «наших бьют» и стали выбегать из церкви. При этих словах Преосвященному никакой речи сказать не удалось»⁴. Некий Григорий Петров утверждает, что «никакого молебствия в кафедральном соборе не было. Просили о молебне епископа, но он не служил. Сообщаю это как лицо, там присутствовавшее»⁵.

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об.

² Советская Сибирь. 1925. 20 дек.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 181. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 154. Л. 19.

⁵ Сибирский вестник. 1905. 28 окт.

На Новособорной площади манифестанты продолжили избивание «революционеров». Упомянутый выше К. Вальтер свидетельствует: «Тут же, т.е. приблизительно около пивной, я заметил первый случай кулачной расправы. Я вышел с А.А. Захаровым (чиновник губернского управления. – *М. III.*) на Садовую улицу; когда мы подошли к бульвару (против клиники) мы заметили бегущего нам навстречу от угла клиники молодого человека в партикулярном платье и студенческих брюках, за ним гнались и наносили ему удары кулаками в голову и спину три субъекта, два хулигана в обычных костюмах и один солдат без оружия (на его погонах, помнится, значилась цифра «7», а за ней две или три буквы, большая одна и одна (или больше) малая). А.А. Захаров обругал хулиганов и приказал им оставить избиваемого, они же преследовали его до изгороди против фасада губернского управления; когда избиваемый упал, они, крикнув нам: «Это ведь оратор», – и лишь когда мы подошли вплотную, оставили его. Избиваемый (студент-технолог Браницкий) поднялся, я крикнул ему, «Бегите в губернское управление», сам побежал за ним и проводил его в тюремное отделение. Прошло несколько минут, пока я успокаивал г. Браницкого. Затем мы подошли к окну. В это время в воздухе уже мелькали дубинки, били преимущественно против ближнего угла железнодорожного управления. Через несколько минут в отдалении показалась небольшая стройно и спокойно идущая толпа с повязками на руках. Среди хулиганов стало заметно волнение, они приостановились. Когда милиционеры подошли приблизительно до середины площади, хулиганы окружили их и началась свалка. Я, безусловно, помню, что действия хулиганов носили агрессивный характер, помню, что ряды милиционеров разомкнулись, один из них взмахнул рукой и упал; слышались со стороны милиционеров какие-то крики; свалка продолжалась; помню, что теперь городская милиция выстроилась шеренгой, грянул гулко разнесшийся залп, хулиганы бросились бежать наискось через площадь по направлению к кирхе, кажется, когда они бежали, было дано еще несколько выстрелов, залпа же, помню, не было. Упавших от залпа было трое, двое поднялись сами, третий некоторое время лежал на улице, и его кто-то поднял. Милиция направилась к театру; смогла ли она дойти туда – я не знаю; вновь я ее увидел у крыльца ЖДУ (Управление Сибирской ж.д. – *М. III.*), около него, если стоять к нему ли-

цом, то она для чего-то выстроилась шеренгой, а затем, когда приблизились солдаты и казаки, сбились в плотное каре под крыльцом около него»¹.

Официальные источники предлагают свою версию эпизода. В телеграмме полковника Романова (ГЖУ) от 21 октября 1905 г. сообщается: «При входе в собор часть (толпы. – *М. Ш.*) пошла к театру, где собирався митинг, стала ломать двери. Выскочившая толпа молодых людей, некоторые <с> повязками на руках, сделала три залпа <из> револьверов, последствия: два убитых, шесть раненных. После этого стрелявшие забежали <в> здание железнодорожного управления, где находились в это время служащие»². Полицейстер П.В. Никольский в рапорте от 28 октября, сообщив, что манифестанты, приняв дружинников за медиков, стали радостно приветствовать их. «В ответ на это отряд повернулся к толпе и начал стрелять пачками, выпустив в толпу не менее двухсот выстрелов, которыми было несколько манифестантов убито и ранено до 15 человек. Оправившись от первого испуга, толпа бросилась на милиционеров, которые, спасаясь от натиска громадной массы, вместе с некоторыми случайно оказавшимися на тротуаре лицами, бросились к зданию Управления службы тяги и скрылись за дверями здания»³. Губернатор 16 ноября 1905 г. информировал: «Колонна, дойдя до входа в помещение Управления Сибирской железной дороги, остановилась, быстро развернулась лицом к собору и открыла стрельбу по толпе. Последняя, услышав выстрелы и увидев, что несколько человек раненых упало, бросилась бежать через площадь по направлению к лютеранской кирхе. Вскоре, однако, толпа оправилась от первого испуга и с яростью, всей своей массой бросилась на открывшую стрельбу колонну, которая вместе с другими лицами, случайно находившимися на тротуаре, скрылись в помещении службы тяги Управления Сибирской железной дороги»⁴. Нетрудно заметить: фактуру произошедшего и даже некоторые предложения В.Н. Азанчевский-Азанчев заимствовал из рапорта полицейстера. С другой стороны, изложенная в губернаторском отчете версия о поведении манифестантов после стрельбы охранников-милиционеров (побежали по площади в направлении

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Л. 26–26об.

² Там же. Д. 156. Л. 7.

³ Там же. Д. 154. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 30об.

лютеранской кирхи) совпадает со свидетельством К. Вальтера. А вот у полицмейстера этот эпизод в рапорте отсутствует.

Наконец, один из руководителей Сибирской железной дороги, инженер, князь Трубецкой доносил в МПС в дополнение к своей телеграмме от 21 октября, т.е. после 23 октября (последняя по времени упоминаемая в донесении дата), о манифестации 20 октября, фиксируя уже известные действия погромщиков и полное бездействие полиции. Около 14.00 часов дня толпа появилась на Новособорной площади, и большая ее часть сосредоточилась возле собора и в нем, «но выходящие служащие около здания (Управления ж.д. – *М. Ш.*) подвергались избиению. Так, был избит архитектор по новым работам Оржешко». В это время на площадь вошел отряд «человек около 50 городской милиции с повязками на левых руках, имеющими знаки ГО № 54 и герб города Томска в центре надписи (городская охрана и номер милиционера), вооруженной револьверами». Милиционеры построились на углу Почтамтской улицы и Московского тракта. На них набросилась часть толпы с палками. Подпустив их шагов на пять, милиционеры открыли огонь, «после чего толпа была рассеяна, и остались на месте около 5 человек, лежащих на земле. Часть толпы, бывшая на паперти собора, укрылась с портретом Государя в собор. Когда все несколько успокоилось, толпа опять стала собираться на площади, а часть толпы с портретом, выйдя из собора, стала удаляться в противоположную сторону от здания службы пути тяги. Видя это, одни из бывших в управлении служащих стали расходиться, другие же, полагая, что все кончилось, в ожидании получки жалованья, которое обещали прислать, остались. Милиция же расположилась кучкой на улице против подъезда управления. Многие из вышедших служащих были, между тем, избиты и даже убиты толпой на крайних углах площади, так как полиция и здесь отсутствовала»¹. Корреспондент «Сибирской жизни», укрывшийся под псевдонимом «Горацио», добавляет: «На площади толпа начала избивать всех, кто в студенческой форме и кто походил на студента»².

Теперь посмотрим на свидетельства самих дружинников (охранников, милиционеров). Демшин указывает, что дружина столкнулась с черносотенцами у здания железнодорожного управления.

---

¹ *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии*. Сб. документов. Томск, 1955. С. 67.

² *Горацио*. Безумие и ужас // *Сибирская жизнь*. 1905. 28 окт.

Манифестанты начали их избивать, а те стрелять вверх¹. В.Д. Виленский-Сибиряков утверждает, что инцидент начался со случайного выстрела, спровоцировавшего беспорядочную стрельбу. «Черносотенцы немного растерялись и сдали под нашим напором. Но не надолго»². И. Шписман (1925): «До железнодорожного здания, расположенного против нового собора, колонна ГО с повязками на руках и с револьверами, спрятанными в рукавах и карманах, дошла благополучно. Здесь на углу упомянутого здания к колонне вплотную подошла толпа, возбужденная, ревушая, размахивающая кулаками, палками, и нанесла несколько ударов впереди стоящим. Я был крайним со стороны собора в третьем ряду колонны и также получил удар палкой по плечу. Только тогда ГО повинытаскивала снаряженные до того момента револьверы, передние ряды дали несколько выстрелов, напротив их поверх толпы. Этот момент я помню хорошо. Толпа тотчас же отхлынула на почтительное расстояние, убитых среди них я не видел. Были упавшие, тут же поднявшиеся, полагаю, что падение их было вызвано стремительным бегством под выстрелами, испугом и давкой»³.

В письме дружинника Г. Шпилева случившееся воспроизводится следующим образом: «Дойдя до Управления Сибирской железной дороги, мы остановились, окруженные толпой черносотенцев... Мы просили толпу не напирать – прямо умоляли ее (лица все были зверские, пьяные). Тогда они вдруг начали стрелять и первыми ранили студента Коренева. И кроме того, махали палками и лезли со всех сторон. В ответ на их выстрелы мы открыли пальбу; четверо человек сразу упали, а вся толпа кинулась от нас – кто куда. После этого мы подошли к театру Королева... Оттуда начал выходить народ и благодарить нас. Оказывается, что в театре уже собралась публика, и вот туда ворвались черносотенцы и начали избивать.. но узнав о нашем приближении бросили, а когда мы начали стрелять, разбежались. Мы же, выйдя на Почтамтскую, хотели идти обратно в управу...»⁴. Неизвестный дружинник вспоминает, что колонна ГО остановилась у здания управления. «С яростными криками черная сотня бросилась на нас. Я стоял в четвертом ряду и всего видеть не мог. Но я видел, как один милиционер от удара ху-

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 7.

² Сов. Сибирь. 1925. 20 дек.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 178. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 173. Л. 9.

лигана вылетел из строя, как другой, будучи ударен, застонал от боли, как третий – с совершенно разбитой половиной черепа был подхвачен двумя товарищами и выведен под руки, я видел, как за-сверкали ножи в руках хулиганов. В этот момент раздались из толпы милиционеров выстрелы, причем часть стреляла в толпу, а другая – в воздух. Насколько я заметил, в толпу стреляли только из переднего ряда. Хулиганы бросились бежать. Выстрелы прекратились. Но, отбежав шагов на сорок, хулиганы остановились и начали стрелять в нас (в это время был ранен пулей один милиционер)... Тогда мы снова выстрелили, и толпа разбежалась. На снегу осталось двое из черной сотни, из которых один ушел сам, другой был отведен милиционерами в больницу». Далее дружинники проследовали к театру, но там было пусто. «Тогда мы пошли обратно, решив ходить по улицам до тех пор, пока не будет водворено спокойствие. Нападения хулиганов мы больше не ожидали, да его и не было бы»¹.

Наконец, очевидец событий В. Бухарин (1935 г.) кратко резюмировал: «И вот на них (дружинников. – *М. Ш.*) толпа сделала нападение, один из «патриотов» ударил колом студента-милиционера... С целью разогнать этих «патриотов»-хулиганов милиционеры дали залп из своих «смитов», и толпа разбежалась»². Таким образом, столкновение дружинников с черносотенцами около театра и железнодорожного управления спровоцировало дальнейшую эскалацию конфликта, переросшего в трагедию. Ее, возможно, не было, если бы войска не появились на Новособорной площади в момент, когда милиционеры стрельбой рассеяли манифестантов, и они начали разбегаться с площади. Это предположение подтверждают показания свидетеля Бружиса на процессе в 1909 г.: «В скором времени из казарм стали выходить на площадь войска. Разбежавшиеся от залпа милиционеров стали вновь собираться кучками и кричать: «Идем, войска за нас»³.

В обобщенном виде происходившее на Новособорной площади реконструируется в «Обвинительном акте...»: «По удостоверению одних из свидетелей события, милиционеры, дойдя до поворота на ул. Московский тракт, выстроились шеренгой около

¹ *Рассказ очевидца // Сибирский вестник. 1905. 6 нояб.*

² Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 32.

³ *Дело о погроме... С. 54.*

здания Управления службы тяги фронтом к собору и сделали из револьверов залп в толпу. По удостоверению других же свидетелей, на милиционеров стала наступать толпа, загородив им путь к театру, затем многие из этой толпы, вооруженные кольями, палками и револьверами, набросились на милиционеров и начали уже некоторых из них избивать, вследствие чего милиционеры, защищаясь, принуждены были произвести в толпу несколько выстрелов. После того, как милиционеры открыли огонь по толпе, из среды ее попадало 5–6 человек, и толпа бросилась бежать от милиционеров в разные стороны. Двое из упавших – Черников и Марков – продолжали лежать, и так как они были ранены, то их отправили в больницу; остальные же упавшие вскоре сами поднялись и присоединились к толпе. Затем милиционеры пришли к театру и, не найдя в нем публики, решили идти обратно в думу»¹.

В это время к происходящим событиям вновь подключился городской голова А.И. Макушин. Вездесущий посыльный управы Кузьмин по телефону информирует его о столкновении со стрельбой. По свидетельству милиционеров, «губернатор заявил, что городской милиции он не признает и приказал ее расстрелять» Городской голова для объяснения отправляется к В.Н. Азанчевскому-Азанчеву. «Во дворе меня встретил молодой человек в простой одежде, торопливо заявивший, что он послан предупредить меня, что черносотенцами решено убить меня и чтобы я спасался... Прошу сына, провожавшего меня, передать о слышанном матери и прошу вместе с тем всем немедленно уйти из дома». По пути к резиденции начальника губернии А.И. Макушин встречает служащего управы Сивкова, который показал ему обращение к горожанам от имени КОБа и спросил разрешение на ее печатание и распространение. «Отвечаю: “Подождите до вечера, тогда скажу”»². К сожалению, содержание обращения или хотя бы его основные мысли мемуарист не воспроизводит.

На площадь же, в изложении «Обвинительного акта...», по распоряжению губернатора прибыла рота солдат под командованием штабс-капитана Осепьянца, расположившаяся за оградой собора и «приготовившись к стрельбе по направлению к зданию службы тяги». Вслед за ней прибыла сотня казаков, вставшая в

¹ Дело о погроме... С. 9–10.

² ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 8.

начале Почтамтской улицы фронтом к площади. Позднее сюда прибыло еще 6 рот солдат¹. Один из дружинников в связи с этим подчеркнул: «Мы (ГО. – М. Ш.) полагали, что пришла помощь милиции. Мы услышали крики толпы (как я узнал потом, что толпа хулиганов приветствовала казаков и те ответили ей «ура!»)... Мы были поражены, увидев, что и солдаты направили ружья в нашу сторону». Тогда начальник дружины А.А. Нордвик «пошел переговорить с казачьим офицером. Скоро он вернулся и передал нам от имени офицера, что губернатор не желает признать нас городской милицией, что мы должны немедленно разойтись». И тогда дружинники вошли в здание железнодорожно-го управления²

Примерно так же, с отдельными нюансами, эпизод воспроизводится в «Обвинительном акте...»: «В свою очередь, со стороны войск, вышел комендант города подполковник Коган и, сойдясь с начальником милиционеров, потребовал от него, чтобы милиционеры выдали оружие и под конвоем шли в тюрьму. Когда начальник милиционеров отошел от коменданта, на последних устремилась толпа, и милиционеры вошли в здание управления сл[ужбы] тяги. В это время в управлении находилось человек 300–400, из которых большую часть составляли служащие, пришедшие за получением жалованья, а также и посторонние лица»³. Более подробно переговоры А.А. Нордвика и Когана воспроизводит И.В. Чернова (правда, не указав источники). Начальник дружины заверил военного коменданта, «что городская охрана создана по решению городской думы и преследует цели наведения порядка. На что Коган указал, что милиционеры первыми открыли стрельбу и ранили несколько человек, и потребовал сдачи оружия. Нордвик сдал свой пистолет и вернулся в здание железной дороги, чтобы доложить остальным требование Когана. Потом он вышел и просил препроводить их в здание городской управы, чтобы удостовериться в их законности. Коган отклонил это предложение, тем более что осуществить это было практически невозможно. Вскоре кто-то, подкравшись сзади, нанес Нордвику удар по голове, и комендант поспешил вернуть его в здание»⁴. Примерно в таком же духе о сло-

¹ Дело о погроме... С. 10–11.

² Рассказ очевидца // Сибирский вестник. 1906. 6 нояб.

³ Дело о погроме... С. 11.

⁴ Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. Указ. соч. С. 109–110.

жившейся ситуации повествуют очевидцы и дружинники: В. Бухарин, И. Шписман, Г. Шпилев и др.¹

Близкая к воспроизведенной выше канве событий интерпретация фиксируется в рапортах полицмейстера и губернатора. Но первый умалчивает о состоявшихся переговорах коменданта с руководителем дружины и заявляет, что охранники под напором толпы скрылись в здании железнодорожного управления. Манифестанты окружили его и «потребовали выдачи революционеров. В ответ на это из окон раздались револьверные выстрелы»². Совершенно в ином ракурсе пишет о произошедшем В.Н. Азанчевский-Азанчев: «Спустя некоторое время к месту происшествия прибыла одна рота солдат, которой было приказано занять ограду собора против здания Управления железной дороги. Не успела еще рота расположиться внутри соборной ограды, как из здания Управления железной дороги раздались выстрелы в солдат. Находившийся на паперти народ в ужасе требовал, чтобы солдаты отвечали на выстрелы огнем, о том же просили и сами солдаты, осыпаемые выстрелами из окон управления. Но воинским начальником стрелять солдатам разрешено не было, для успокоения же разъяренной толпы было приказано дать один краткий сигнал к действию оружием». Затем сообщается о прибытии казаков, по которым милиционеры также стреляли из окон управления. Тогда командир роты приказал сделать несколько одиночных выстрелов по зданию. Уже после этого появился парламентар и состоялись уже известные переговоры. Требования были отклонены, а парламентаря толпа начала избивать. К 15.00 к управлению прибыло четыре роты во главе с командиром батальона подполковником Ястребовым, «получившим... распоряжение задержать всех скрывшихся в здании и отправить в губернский тюремный замок». Толпа увеличилась до нескольких тысяч, и «войска усиленно оберегали здание театра и Управление от всяких посягательств»³.

Как видим, глава губернии, из понятных соображений, исказил последовательность событий и дополнил их фрагментами, которых на самом деле не было. Можно с большой долей вероятности утверждать, что дружинники не стреляли по военнослужащим, да и

---

¹ ГАОУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 9; Д. 178. Л. 8; Д. 168. Л. 7; Оп. 3. Д. 18. Л. 34.

² Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 18.

³ Там же. Л. 30об–31.

не могли этого сделать. Дело в том, что бельгийские дешевые короткоствольные револьверы «Бульдог», которыми в основном были вооружены охранники (54 единицы их закупила городская управа), более известные как «почтовые револьверы» (для почтовой стражи) калибром 7,62–8 мм, имели сравнительно небольшую убойную дальность стрельбы – до 50 метров¹. А расстояние между зданием железнодорожного управления и оградой Троицкого собора превышало 100 метров.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну деталь из фрагмента рапорта высшего должностного лица территории. Речь идет о «кратком сигнале к действию оружием». Дело в том, что согласно тогдашним «Правилам о призыве войск для содействия гражданским властям», включенным в виде приложения в Устав гарнизонной службы российской армии, перед использованием воинскими подразделениями для пресечения массовых беспорядков огнестрельного оружия необходимо было трижды ударить в барабаны или протрубить в горн².

Тем временем, «часу в третьем», А.И. Макушин беспрепятственно добрался до губернаторской резиденции: «Встречает сурово, не сразу подает руку. Говорит: вот что наделала Ваша милиция. Люди шли мирно, милиция набросилась и вызвала погром. Кто разрешил Вам милицию? Отвечаю: Дума постановила, а Вы согласились. – Я не разрешал Вам вооружения. – Отвечаю: о вооружении записано в копии думского постановления, имеющейся у Вас. – Все окружение губернатора, а их было порядочное количество, видимо, разделяло его мнение, что погром действительно вызвала дневная охрана. – Чувствую себя в тяжелом положении, говорю: потом разберемся кто виноват, а теперь я приехал по заявлению городских охранников, что Вы городскую охрану не признаете и приказали ее расстрелять. – Неправда. Я только сказал, чтобы они спасались, иначе их расстреляют. Но успокойтесь! Ваша охрана уже сдается войскам и будет уведена, куда следует»³.

На Новособорной площади эпицентром событий становится здание Управления Сибирской железной дороги. «Посильно оберегавшие» его военные блокировали возможность отступления за его

---

¹ Жук А.Б. Стрелковое оружие. М., 1992. С. 76–77.

² Гумб К. Угрожать и наказывать: Русская армия в Варшаве в 1904–1906 гг. // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 177.

³ ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 8; *Дело о погроме...* С. 48.

пределы дружинников, которые, согласно донесению инженера Трубецкого «бросились к двери здания управления, надеясь уйти через черный ход во двор этого здания и скрыться. Но у ворот двора уже стоял военный караул, который не пропускал не только их, но и служащих, которые не успели уйти. Всем пришлось вернуться и укрыться в здании управления»¹. Властями в этом случае была допущена вторая грубейшая ошибка, способствовавшая трагической развязке событий 20 октября. Запертые в помещении дружинники сыграли роль «красной тряпки» для уже озверевшей толпы. К тому же, как будет показано ниже, вели они себя неадекватно в сложившейся ситуации и еще больше провоцировали толпу на экстремистские действия.

Манифестанты, не встречая противодействия со стороны военных, прорвали оцепление и начали разбивать стекла в здании, пытаясь ворваться в его первый этаж, парадный и черный вход в который был забаррикадирован охранниками. Оказавшиеся в управлении перешли на второй этаж. Одновременно погромщики ворвались в пивную М.О. Рейхзелигмана, занимавшую половину первого этажа здания и разгромили ее². Наблюдавший происходящее из окон губернского правления К. Вальтер свидетельствует: «...Казаки разъезжали среди толпы, но не теснили и не разгоняли ее; они то останавливались между клиникой и Рейхзелигманом, то отъезжали, вступали в разговоры с хулиганами; хулиганы, вооруженные палками (один поломанным комнатным карнизом), спокойно пробегали мимо казаков к месту побоища. Часть войск разместилась вдоль фасада железнодорожного управления; что она здесь делала – я не мог видеть; стояли войска вдоль самого тротуара; на последнем и позади их была толпа. Началось битие стекол, занимались этим преимущественно подростки, били стекла кусками льда или комьями снега, а в окна верхних этажей запускали дубинки. Я не видел, чтобы за все это время кто-либо унимал хулиганов, еще больше удивила меня бездеятельность войска, когда хулиганы не толпою, а в одиночку и не торопясь стали выбивать и крушить рамы нижнего этажа, влезать в здание, выходить из него с имуществом Рейхзелигмана и с делами управления»³.

¹ *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии.* С. 68.

² Там же; *Дело о погроме...* С. 11; *ГАНУ.* Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 170. Л. 8–9.

³ *ГАНУ.* Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 26об.

О настроениях собравшихся на площади А. Соколов отмечает: «В толпе говорили, что «студенты на место царя хотели избрать жиденка»; говорили, что «разрешено грабить три дня всех жидов»; говорили, что «надо избить всех студентов, так как они подписали подложный манифест»; солдаты говорили, что «студенты не пускают поездов», мешают солдатам возвращаться из запаса домой»¹. Отсутствуют сведения о количестве присутствующих на площади. В «Обвинительном акте...» на сей счет невразумительно сказано: «Возрастая в числе, толпа народа, собравшаяся на площади, достигла нескольких тысяч человек»². Черносотенная «Сибирская правда» в 1909 г. утверждала о присутствии на Новособорной площади пяти тысяч человек³.

Осажденные в здании управления по телефону зывали о помощи. И.о. начальника дороги инженер В.А. Штукенберг, в свою очередь, между 14.00 и 17.00 в присутствии инженеров Бошняка и Чернявского неоднократно по телефону просил губернатора «спасти служащих Сибирской дороги, на что получал каждый раз успокоительные уверения, что толпа будет разогнана»⁴. О том, что происходило внутри здания, свидетельствуют очевидцы. Один из дружинников по «горячим» следам вспоминал: «Все вооруженные поместились на втором этаже, а невооруженные и женщины перешли в третий этаж. Человек десять солдат ввели в нижний этаж. Мы совершенно успокоились за нашу участь, видя в этом желание охранять нас и понимая, что достаточно даже этой горсточки солдат, чтобы ни один хулиган не подошел к зданию. Но через некоторое время к нам явились военные и заявили, чтобы вышли женщины, — их не тронут. Немедленно сообщили об этом женщинам на 3 этаж, но, явившаяся от них, заявила: «если приходится умирать, то мы умираем вместе со всеми». После этого обратились к милиционерам с требованием сдать оружие и под конвоем отправиться в тюрьму». Дружинники предложили сохранить у них оружие до прибытия в тюрьму для самообороны, но его не приняли. К тому же железнодорожные служащие «считали свое положение без нас

---

¹ Соколов А. Томские события // Сибирский вестник. 1905. 28 окт.

² Дело о погроме... С. 12.

³ Сибирская правда. 1909. 25 апр.

⁴ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 68; Письмо в редакцию инж. В. Штукенберга // Сибирская жизнь. 1905. 26 нояб.

опаснее, чем при нас. Они умоляли не покидать их, не веря в защиту их войсками. Один только инж. Клионовский согласился выйти, надеясь на данное обещание, но через две минуты его внесли к нам наверх два солдата с разбитой головой и всего залитого кровью. Больше никто не хотел довериться и выходить, так как понимали, что при желании достаточно одного холостого выстрела со стороны войск в толпу, чтобы хулиганы способные только на убийство беззащитных и храбрые только в этих случаях, немедленно разбежались»¹.

Дружинник И. Шписман, в свою очередь, в 1925 г. пояснял: «Я находился у парадного входа и следил за переговорами. ГО не соглашалось на предложения. Настроение толпы и воинских частей не предвещало ничего хорошего. Наблюдая за площадью из окон здания, я видел казаков, грозящих кулаками по направлению окон здания, а в эти последние летели камни, не давая подойти к ним, и только спрятавшись за простенок, можно было выглянуть на улицу. Стекла были выбиты во всех 3 этажах. Опасения ГО не замедлили подтвердиться. Инженер Клионовский – начальник службы тяги, пожилой, одетый в форму человек и еще кто-то вышли из парадного хода, доверившись только что сделанным обещаниям безопасности. Не помню, остался ли в живых второй, но Клеоновский, весь окровавленный, с большим трудом был втащен обратно в здание и под руки переведен во второй этаж, где я ему сделал перевязку разбитой головы» (погиб в здании. – *М. Ш.*)². Кем-то был убит инженер М.И. Шварц, вышедший в сопровождении офицера и убитый на площади³.

Примерно в таком же духе описывают ситуацию и другие осажденные, причем В. Бухарин добавил, что в отчаянии дружинники стреляли из окон в толпу, и «это лишь больше разъяряет ее»⁴. В письме Герасима Шпилева уточняется, что дружинники стреляли дважды только, когда погромщики пытались ворваться на второй этаж⁵. В рапорте полицмейстера от 28 октября 1905 г. утверждает, что «толпа немедленно окружила здание и потребовала выдачи

¹ Рассказ очевидца // Сибирский вестник. 1905. 6 нояб.

² ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 178. Л. 8.

³ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 69.

⁴ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 9–10; Д. 173. Л. 11; Д. 178. Л. 8; Оп. 3. Д. 18. Л. 35.

⁵ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 10.

революционеров. В ответ на это из окон раздалась револьверные выстрелы. Толпа разрасталась все более, а находившиеся в здании революционеры, несмотря ни на какие уговоры полиции, тюремного инспектора и военных офицеров упорно отказывалась выйти из здания под охраной солдат, опасаясь насилия со стороны толпы»¹. О том, что, по его терминологии, «мятежники» стреляли из окон, заявил и С. Самгин-Косицын, сразу после этого отправившийся домой².

Находившийся в это время в резиденции губернатора А.И. Макушин, вспоминает: «Хочу уезжать, но губернатор останавливает меня словами: Я Вас арестую. – На мое недоумение отвечает, что, собственно говоря, не арестует, но очень советует покуда не выезжать, так как негодование толпы против меня громадно, и меня, несомненно, разорвут. – Остаюсь, лошадь отсылаю домой и по телефону советую жене немедленно уйти с детьми только не к брату (П.И. Макушину), а к кому-нибудь из знакомых. Сижу вместе с другими. Приходят все скверные вести: никто из железнодорожного управления не выходит... К губернатору приходят манифестанты. Кто-то из них говорит, что портрет (императора. – М. Ш.) они не украли, а взяли в мещанской управе и что вообще они не какие-то грабители. Портрет губернатор оставляет у себя»³. В.Н. Азанчевский-Азанчев по этому поводу замечает: «В это время к губернаторскому дому подошла с портретом Государя часть толпы, к которой я обращался со словами успокоения и которая, оставив портрет в доме губернатора, разошлась»⁴.

Тем временем события на площади вступили в решающую стадию. Разъяренная толпа осаждала здание железнодорожного управления. По телефону находящиеся в нем «вели разговоры со своими близкими и административными лицами города». Последние обещали предотвратить поджог и расправу. По информации инженера Трубецкого, имели место «еще случаи беспрепятственного выхода некоторых служащих при помощи хитрости и заявлений о солидарности с толпой почти до 4 часов дня, но остальные, видя печальные примеры с теми, кто соглашался уйти, предпочитали остаться, надеясь на сравнительную безопасность от толпы в ка-

¹ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 18.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Д. 179. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 154. Л. 31.

менном здании, получая, вместе с тем, по телефону успокоительные уверения, основанные на обещании томского губернатора разогнать толпу»¹. Солдаты продолжали периодически стрелять по окнам. Как вспоминает один из дружинников, «их пули ударялись о металлические ступеньки лестницы, это заставило меня сесть на пол...»². Железнодорожное начальство в лице инженеров Твардовского и Антипова «дважды были у губернатора, в первый раз получили ответ, что ничего сделать нельзя, и только во второй раз вместе с помощником начальника движения В.Т. Звонковым им удалось получить конвой из 29 ч[еловек]., с которым В.Т. Звонковым вывел находившихся в службе движения служащих». Под охраной военнослужащих были выведены служащие железнодорожного телеграфа и пенсионной железнодорожной кассы, находившиеся в отдельных зданиях во дворе управления дороги. Уже после всего этого кошмара служащие через газету выразили благодарность штабс-капитану Осипьянцу и «достойным своего честного командира солдатам 9-й роты за спасение ими наших товарищей»³. И.о. начальника дороги В.А. Штукенберг, по его собственному признанию, «при всем своем желании выйти из дома не мог, так как около дома Кухтерина, где я живу, у самых ворот избивали людей»⁴.

Около 17.00, когда начало темнеть (продолжительность светового дня 20 октября 10 часов и 17.00 того времени соответствует 18.00 часам нынешнего «декретного»), у погромщиков возник замысел поджечь здания театра и управления. «На мысль о поджоге, – предполагает инженер Трубецкой, – должно быть, навел толпу разведенный ею же на улице Московский тракт против Управления службы пути и тяги костер, так как было около 10 градусов мороза. Тотчас же сложили костер из мебели, вынутой из здания театра, облили его целой бочкой керосина и костер запылал, охватывая помещение первого этажа... В этот момент поджога раздавшийся торжественный благовест ко всеобщей не остановил, однако, толпу. Узнав о поджоге, исполняющий обязанности начальника дороги инженер Штукенберг немедленно потребовал по телефону пожар-

---

¹ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 69.

² ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 178. Л. 9.

³ Сибирская жизнь. 1905. 20 нояб.

⁴ Письмо в редакцию В. Штукенберга // Сибирская жизнь. 1905. 26 нояб.

ную команду, сообщив о пожаре губернатору и надеясь спасти людей, зная, что потолок первого этажа был из сводов на рельсовых балках», поэтому «огонь около полутора часов был только на нижнем этаже»¹.

Из других источников известно, что здание управления подожгли с угла нижнего этажа, где помещалась пивная. Для поджога использовали мебель из театра, делопроизводственные бумаги, обливая их керосином, а также просмоленные бочки из-под пива². Несколько иную версию поджога предлагает «Обвинительное заключение...»: «Между тем часть толпы, которая находилась около театра Королевой и пивной М.О. Рейхзелигмана, сложила из дров и остатков мебели костер и зажгла его, после чего многие из толпы начали брать из костра горевшие дрова и с ними вбегать в помещение названной пивной и театра»³.

Примерно в 16.00 (согласно указанию в рапорте) губернатор в сопровождении начальника ГЖУ полковника Романова, советника губернского правления М.Н. Еремеева, начальника гарнизона генерала Ризенкампа, военного коменданта города полковника Когана отправился к месту происшествия. Он «обещал, что всех находящихся в здании Управления посадят в тюрьму и начнется следствие». Но толпа все больше входила в ярость, и «...я лишь случайно избежал удара по голове дубиной, когда лично начал отбивать у толпы избиваемого ею какого-то молодого человека, по виду студента, и принимать меры к предотвращению разгрома университетской клиники». Толпа потребовала выдачи для самосуда двух братьев А.И. и П.И. Макушиных, врачей В.М. Броннера и Н.И. Березницкого, присяжных поверенных Р.Л. Вейсмана и П.В. Вологодского, инженера В.А. Штукенберга, гласного городской думы и журналиста А.Н. Шипицына, «угрожали прокурору суда Беляеву и председателю суда Витте». В глазах обывателей эти лица ассоциировались со всеобщей забастовкой и митинговой страдой в Томске. Губернатору удалось отвлечь к своей резиденции часть манифестантов, после чего они разошлись по домам⁴. Наблюдавший за происходящим из окон губернского управления К. Вальтер поясняя

¹ *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии.* С. 69.

² *ГАНУ.* Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 2, 20; Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 170. Л. 9; Д. 172. Л. 10; Д. 173. Л. 19.

³ *Дело о погроме...* С. 14.

⁴ *ГАНУ.* Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 31об.

ет: «Затем я увидел, как часть толпы направилась к губернаторскому дому, вернулась оттуда с начальником губернии и с некоторыми другими лицами администрации»¹. Если сообщенное чиновником соответствовало действительности, то на месте событий В.Н. Азанчевский-Азанчевев оказался не по своей воле.

На судебном процессе 1909 г. свидетели отметили некоторые особенности общения начальника губернии с народом. Прекратив избивание студента, он, «даже не смотря в сторону только что избитого человека, сказал: «Городовой, возьмите его и отправьте в острог». Другой свидетель, бывший городовой Абрамов, показал, что высшее должностное лицо губернии, обращаясь к людям: «Сколько было силы кричал, чтоб разойтись, но публика не слушалась»².

Тем временем, в изложении «Обвинительного акта...»: «Находившиеся в здании управления сл[ужбы] тяги начали стрелять по толпе и войскам. Ввиду этого войска были отодвинуты от здания и вместе с тем 2-й роте приказано было открыть огонь по зданию. Через несколько времени пожар в здании управления сл[ужбы] тяги стал распространяться далее и начал переходить во второй этаж. Из страха быть сожженными одни из бывших в сгоревшем здании бросились к забаррикадированным входным дверям и, разобрав заграждения, стали выбегать на площадь и на двор, выходивший к театру Королевой. И здесь искавшие спасения от огня подверглись избиванию толпы. Другие выпрыгивали из окон второго этажа наружу или спускались по водосточным трубам, но по спасавшимся стреляли, а затем на них набрасывалась толпа, избивала их»³.

Факт стрельбы по осажденным военными подтверждается очевидцами, находившимися в здании дружинниками⁴ и официальными лицами, правда, по-разному интерпретируя ее. Инженер Трубецкой: «В присутствии, мало того, что бездействовавших, не отгонявших толпу, но и не оказывавших помощь толпе нижних чинов, спасавшиеся из огня по трубам и прыжками из окон немедленно были убиваемы на месте расвирепевшей толпой, страшно их уродовавшею и грабившею донага. Солдаты расстреливали спасавшихся на крыше»⁵. Анонимный корреспондент «Сибирского

¹ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 26об.

² Дело о погроме... С. 35, 37.

³ Там же. С. 14.

⁴ ГАО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 2.

⁵ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 69.

вестника» также констатировал, что солдаты бездействовали, а затем «увлеклись стрельбой в осажденных, метко подстреливая появлявшихся на крыше горящего здания»¹. Губернатор в рапорте о произошедшем от 16 ноября 1905 г., в свою очередь, утверждал: «Вдруг из управления раздались выстрелы, войска под этим огнем мгновенно передвинулись через улицу и площадь к соборной ограде и с места остановки дали без команды, по своей инициативе, один залп. После этого по распоряжению воинских властей, роты, чтобы солдаты не стреляли, были собраны в колонны»². В изданных в 1917 г. воспоминаниях Г.С. Рассохина поясняется, что военнослужащие стреляли по находившимся на крыше горящего здания, поскольку милиционеры решили использовать остаток патронов для стрельбы в толпу и войска, чем и вызвали ответный огонь³. Возникает резонный вопрос, почему боеприпасы не были использованы для прорыва осажденных из горящего здания?

Что касается морально-психологического состояния военнослужащих, то В.Н. Азанчевский-Азанчев в своем рапорте этого вопроса касается дважды. «Считаю нужным установить здесь, – пишет он, – что настроение нижних чинов, находившихся в наряде, было всецело на стороне толпы и поэтому офицеры не имели никакой возможности принудить их действовать решительно для усмирения народного восстания и прекращения буйства». Завершая изложение событий, начальник губернии констатирует: «Как пехота, так и казаки действовали, по моему убеждению, вяло и нерешительно как потому, что были утомлены постоянными нарядами в предшествующее время, так и потому, что солдаты сами заметно склонялись на сторону толпы»⁴.

Закономерно встает вопрос, а пытались ли власти использовать вооруженную силу для наведения порядка и спасения осажденных? Хочу напомнить, что в момент появления военных на площади неизвестным воинским начальником (по всей видимости, командиром прибывшей роты) было приказано «дать один короткий сигнал к действию»⁵, предшествующий применению

---

¹ *К суду* // Сибирский вестник. 1905. 16 нояб.

² *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 31об.

³ *Рассохин Г.С.* События в Томске в октябре 1905 года. Томск, 1917. С. 79.

⁴ *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 32, 32об.

⁵ Там же. Л. 30об.-31.

оружия, для успокоения толпы. Для этого, как я уже пояснял выше, необходимо было трижды ударить в барабан или протрубить в горн. Упомянутыми мной «Правилами о призыве войск для содействия гражданским властям» предусматривалось, что приказ на использование оружия старшему воинскому начальнику привлеченной части отдает высшее должностное лицо гражданской администрации, присутствующее на месте происшествия. В данном случае губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчеев начальнику гарнизона Томска генерал-майору Ризенкампфу, а тот, в свою очередь, командиру батальона подполковнику Ястребову. Вот как комментирует эту ситуацию К.А. Чернов: «Необходимо отметить, что в силу субординации военные ... не могли отдать решительных команд на применение военной силы без согласия присутствовавшего на месте событий губернатора. Войска были вызваны на площадь по распоряжению В.Н. Азанчевского-Азанчеева и прибыли в его подчинение. Именно губернатор, должен был отдать приказ на применение военной силы»¹.

В воспоминаниях В. Бухарина (1935 г.) сообщается: «Генерал-майор Ризенкампф незадолго перед поджогом сл[ужбы] тяги пробрался внутрь здания и пытался вывести оттуда осажденных и с этой целью даже оттеснил толпу от входов, но, не будучи уполномоченным на решительные меры, отправился к губернатору просить о передаче ему командования, но ему было отказано... Власть военному начальнику была передана только на третий день после погрома»². Ни один из источников по истории томского погрома 20–22 октября 1905 г. не упоминает о применении войсками на Новособорной площади в разгар событий упомянутых выше сигналов.

Когда же в местных газетах после трагических событий в адрес военных стали высказываться обвинения в бездействии³, в редакцию «Сибирского вестника» 11 ноября 1905 г. явился генерал Ризенкампф и любезно согласился дать интервью. На вопрос, кто распоряжался на площади 20 октября, он ответил: «Распорядительная

---

¹ Чернов К.А. Военный гарнизон г.Томска в 1904–1905 гг. С. 115–116.

² ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 36.

³ Так, профессор ТПИ Н.М. Кижнер прямо заявил: «Но войска не только не оказали содействие городской милиции, но и своими действиями дали основания толпе черносотенцев думать, что они с ней солидарны». – См.: Кижнер Н. К событиям 20, 21 и 22 октября в Томске // Сибирский вестник. 1905. 13 нояб.

власть войсковыми частями весь день 20 октября всецело принадлежала начальнику губернии. Господин губернатор попросил его – Ризенкампа – дать роту солдат и казаков, что и было исполнено. Непосредственное фактическое командование войсками, присутствовавшими на площади 20 октября, принадлежало коменданту г. Томска г. Когану... Что касается непонятного бездействия коменданта во время пожара, то генерал никаких разъяснений по этому дать не мог».

Непонятно, почему в присутствии начальника гарнизона его подчиненный (комендант) не выполняет своих должностных обязанностей, и вышестоящая инстанция на данное обстоятельство никак не реагирует? «Далее генерал Ризенкампа сообщил редакции, что он незадолго перед поджогом здания тяги пробрался внутрь здания и попытался вывести оттуда осажденных и с этой целью оттеснил толпу от выходов, но, не будучи уполномоченным на решительные меры, отправился к губернатору просить о немедленной передаче ему права командования, что ему на этот раз не удалось, и только на следующий день он и барон Брунов уговорили губернатора передать власть военному начальнику»¹. Заключительная часть интервью и стала источником информации для В. Бухарина. В ответ на разъяснения генерала в «Сибирской жизни» публикуется открытое письмо к нему бывшего офицера, служащего Сибирской железной дороги Данилова, который обвинил Ризенкампа в стремлении свалить ответственность за личное бездействие на губернатора. «Я бывший офицер, – писал он, – и вам ни меня, да и никого не удастся убедить, что понятие о воинской чести и дисциплине заглушают в офицере голос совести»².

В связи с начавшимся пожаром на площадь прибыли пожарные, но их не допустили к месту возгорания. Один из пожарников С.С. Жилин вспоминал в 1925 г.: «Когда мы приехали к пожару, то толпа сразу на нас набросилась и стала нам угрожать, что ежели вы будите лезть тушить, то вас всех перебьем. Нам волей-неволей пришлось повернуть на Нечаевскую улицу и пройти кругом городского сада и все обозы. Пожарные стояли у дома губернатора, и в это время пожар принимал большие размеры», но тушить его не дают, перерезают рукава «и только стоявший рядом банк позволили» (здание железнодорожной пенсионной кассы. – *М. III*). «А во

---

¹ *Сибирский вестник*. 1905. 13 нояб.

² Там же. 25 нояб.

дворе фотографии Яковлева одного студента казаки поймали и у живого отрезали язык за то, что он стал их просить, чтобы его оставили живого»¹. Его коллега, член Добровольного пожарного общества С.М. Сибирцев добавляет: «Когда сменился с караула, пошел домой, но услышал набат каланчи, я, как дружинник, пошел на пожар, где горело желез. дор[ожное]. управление. Но когда прибыл туда, пожарные команды не были допущены до тушения пожара, где я находился около пожарного обоза и наблюдал, как расстреливали людей, показавшихся из горевшего здания, и добивали людей ножками от биллиардных столов. Когда пожар стал грозить сберегательной кассе, тогда дано было распоряжение отстаивать кассу. Где я принял мое участие к отстаиванию кассы»².

Губернатор также засвидетельствовал факт недопущения пожарных к горящему зданию, и лишь после увещевания полицмейстера и советника губернского правления М.Н. Еремеева пропустили тушить помещение соседней пенсионной кассы³. По данным корреспондента «Сибирской жизни», перерезали 8 пожарных рукавов⁴. На судебном процессе над погромщиками в августе 1909 г. свидетель С. Куклин, брандмейстер Добровольного пожарного общества, показал, что не разрешил пожарным частям начать тушение горящего здания полицмейстер В.П. Никольский⁵. Заведующий городским водопроводом Я.А. Ратциг в интервью сообщил, что после начала пожара он отдал приказ машинисту увеличить подачу воды для его тушения. «Но через 5–10 минут машинист звонит мне, что солдаты, поставленные для охраны на водонапорную башню, не допустили усилить струю воды и направить ее в противопожарные краны». Губернатор в ответ на его запрос грубо осадил: «Не суйтесь, где вас не спрашивают. Я без вас сделал надлежащие распоряжения»⁶. Пожар в здании железнодорожного управления начался в 18.00, к 20.00 он охватил все здание, и, согласно информации В. Гума-Шергова, толпа отступила от его стен⁷.

¹ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 20.

² Там же. Л. 61.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 32. Об этом же: *Дело о погроме...* С. 14.

⁴ *Горацио. Безумие и ужас // Сибирская жизнь.* 1905. 28 окт.

⁵ *Дело о погроме...* С. 27.

⁶ *Сибирский вестник.* 1905. 16 нояб.

⁷ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 177. Л. 5.

Согласно воспоминаниям всех очевидцев и свидетельствам официальных лиц, включая полицмейстера и губернатора¹, всех, кто пытался покинуть горящее здание, беспощадно убивали и грабили. «Огонь, – отмечает инженер Трубецкой, – дошедший до третьего этажа и крыши, вызвал гибель всех находившихся там, из которых одни в отчаянии стреляли в толпу, другие оканчивали самоубийством или гибли со страшными воплями»². Незвестный автор письма от 29 октября 1905 г. свидетельствовал: «Толпа спасшуюся жертву немедленно терзала, били дубинами, железками, гирями, а также наносили удары ножами, кинжалами»³. «Выбегавших забивали дубинами, кололи штыками и застреливали из винтовок, – вспоминает А. Яропольская. – Попавшие за цепь (солдатское оцепление. – *М. Ш.*) считались спасенными и то не всегда. Один мой знакомый Д.Д. Вольфсон был убит на углу дома Гадалова. Он вдвоем с учительницей приходской школы вырвался из горящего здания и пробежали за цепь, но был встречен новой толпой хулиганов, которые отняли у них положительно все и отпустили, но Д. Д. не вытерпел и сказал им что-то. Труп его представлял бесформенную массу. Таких было много»⁴. В.Ф. Говердовский: «Трупы убитых были обезображены до неузнаваемости и обобраны до нитки, кроме того, у некоторых трупов у рук были обрезаны пальцы, на которых были золотые кольца»⁵. Подобного рода примеры можно продолжать.

Отдельным лицам удавалось спастись. Так, дружинник И. Шписман «счастливо выскочил из окна здания на крышу бывшего тогда крыльца, а оттуда на тротуар, бежал вдоль горящего здания, освещаемый его заревом, вновь пули стрелявших солдат ударялись рядом о стенки здания и соседний забор, принудив меня лечь на землю, чтобы не быть убитым»⁶. Дружинник Г. Шпилев в письме от 30 октября 1905 г. повествует: «Наши из окна, которое как раз над дверью (во двор. – *М. Ш.*), стали стрелять – черносотенцы отбежали, а как только появлялись, наши стреляли, и они опять убегали – так делали до тех пор, пока все вышли. После всех

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 18, 32.

² *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии*. С. 70.

³ ГАНО. Ф. П. 2. Оп. 2. Д. 172. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 170. Л. 9.

⁵ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л.15.

⁶ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 178. Л. 9.

выходил я с Чистяковым... Мы, тогда выскакивали из дверей, бежали за театр. За ним есть ворота, выходящие на улицу на Московский тракт, но в воротах стояли черносотенцы... Решили мы пробиваться и бросились кучей к воротам. Черносотенцы бросились на нас, но мы стали отстреливаться и побежали вдоль улицы. Черносотенцы догоняли, били, неслись со всех сторон, кричали: «Лови, держи, бей их». Казаки и солдаты открыли стрельбу по нам, и тут некоторых убили, а некоторые спаслись... Тут же убили и нашего командира А. Нордвика. Но кто попадался в руки черносотенцев – того терзали, превращали в мясо»¹.

«Были попытки об оказании помощи и студенчеством, и группой спасшихся милиционеров, и боевиков из «пятерок», – замечает В. Бухарин. – В тот момент, когда загорелся 2-й этаж группа проживающих студентов на Черепичной улице и прилегающих к ней организовалась в группу, вооружившись револьверами и охотничьими ружьями, подошла от клиники и дала залп в толпу, окружившую горящее здание, она разбежалась и дали возможность нескольким человекам выскочить из горящего здания и спастись»².

Согласно донесениям инженера Трубецкого и губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева, «еще в 10 часов вечера спасался кое-кто из сидевших в некоторых отделениях подвального этажа, но к 11 часам из окон вырывалось только пламя, и скоро рухнула крыша. Тогда были допущены пожарные, и в полночь огонь стал утихать»³. «К утру следующего дня здания управления сл[ужбы] тяги и театра Королевой представляли из себя одни закоптелые каменные стены, между которыми лежали груды тлеющего мусора и торчали согнутые железные балки», – констатировалось в «Обвинительном заключении...»⁴. Подводя итоги событий 21 октября 1905 г. перепуганный начальник губернского жандармского управления, полковник Романов, телеграфировал в МВД: «Началась стрельба [в] войска и из окон горевшего здания стали выскакивать бывшие там, но всякого толпа убивала. Спаслись немногие, погибло много. Точное число пока не известно. Толпа высказала намерение дальнейших покушений [на] лиц, участвовавших, руководив-

¹ ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 173. Л. 12.

² Там же. Оп. 3, Д. 18. Л. 36.

³ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 70; ГАО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 32.

⁴ Дело о погроме... С. 15.

ших последними митингами... Положение угрожающее. Войска для таких случаев совершенно недостаточно»¹.

Начали считать погибших и пострадавших. Согласно информации полицмейстера П.В. Никольского, 20 октября в больницы Томска доставили 8 трупов и 56 раненых, «из коих 23 человека в тот же день умерло»². Только в 7-й госпиталь на Нечаевской улице доставили «пострадавших от народных волнений 32 человека, из коих трое оказались мертвыми и трое скончались вскоре после прибытия»³. 27 октября в газете «Сибирский вестник» перечисляется 115 фамилий пострадавших, в том числе 55 убитых и один обгоревший⁴. 28 октября полковник Романов доносил в МВД: убитых и умерших в больнице – 54, раненых – 73, пропавших без вести – 8. «Вероятно, есть сгоревшие дотла»⁵. Естественно, больше всего пострадало железнодорожников. 30 октября 1905 г. В.А. Штукенберг сообщил фамилии убитых в МПС: инженеры И.Ф. Клионовский и М.У. Шварц; техники: Д.Д. Вольфсон и В.П. Лапшин; десятники: А. Маранджанц, Н. Павлов, П. Субботин; чертежник Н. Зисман; конторщики: Н. Апрельков, В. Андреев, И.И. Маркевич, К. Николаев, А. Перелешин, К. Девельдеева, А. Аржанников, В. Бессонов, Г. Вербицкий, В. Визговт, Никифоров, В. Софронов, А. Стоитс, Б. Тиранчевский, Н. Широков, П. Ульянова, В. Кадиков, С. Лебедев, И. Дмух, К. Маклаков, В. Трещев; счетовод П. Шумков; артельщик И. Мартынов; сторож Д. Кузьмин. Всего выявлено пострадавших 110, в том числе убитых 33, раненых 70, без вести пропавших (сгоревших) 7. Кроме того, в больницы доставлено еще 15 трупов, «не опознанных из-за изуродования» Помимо железнодорожников, убито 7 и ранено 60 посторонних⁶.

§ 3. Затухание. 21–24 октября

21 октября. «В час ночи пришел губернатор и сказал, – вспоминает находившийся в его резиденции городской голова А.И. Маку-

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 156. Л. 7.

² Там же. Д. 154. Л. 18.

³ Баранов Д.С. Указ. соч. С. 29.

⁴ Сибирский вестник. 1905. 27 окт.

⁵ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 156. Л. 10.

⁶ Там же. Д. 147. Л. 4–5.

шин, – что толпа разошлась и что теперь начинается второе действие. Из Тайги идет поезд с вооруженными забастовщиками, будут громить его, и мне незачем испытывать это удовольствие». Алексея Ивановича разместили рядом в камере арестантских рот. «Наутро Сушкевич – начальник арестантских рот – сообщает, что губернатор насторого приказал без его разрешения меня не выпускать»¹. Данное обстоятельство в последующем по-разному интерпретировалось мемуаристами. А. Сазонова утверждала: «Городской голова Макушин А.И. должен был просить губернатора Азанчевского-Азанчеева, чтобы его заперли в тюрьму на время погрома». А. Шалаев (1924 г.) свидетельствует: «Сам Макушин в это время был арестован, кажется, по его личной просьбе»².

Утром 21-го «в городе царило самое напряженное состояние. Каждый боялся за свою жизнь, за свое имущество»³. Были разгромлены и ограблены уцелевшие после пожара железнодорожные службы, находившиеся в отдельном здании во дворе управления. Утащили «все медные части телеграфных аппаратов и литографических машин». Как отмечал инженер Трубецкой, все это осуществлялось «при полном отсутствии охраны, о которой Управление настоятельно просило губернатора»⁴. В изложении «Обвинительного акта...», рапортов полицмейстера и губернатора, с утра 21 октября центральные улицы Томска заполнились толпами народа, «преимущественно из рабочего люда» и «везде слышались враждебные речи против забастовщиков, которые силой склоняли весь рабочий люд к забастовке»⁵. В Троицком кафедральном соборе состоялась литургия «по случаю дня восшествия на престол Государя Императора»⁶. «В половине обедни принесли портреты Государя, – вспоминал анонимный очевидец, – ночевавшие, как говорят, в губернаторском доме». Выйдя на паперть, он услышал от собравшихся: «Преосвященный и губернатор после обедни велели бить евреев»⁷.

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 9.

² Там же. Д. 183. Л. 16об. Л. 31.

³ Сибирская жизнь. 1905. 26 окт.

⁴ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 70.

⁵ Дело о погроме... С. 15.; ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 18, 32.

⁶ Дело о погроме... С. 15.

⁷ Страшные дни (рассказ очевидца) // Сибирский вестник. 1905. 18 нояб.

«Вскоре после окончания литургии, – сообщается в рапорте полицмейстера, – на той же площади около собора собралась толпа в несколько тысяч человек; все без исключения были в сильном возбуждении по поводу кровавых событий последнего дня и относили это к вине революционеров и усиленной еврейской агитации. Озлобление против революционеров было так сильно, что толпа готова была растерзать всякого заподозренного в неблагонамеренности. Так, один студент, у которого при обыске были найдены прокламации и револьвер, тут же был убит толпою, а вслед за этим была также избита одна барышня, которая вслух выразила сочувствие и негодование толпе. Дальнейших убийств около собора не было... и поэтому злоба толпы обратилась на евреев, так как все главные агитаторы на митингах, которые также посещал и чернорабочий люд, были из евреев»¹.

В связи с этим пассажем следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в отличие от событий 20 октября, когда гнев толпы был обращен против студентов и железнодорожных служащих (людей в форменной одежде), 21-го четко разыгрывается антисемитская установка. Не случайно, по свидетельству очевидца, В. Федоров, один из участников погрома, придя домой 20 октября, заявил: «Завтра евреев разносить будут»². Во-вторых, указывается и источник этих настроений, – личные впечатления простолюдинов от митингов, на которых «верховодили» евреи. Тем самым власти как бы снимали с себя обвинение в насаждении антисемитских настроений.

Затем громадная масса народа двинулась к резиденции губернатора, где с балкона он и епископ Макарий «больше часа уговаривали толпу успокоиться, разойтись и обратиться к мирным занятиям». Эти увещания, однако, мало подействовали на озлобленную толпу, и около 13.00 она «с портретом Государя Императора, четырьмя национальными флагами, при пении народного гимна и с криками «ура», отправилась на Почтамтскую улицу»³. Начался погром еврейских магазинов на этой улице, а также на набережной Ушайки. Как вспоминал очевидец, «...приносили портрет Государя и говорили: «Наш царь пришел смотреть ваш товар!» И магазин разбивали. Душой акции были солдаты и казаки, они брали самое

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 18.

² Дело о погроме... С. 65.

³ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 18, 32об.

ценное¹. По свидетельству губернатора и полицейстера, в самом начале погрома убили еврея, «бросившего камень в портрет Царя»².

В «Обвинительном акте...» этот сюжет уточняется: «Так как толпа продолжала шуметь (перед резиденцией губернатора. – М. Ш.), то губернатор предложил ей избрать из своей среды депутатов и отправить их к нему в дом для переговоров. После этого к губернатору явилось около 15 депутатов. Как на причины, вызвавшие беспорядки, депутаты указали губернатору на политические митинги, на которых произносились возмутительные речи; на забастовки, имевшие своим последствием прекращение в городе торговли и лишившие бедный класс населения заработка. Далее депутаты передали губернатору о возмущении, которое вызвали в народе милиционеры своей стрельбой по толпе, и просили выдать городского голову Макушина, врача Броннера и др[угих] лиц, как главных виновников всего происшедшего. На это губернатор объявил депутатам, что виновные будут наказаны, и о них будет произведено строгое расследование; в свою очередь, губернатор просил депутатов воздействовать на толпу и не делать из мирной манифестации беспорядков. Этим закончились переговоры, и депутаты, взяв из дома губернатора принесенный накануне толпой портрет Государя, удалились. Собообщив затем толпе о результате своих переговоров с губернатором, депутаты вместе с нею, при пении народного гимна, направились на Почтамтскую ул.»³. Таким образом, все произошедшее днем 21 октября 1905 г. не являлось результатом непредсказуемых действий разгневанной дежнями революционеров и евреев толпы. Все начиналось как официально разрешенная манифестация, которая должна была пройти по тому же маршруту, что и 20 октября, только в обратном порядке.

Иную версию событий на Новособорной площади в первой половине 21 октября предложил в своих воспоминаниях 1920-х гг. П. Тузовский. «Среди толпы появляется стул, – сообщает он, – на него залез высокий здоровый мужчина с бритым лицом, по видимому – переодетый полицейский или жандарм, и произносит короткую погромную речь, призывающую бить и громить жидов и

---

¹ *Страшные дни* (рассказ очевидца) // Сибирский вестник. 1905. 18 нояб.

² *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 18, 32об.

³ *Дело о погроме...* С. 16.

политику. Толпа ему в ответ кричит «ура» и бросает вверх шапки. Оратор вынимает из кармана список и по нему перечисляет лиц, которых следует громить. В первую очередь следует идти к А.И. Макушину, так как его жида и политики избрали президентом города... Перечисляя следующих, он называет громко: Фуксмана, Дистлера, Рейхзелигмана, Заславского и др. Толпа в знак одобрения после произнесения каждой фамилии кричит «ура» и бросает шапки. Затем (по бумажке) предлагает толпе послать делегатов к епископу Макарию. Предложение принято, и вскоре избранные делегаты направились к архиерейскому дому. Через полчаса на площадь явилась карета с Макарием. Толпа встретила его криками «ура» и с непокрытыми головами. Карета остановилась у парадного подъезда. Когда Макарий вошел в дом, то вскоре было объявлено, что губернатор с Макарием выйдут на балкон, обращенный к площади». Так это и произошло, но что они говорили собравшимся – мемуарист не слышал: «В толпе говорили, что губернатор и Макарий разрешают идти по городу с иконами и портретами царя под охраной казаков»¹.

Версия о переодетых жандармах и полицейских (их верная примета бритые лица) пошла гулять по историческим исследованиям. Что касается военнослужащих, то в «Обвинительном акте...» по этому поводу зафиксировано: «Рота вооруженных солдат стояла, а толпа хулиганов беспрепятственно грабила чужое имущество. И не только это, больше: когда один солдат начал прикладом ружья разгонять толпу, начальник запретил ему применять оружие»². Вообще, в отдельных случаях, когда правоохранители проявляли настойчивость, им удавалось пресечь грабежи. Так, помощник полицмейстера с двумя казаками отправился на подвергшийся разгрому завод Фуксмана. «И эти два казака много наделали. Они разогнали всю толпу»³.

Неудачной оказалась попытка епископа Макария лично остановить разграбление магазинов. «На мои убеждения грабившие отвечали молчанием, – свидетельствует он сам, – когда я становился у одного окна, преграждая путь для выносящих через него похищаемые вещи, они отходили к другому окну и тащили через него; когда я подходил к этому окну, они подходили к дверям, несли ми-

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 183. Л. 2.

² Дело о погроме... С. 41.

³ Там же. С. 53.

мо меня похищенное»¹. Эту информацию подтверждает один из священников Томской епархии².

В «Обвинительном акте...» перечисляются отдельные активные участники событий 20–21 октября 1905 г. Так, ломовой извозчик И. Богун заявил: «Мы били, убивали жидов, поляков, студентов и будем их бить, убивать и грабить. Нам позволено, воля дана нам. Сам архиерей благословил убивать и грабить студентов и жидов». Чернорабочий М. Васильев и кузнец Ф. Жихарев участвовали в поджоге здания железнодорожного управления, а 21-го последний, вооруженный ломом, громил магазины. Торговец из пивной лавки И.М. Трофимов, по кличке «Донской казак», просил 21 октября у губернатора царский портрет, «чтобы пройтись с ним по городу», а затем заявил: «Нам разрешили, и мы три дня будем гулять». Именно он в этот день возглавил шествие погромщиков, и толпа громила именно те еврейские магазины, на которые он указывал. Один из свидетелей показал: «Слышал разговор, что руководителем толпы избран «донской казак» Трофимов»³. Другой свидетель Ипполитов подтвердил, что последний выступал как вождь толпы и «говорил что-то губернатору, а потом, обернувшись, громко сказал толпе: «Нам разрешили, и мы три дня будем гулять»⁴.

Галантерейный магазин Б. Фуксмана понес убытков на 50 тыс. руб., из него похитили 600 ящиков мыла. Наибольший урон нанесли мануфактурному магазину наследников Нафтуллы Заславского – 150 тыс. руб. Всего же ущерб от разгрома еврейских магазинов и лавок в этот день составил 330550 руб.⁵ К разграблению подключились крестьяне подгородных селений. Имущество везли возами. Позже многое из награбленного изъяли во время обысков не только в Томске, но и в пригородных деревнях. Так, 4 ноября 1905 г. во время обыска у крестьянина И. Миргородского обнаружили две пуховые подушки, три стула, куль муки завода Горохова и два куля муки завода Фуксмана. Присутствовавшая при обыске жена Миргородского Васса объяснила, что «все отобранные у ее мужа вещи он принес в ночь на 22 октября, когда громили и разграбляли

¹ Цит. по: *Базанова О.* Указ. соч. С. 91.

² *Дмитриевский С.* Макарий, митрополит Московский и Коломенский (Из фактов и воспоминаний о 1905 г.). Томск, 1913. С. 13–16.

³ *ГАНУ.* Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 166. Л. 3–4.

⁴ *Дело о погроме...* С. 43.

⁵ *ГАНУ.* Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 166. Л. 5; *Сибирская жизнь.* 1905. 28 окт.

еврейские лавки и квартиры»¹. Обвиняемый по делу о погроме Варламов в 1909 г. на суде показал, что «и грабить в еврейских лавках нечего было, так как за несколько времени до погрома и русские, и евреи, ввиду все развивающегося революционного движения, повывезли свои товары из лавочек в более безопасные места. Носились слухи, что революционеры сожгут лавки, тем более, что в России происходили такие погромы»².

В погромных действиях, безусловно, активное участие принимали криминальные элементы томского дна, реалистично описанные как раз в рассматриваемое время в первом сибирском детективном романе В.В. Курицына «Томские трущобы»³. Во второй половине 1905 г. они получили существенное пополнение в лице так называемых «сахалинцев». Потеряв по Портсмутскому мирному договору южную часть Сахалина, царское правительство приняло решение об освобождении размещенных на острове около 10 тыс. ссыльнопоселенцев и 8 тыс. крестьян из ссыльных⁴. Их вывезли на «материк» и разрешили следовать домой. Мизерное пособие быстро кончилось и «сахалинцы» большими группами осели в сибирских городах вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, в том числе в Томске, обостряя и без того высокую криминальную обстановку.

В 15.00 толпа с флагами под предводительством городского А. Фертяка начала разгром дома городского головы А.И. Макушина на Воскресенской горе. Его хозяина обвинили в том, что «он хотел быть их (т.е. студентов) царем, а другие прямо называли: это их генерал»⁵. Во время судебного процесса над погромщиками в 1909 г. пострадавший, с оговоркой «не видел, а слышал, но считает достоверным», показал, что 20 октября 1905 г. по приказу губернатора к его дому был поставлен военный караул, который к жене «относился очень дружелюбно, но – в то же время – настойчиво предлагал ей удалиться из дома, куда-нибудь уехать. Когда к дому 21 октября явилась толпа, караул отошел в сторону и погромщикам не противодействовал». В погроме участвовало сравнительно не-

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 166. Л. 6.

² Дело о погроме... С. 42.

³ Курицын В.В. Томские трущобы (1906). Томск, 1991.

⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 433.

⁵ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 166. Л. 4; Д. 154. Л.18об.; Д. 173. Л. 13.

много, но толпа на улице была многолюдной. «Опустошение состояло в следующем: поломали все окна, двери, ставни, мебель, попортили печи, одним словом, сделали дом нежилым. Книги были разорваны на клочки, повыбросаны на улицу. Остальное имущество, невывезенное, оказалось расхищенным. Была попытка поджога служб»¹. Донося в МВД об итогах событий 21 октября, губернатор резюмировал: «И в этот день тысячная толпа разгромила дом городского головы и почти все еврейские магазины. Человеческих жертв за 21 октября – семь»².

Вечером сидящему в арестантских ротах А.И. Макушину сообщили о разгроме дома. Жгучее чувство обиды стало его первой реакцией на известие, «хотя я допускал ужасную возможность, что меня проклинают не только черносотенцы, но и семьи всех пострадавших»³. Алексей Иванович пишет формальное заявление об отпуске от должности, приложив к нему письмо, объясняющее причины предпринятой акции:

«В Томскую городскую думу

Отказываясь от должности, я должен привести причину. Причина – удручение, подавленное состояние, трудно передаваемое в письме, от тех чудовищных обвинений, которые мне предъявлены толпой 20 октября. Г.г. гласные знают хорошо мою деятельность, и я настойчиво прошу Думу высказаться по всем обвинениям, предъявленным ко мне. Объявлял ли я себя Томским губернатором. Я не инициатор вооружения дневной охраны города! Напротив, не спорил ли я долго и упорно, что на первых порах охрану дневную нужно не вооружать. Не указывал ли я, как и другие гласные, что цель охраны общественная, не партийная. Высказывались даже, что ближайшим образом охрана будет противиться насильственному запираению магазинов и срыванию работающих с их работы. Прошу разобрать и все другие обвинения, которые я, быть может, и не слышал, и свое решение занести в протокол. Да, наконец, не клевета ли, что охрана оказалась партийной. Можно ли вообще обвинять меня в разжигании страстей, в разжигании вражды классовой и партийной. Не ясно ли было всегда, г.г. гласные, что партийная нетерпимость мне всегда была антипатична. Придавленный, удрученный всеми ужасами происходившими и чудовищной враждой, предъявленной ко мне значительной группой томских

¹ Дело о погроме... С. 45.

² ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 9.

³ Там же. Д. 179. Л. 9.

жителей, для которых я работал, как вол, 22 года, я в настоящее время ничего писать не в силах и ограничиваюсь в заключение выражением моих душевнейших искренних пожеланий блестящих успехов в развитии городского благоустройства.

Больно до слез расставаться с дорогим делом и с теми широкими и интересными планами, которые управой намечены, но я нахожусь в ужасе и оцепенении от людской злобы. Толпе Бог простит, она невежественна, но стыдно и грешно тем, кто орудует за этой толпой»¹.

22 октября. По информации полицмейстера «утром на базаре в масляных рядах толпа начала, было, снова громить еврейские лавки, но была остановлена прибывшим военным патрулем... Затем мало-помалу в городе стало спокойно»². Зато поползли слухи. Как вспоминает А.И. Макушин, 22 и 23 октября его стращали погромом тюрьмы из-за убийства сыном Бориса Фуксмана двух грабителей и из-за убийства неизвестного двумя евреями. Вместе с тем 22-го тюремный инспектор сообщил слух, что забастовщики идут с бомбами на казармы³.

Несмотря на успокоение, сразу два очевидца анализируемых событий утверждают, что в течение недели в городе нельзя было показаться в интеллигентном костюме и форменной студенческой одежде из-за угрозы расправы⁴. 28 октября 1905 г. В.Н. Азанчевский-Азанчев телеграфировал в МВД: «С двадцать четвертого по двадцать восьмое октября Томске все спокойно. Похороны лиц убитых во время беспорядков, происходят совершенно тихо при участии одних только родственников. Единичные аресты лиц, проявивших революционную деятельность. Я занят умиротворением отдельных партий»⁵. 24 октября полицмейстер предъявил А.И. Макушину, продолжавшему сидеть в арестантских ротах, постановление об аресте по приказу губернатора. 30 октября прокурор Омской судебной палаты Соболев заявил, что городского голову посадили, согласно информации губернатора, по его же просьбе и вечером того же дня его освободили⁶.

---

¹ ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 181. Л. 2. Опубликовано: Сибирский вестник. 1905. 5 нояб.

² Там же. Д. 154. Л. 18об.

³ Там же. Д. 179. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 172. Л. 13; Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 154. Л. 20.

⁶ Там же. Д. 179. Л. 9, 10.

Начались подсчет жертв, написание рапортов и донесений, «разбор полетов» и изображение произошедшего в выгодном для каждого из участников конфликта свете. В процессе проведения судебно-анатомических экспертиз доктором А.А. Грациановым, по свидетельству А. Яропольской, «заносятся в протокол вскрытия фактические причины смерти, указывая у многих погибших пулевые и штыковые раны. Это послужило поводом убрать его от вскрытия и отставление от должности в 24 часа»¹. Тем не менее в «Обвинительном заключении...» по этому поводу пояснялось: «При производстве по этому делу предварительного следствия лица, пострадавшие во время беспорядков, были подвергнуты судебно-медицинскому освидетельствованию, причем у большинства потерпевших были констатированы разнохарактерные повреждения, причиненные по большей части тупым твердым орудием; некоторые из числа пострадавших имели и пулевые ранения»².

Постепенно жизнь возвращалась в прежнее русло. В начале декабря полицмейстер информировал: «После событий 20–21 октября всякие народные собрания, митинги и т. п. в гор. Томске сразу прекратились, и в обществе наступило тревожное затишье. Везде и всюду втихомолку отдельными группами обсуждали, комментировали пережитые события. Состояние во всех классах общества было удручающее, обычная жизнь как будто бы замерла, многие опасались даже ходить по улицам. Увеселительные заведения, театры, вечера, собрания почти никем не посещались и поэтому несколько дней были закрыты. Но такое настроение в обществе продолжалось не более 12–15 дней. Около 10 ноября заметно стало, что типографские рабочие и крайние партии революционеров и социал-демократов вновь стали понемногу группироваться, тайно собирались по вечерам на сходки в частных домах, но вели себя крайне тактично, сдержанно»³.

Продолжился подсчет пострадавших от погрома. Окончательные данные, собранные Д.С. Барановым, дали следующие результаты: умершие и погребенные – 57 чел., без вести пропавшие – 12 чел.⁴ Всего 69 чел. В «Обвинительном акте...» число погибших 20 и 21 октября 1905 г. на Новособорной площади и в различных

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 170. Л. 11.

² Дело о погроме... С. 18.

³ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 82.

⁴ Баранов Д.С. Указ. соч. С. 34–37.

районах города определяется в 56 чел., «причем большинство убитых, как это установлено судебно-медицинским вскрытием, умерло от разрушения костей черепа и вещества мозга, на некоторых же трупах кроме сего были обнаружены пулевые ранения»¹. В.П. Зиновьевым установлены фамилии 38 погибших, захороненных на кладбищах Томска². Можно предположить, что часть жертв погрома погребли безымянными, часть похоронили на кладбищах пригородных селений, часть родственники увезли для погребения за пределы города. Так или иначе, окончательный подсчет пострадавших от погрома не завершен. Из 69 убитых, умерших от ран и пропавших без вести установлены личности 66 чел. Из этого количества железнодорожные служащие составили 38 чел.(59 %), студенты – 8 (12,1 %), прочие – 20 чел., в том числе 4 мещанина и 2 крестьянина. Таким образом, основную часть пострадавших от погрома 20–22 октября 1905 г. составили железнодорожные служащие, не имевшие никакого отношения к политическому противостоянию, раз-
вернувшемуся на томских улицах в эти дни.

---

¹ *Дело о погроме...* С. 18.

² *Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах 1827–1939.* Томск, 2001. С. 98–100.

Глава 2

РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТЕЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТОМСКОГО ПОГРОМА

§ 1. Непосредственная реакция (конец октября 1905 – начало 1906 г.)

Оставшиеся недели и месяцы 1905 г. подсчитывали и хоронили погибших, горожане и властные структуры опасались рецидива. Однако жизнь брала свое. Революция продолжалась, и ее события, логика развития политических процессов не могли не отразиться на жизни крупного города. В.Н. Азанчевский-Азанчеев 24 октября телеграфировал в МВД: «Количество постов сокращено. 25 <октября> ожидаю две тысячи войск, необходимые для предупреждения беспорядков при погребении, которое задерживается судебным следователем. Прошу распоряжения хоронить без вскрытия ввиду явного насилия. Революционеры притихли, но озлоблены пожаром и еврейским погромом»¹. 1300 солдат из соседнего безуездного города Колывани, совершив за пять дней в зимних условиях марш-бросок в 250 верст, прибыли в Томск 26 октября и были размещены в корпусе Томского технологического института, Бесплатной библиотеке, «Гоголевском доме»².

Еще одним следствием погрома стали беженцы. Даже в середине ноября 1905 г. ехавший из Иркутска в Москву И.И. Попов отметил их появление в поезде на станции Тайга: «Заняты были все коридоры, а в моем «неприкосновенном» купе оказалось 8 человек пассажиров. Томичи рассказали о кошмаре, пережитом ими в Томске»³. Город покидали, прежде всего, опасавшиеся репрессий. Вы-

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 9.

² Сибирский вестник. 1905. 27 окт.

³ Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 278–279.

брался из него в форме артиллерийского офицера В.М. Броннер. Брат городского головы, известный книгоиздатель и просветитель П.И. Макушин искал укрытие в с. Протопопово, однако жители села, опасаясь преследования властей, на сельском сходе, созванном ночью, отказались приютить его. За высокую плату один из них согласился отвезти Петра Ивановича на отдаленную таежную пасеку¹.

Под непосредственным воздействием произошедшего 23 октября в подгородном селе Наумовском Семилужской волости произошел единственный случай еврейского погрома в сибирской деревне. Здесь местные крестьяне под руководством сотского Д. Гагина разграбили дом и лавку еврея Б. Бейлина. Как свидетельствует полицейский протокол, «толпа в это время только смотрела и приступила к разгрому дома и лавки Бейлина через довольно продолжительное время, когда крестьянин Рахов первый начал бить в доме Бейлина двери и окна. Затем вечером, когда дом Бейлина был разграблен и внутри лавки начался пожар, туда снова прибежал сотский Гагин и, схватив полено, начал разгонять тушивших огонь, причем ударил поленом крестьянина Николая Сергеева. При обыске в доме Гагина найдена масса вещей, принадлежавших Бейлину»².

Первыми из общественных формирований города отреагировали на погром эсеры. 23 октября в своей нелегальной типографии они издали прокламацию «К учащейся молодежи города Томска», в которой подвергли критике Манифест 17 октября, как подмену настоящей свободы. «Кроме того, – сообщалось в ней, – самодержавие, чтобы оградить себя от окончательного падения, организовало повсеместно банду хулиганов, черной сотни, которые открыто избивают интеллигенцию, учащихся и рабочих. Ярким примером такого зверства являются еврейские погромы у нас в Томске, в Твери, Ростове, Киеве и других городах». Однако «наша нравственная обязанность поддержать и продолжить освободительное движение, которое нанесет окончательный удар царящему произволу и насилию» во имя «могучей силы социализма, которую исповедуют пар-

---

¹ Дегальцева Е.А. Образ власти в представлениях сибиряков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 2005. Вып. 7. С. 32–33.

² ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 269. Л. 1.

тии социалистов-революционеров и социал-демократов»¹. Как видим, местные эсеры первыми применительно к Томску указали на организаторов погромных действий и их исполнителей (хулиганы и черносотенцы).

24 октября епископ Макарий провел собрание местного духовенства и церковных старост с целью организации сбора средств для пострадавших от погрома. Кроме того, архиерей пригласил в свою резиденцию местных купцов, сделавших подписку на 10 тыс. руб. на эти же цели. 29 октября Томское еврейское духовное правление, в свою очередь, образовало комитет для оказания помощи пострадавшим².

26 октября, после десятидневного перерыва, возобновился выпуск частных газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник». С 9 ноября редакторами первой, вместо уехавшего П.И. Макушина, становятся профессора юридического факультета университета М.И. Боголепов и И.А. Малиновский. В этих повременных изданиях и начинается реконструкция октябрьских событий в городе и поиск их причин. В номере от 27 октября редакция «Сибирского вестника» в траурной рамке поместила передовую статью «Памяти 20 октября 1905 года», в которой констатируется: «Голпа озверевших и потерявших образ человека, руководимая какою-то страшною, непонятною силою, осаждает в громадном здании братьев по крови...»³.

Помимо свидетельств очевидцев, в газетах появляются уже упоминавшиеся в первой части письма в редакцию А.В. Витте, С. Самгина-Косицына, В.А. Штукенберга, генерал-майора Ризенкампа, направленные на уточнение отдельных эпизодов или на собственное оправдание. 5 ноября в изданиях публикуется письмо купца 1-й гильдии И.Е. Кухтерина по поводу распространившихся слухов о его причастности к погрому, в том числе к присылке керосина для поджога здания железнодорожного управления и выдаче вознаграждения мясникам за избиение студентов. Все это автор письма категорически отрицает и заявляет: «Я сам был подавлен и

---

¹ Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 г.): Учебное пособие. Омск, 2000. С. 68.

² Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 110.

³ Сибирский вестник. 1905. 27 окт.

поражен тем погромом, который происходил в Томске 20–22 октября, и был возмущен до глубины души теми избиениями, которые имели место на площади Нового Собора»¹. В статье под названием «Народное невежество как одна из причин погромов» (6 ноября) причина произошедшего 20–22 октября объяснялась низким уровнем культуры и сознания народа².

С другой стороны, в повременных изданиях начинается кампания в защиту «доброе имени» городского головы А.И. Макушина, которого освободили из арестантских рот 30 октября, а 31-го он выехал из Томска по совету А.В. Витте в Москву на съезд городских и земских деятелей, где выступил с рассказом о погроме³. Уже в номере «Сибирской жизни» от 1 ноября в разделе «Хроника» сообщалось: «Драматическое общество собралось 30 октября, почти вставанием память погибших и выразило сочувствие А.И. Макушину по поводу «возведенных на него упреков и обвинений»⁴. Далее последовала публикация открытого письма жены Алексея Ивановича, а затем серии заявлений в его поддержку и оправдание. 5 ноября увидело свет заявление городского головы об отказе от должности. Первыми встали на его защиту профессора технологического института Н.М. Кижнер, Е.Л. Зубашев, Ф.Э. Молин, Д. Турбаба, В.А. Обручев, Т.И. Тихонов, Н.И. Карташев, А. Сабека, В. Джонс, А.А. Потебня, В.Л. Некрасов. Их обращение заканчивалось следующими словами: «Как ни ужасны были последние судороги умирающего строя, но они не задержат победного шествия свободы; народ скоро поймет, кто его истинные друзья и доброжелатели»⁵. Кстати, вплоть до конца 1905 г. названные периодические издания выходили с отметкой, что их номера дозволены цензурой.

20 ноября в «Сибирской жизни» публикуется развернутая передовая статья «Еще к вопросу о причинах погрома». Она не подписана, но, исходя из журналистской практики того времени и содержания, можно предположить, что была написана редакторами М.И. Боголеповым и И.А. Малиновским. На основе анализа факти-

---

¹ Письмо в редакцию Иннокентия Кухтерина // Сибирский вестник. 1905. 5 нояб.; *Сибирская жизнь*. 1905. 5 нояб.

² *Сибирская жизнь*. 1905. 6 нояб.

³ ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 10.

⁴ *Сибирская жизнь*. 1905. 1 нояб.

⁵ *Открытое письмо А.И. Макушину* // Сибирский вестник. 1905. 10 нояб.

ческого материала из столичных и провинциальных газет, заявляют авторы, «мы пришли к следующим заключениям». Освободительное движение в России «стремилось к тому, чтобы обеспечить священные права человека на неприкосновенность и свободу, чтобы создать государственное управление при участии выборных представителей от народа». Это движение в октябре 1905 г. обратилось к «героическому и крайнему средству» – всеобщей политической забастовке, которая должна была остановить на время «жизнь всей страны». Реакционные элементы в создавшейся ситуации «решили пустить в ход темные силы». «Итак, темный и необразованный народ оказался здесь жертвой своей темноты и той пропаганды чело-веконенавистничества и вражды к свободе, которую вели реакци-онные силы». Что понималось под реакционными силами – не рас-шифровывается. Одной из причин погрома статья называет бездей-ствие гражданских и военных властей¹.

В развитие последнего утверждения в том же номере воспроиз-водится цитированная выше резолюция представителей служащих всех служб и отделов Сибирской железной дороги по поводу собы-тий в Томске, принятая на заседаниях 12–18 ноября 1905 г., в кото-рой утверждалось, что события 20 октября «были организованы местной администрацией, так как последовательность действий доказывает исполнение заранее составленного плана и лично гу-бернатора Азанчевского-Азанчеева». Поэтому его необходимо от-дать под суд².

Через неделю, 28–30 ноября, в Томске распространяется издан-ная нелегально листовка Томского комитета РСДРП «К гражданам и солдатам». Напомнив, что погромы, аналогичные томскому, про-катились после Манифеста 17 октября «по всем городам России и Сибири», анонимные авторы задают вопросы: «Что это было? От-куда появились эти черные сотни громил и убийц? Почему одно-временно, как по уговору, пронеслись по всей стране эти злодейст-ва и почему именно после царского манифеста. Кому это нужно было и кто организовал их?» – «Чтобы отнять у народа охоту к но-вым победам над царем, – формулируется ответ на них, – чтобы остановить борьбу народа за его права, чиновники-крепостники, губернаторы сговорились и организовали октябрьские зверства.

---

¹ *Еще* к вопросу о причинах погрома // Сибирская жизнь. 1905. 20 нояб.

² Там же.

Как фарисеи за 30 сребреников подкупили Иуду для предательства Христа, так губернаторы и полицмейстеры подкупили деньгами и водкой темных людей и пустили их на грабеж и убийство. Пьяные, темные люди, бессознательные рабы богатых и сильных, как звери, накинулись на безоружных, убивали женщин, детей, мелких служащих, рабочих, сторожей и всех, кто попадал им на глаза». Важную роль в организации погромных настроений сыграло епархиальное руководство Русской православной церкви. Поэтому: «Мы ненавидим всех архиереев, благословляющих темных людей на убийство». В заключение звучит призыв к солдатам спешить на помощь революционерам, «чтобы скорее одержать победу над народными палачами, чтобы скорее созвать то Учредительное собрание, которое выработает новые законы и создаст новое НАРОДНОЕ (демократическое) ПРАВИТЕЛЬСТВО»¹.

Таким образом, уже к концу ноября 1905 г. томские либералы и радикалы в основных чертах сформулировали концепцию погрома, организованного губернатором и архиереем (реакционными силами) и осуществленного «темным народом», «темными людьми» без указания на их сословную или социальную принадлежность.

Тем временем 8 ноября 1906 г. губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева увольняют в отставку, а в конце месяца он выехал из города². Вместо него губернатором назначается генерал-майор, барон К.С. Нолькен, прибывший к новому месту службы 7 января 1906 г.³. Еще до его приезда 11 ноября общее присутствие губернского управления отменило постановление городской думы об организации дневной охраны, а сам А.И. Макушин был отстранен от должности городского головы⁴. Вместо уволенного П.В. Никольского исполняющим обязанности томского полицмейстера 17 ноября временно назначается не имеющий чина пристав 2-й Сенной части Томска А.П. Яцев, проделавший колоссальную работу с подчиненными по розыску и возвращению потерпевшим разграбленного имущества. Учитывая печальный опыт событий 20 октября

---

¹ *Большевики* Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 1958. С.273–276.

² *Цыплаков И.Ф.* Краткая историческая энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 1997. С. 272; *Сибирский вестник.* 1905. 30 нояб.

³ *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом. С. 112.

⁴ *История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века.* Новосибирск, 2006. С. 104.

1905 г. на Новособорной площади, тогда же пожарная служба выводится из подчинения ГПУ и передается городскому самоуправлению¹.

23 декабря 1905 г. император Николай II подписал указ о введении военного положения в городах и уездах вдоль линии Сибирской железной дороги, в том числе и в Томске, военного положения². Еще не вступивший в должность губернатора К.С. Нолькен автоматически стал генерал-губернатором со всеми вытекающими отсюда чрезвычайными полномочиями. По приезде он обратился к населению подведомственного города с кратким уведомлением: «Обращаюсь к населению города Томска с убедительнейшей просьбой, не оставляя трудовой жизни и не нарушая ничем нормального ее течения, всемерно содействовать начинаниям правительственных властей, клонящимся к общему умиротворению и сохранению порядка и спокойствия.

Пусть все проникнется убеждением, что правительство, прибегая даже к репрессивным мерам, не преследует иных целей кроме обеспечения общественного порядка и спокойствия и охранения личной и имущественной безопасности каждого гражданина»³.

В повременных изданиях продолжали появляться версии-интерпретации погрома. 13 ноября 1905 г. в «Сибирском вестнике» профессор ГТИ Н.М. Кижнер обвинил местные власти в попустительстве. «Администрация, – утверждал он, – воспитанная на других политических взглядах, оказала самое широкое, активное и пассивное содействие организованному черному террору; попустительство приняло самые невероятные формы»⁴. 16 ноября в редакционной статье «К суду» четко формулируются три претензии к уже бывшему губернатору:

1. «Мы обвиняем губернатора Азанчевского-Азанчеева в том, что, размундировав кадры городской полиции, он, в верном расчете на полицейскую агитацию, сознательно подготовил избиение ин-

---

¹ Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 1999. С. 95–96.

² Большевики Западной Сибири... С. 580.

³ Баранов Д.С. Версии-интерпретации томского погрома 20–22 октября 1905 г. Рукопись дипломной работы. Томск, 2007. С. 40–41.

⁴ Кижнер Н. К событиям 20, 21 и 22 октября в Томске // Сибирский вестник. 1905. 13 нояб.

теллигенции и студентов». Под «размундированием», очевидно, следует понимать упоминавшееся в первой части решение начальника губернии снять полицейские посты с 19 октября и прекращение с этого времени чинами полиции несения наружной службы.

2. «Мы обвиняем губернатора Азанчевского-Азанчеева в преступном бездействии во время двухдневного погрома и не верим в легенду о малочисленности и бессилии войск, так как участники 9-й роты, добровольно выступившие в защиту города, блестяще опровергают эту легенду, а свидетели из общества знают, что 2–3 казака 22-го числа свободно разгоняли трусливых громил».

3. «Мы обвиняем губернатора Азанчевского-Азанчеева как преступника против свободы народа и ждем суда»¹.

Начавшееся успокоение было буквально взорвано распространением в городе в начале декабря нескольких экземпляров листовок, написанных от руки химическим карандашом большими печатными буквами. Я воспроизвожу их текст полностью: «Вчера крамольники постановили убить архиерея, мулу, губернатора, полицию, казаков и солдат бомбами. Мещан, крестьян и чернь посадить в тюрьму и там отравить. Следователя Соболева просили побольше черни и мещан посадить в тюрьму, а почтовых подзуживали не пересылать на них жалоб Царю-батюшке и его указов нам.

Итак, Белоозерье, Новую деревню хотят спалить и пригородные деревни тоже. Мечеть и собор взорвут бомбами или сделают театрами для митингов. Неужели мы это попустим. Неужели мы свою совесть продали жидам и полякам, как уже продали студенты, почтари и часть железнодорожных. Собирайся народ 6 декабря в 1 ч. дня на площади, кто с чем может. Не бойся солдат, они за нас и за Царя. Казаки тоже.

Крамольники: Шипицын, Макушин, Бронер, Игишев, Мирошников, Анцыков, Жемчужников, Марциновский, Рута, Зенков, Веселков, Кирноз, Грацианов, Соболев и все жида и поляки»². Согласно информации полицмейстера: «По поводу этих прокламаций, которые, ввиду их малого выпуска, в подлиннике удалось видеть не более 10–15 лицам, стали ходить по городу чудовищные слухи»³. Однако 6 декабря ничего чрезвычайного не произошло. Что касается содержания, то листовку писал какой-то простолудин. Вероят-

¹ К суду // Сибирский вестник. 1905. 16 нояб.

² ГАНУ. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 232. Л. 1.

³ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 84.

но, предложение собираться 6 декабря связывалось с отмечаемым в этот день православным праздником Николы Чудотворца (Миколы зимнего), второго после бога заступника от всех бед и несчастий. Помимо известных «крамольников» А.Н. Шипицына, А.И. Макушина, В.М. Броннера, городского врача А.А. Грацианова, большая часть фамилий не известно кому принадлежит, за исключением инженера-железнодорожника А.А. Жемчужникова, выдворенного из Томска на период военного положения¹.

С начала декабря 1905 г., несмотря на отмену цензуры, разоблачительные материалы исчезли со страниц местных периодических изданий. Основной упор делается в них на оживление общественной активности населения и освещение процесса оформления местных партийных организаций либеральных партий. Большое значение для консолидации радикалов имели состоявшиеся 25 ноября похороны студента университета, социал-демократа И.В. Писарева. «Похоронная процессия (200–300 чел., по разным оценкам. – М. Ш.) с красным гробом прошла довольно медленно (умышленно) по главным улицам гор. Томска с пением вместо «святой боже...» революционных песен, – докладывал полицмейстер, – впереди процессии несли 17 венков с необычайно широкими красными лентами, на которых были разные надписи революционного содержания»². В некрологе, опубликованном в «Сибирском вестнике», подчеркивалось: «Наша газета не принадлежит к органам печати социал-демократической партии, разница во взглядах на тот путь, каким должно человечество достичь светлого общественного идеала, отделяет нас от социал-демократии, но мы также ценим благородную работу ее борцов за высокую идею»³.

События в Томске, их трагический финал, получили широкий резонанс в России и Сибири. О том, какую информацию о них получали на местах, можно судить по издаваемой в Тобольске газете «Сибирский листок». В статье В. Костюрина утверждалось об осаде железнодорожного управления с 10 часов утра до 10 часов вечера, и «это было медленное сжигание живьем женщин и детей»⁴. В номере от 30 октября сообщалось о гибели в Томске примерно око-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3305. Л. 109.

² Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 84.

³ Сибирский вестник. 1905. 27 нояб.

⁴ Костюрин В. Томская трагедия // Сибирский листок (Тобольск). 1905. 23 окт.

ло тысячи человек¹. Как вспоминал редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов: «Ужасами погромов Томск побил рекорд перед многими городами России... Здание управления железных дорог, где происходил митинг или даже только получали жалованье, окружили войсками, заперли его и подожгли. Кто хотел спастись от пламени и появлялся на окне, того расстреливали. И все это делалось после молитвы в соборе и, вероятно, с благословления епископа Макария, будущего московского митрополита, и с разрешения губернатора Азанчеева-Азанчевского. Убили сожгли более 200 человек, а раненых было без конца»².

Уже в январе 1906 г. Омский комитет РСДРП в листовке «Ко всем» следующим образом объяснил ситуацию с погромами: «Через два-три дня после манифеста (17 октября. – *М. Ш.*), когда народ радовался своей победе, думая, что настало время свободной жизни без гнета, насилий и произвола со стороны царских слуг, правительство напало на народ. Как по знаку, в один и тот же день по всей России жандармские ротмистры, полиция и шпионы обманом подняли темную часть народа, казаков и солдат на евреев, на образованных людей и рабочих»³. Центральная большевистская газета «Новая жизнь» 29 ноября 1905 г. опубликовала письмо своего корреспондента из Томска, который презентуется как «очевидец всех томских ужасов» и по поводу их сообщает, в частности, следующее: «Епископ Макарий открыто содействовал администрации во главе с губернатором Азанчевым-Азанчевским в деле «искоренения крамолы» и устройства еврейского погрома. Губернатор, организовав черносотенцев, подкупал их деньгами, поил их водкой, доставил им бочку керосина для поджога здания, в котором спаслись от толпы озверевших хулиганов «крамольники», а Макарий после молебствия сказал черносотенцам напутственное слово и благословил их на борьбу с поляками, студентами и интеллигенцией»⁴. Обобщая информацию о черносотенных погромах в целом по стране, лидер большевиков В.И. Ленин резюмировал: «Революция

¹ *Сибирский* листок. 1905. 30 окт.

² *Попов И.И.* Указ. соч. С. 279.

³ *Омская* организация РСДРП в первой русской революции 1905–1907 гг. Сборник документальных материалов. Омск, 1956. С. 89.

⁴ *Центральные* большевистские газеты 1905 года о Сибири («Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» о революционных событиях 1905 г. в Сибири). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1980. С. 171.

заставила, наконец, выйти наружу эту «народную силу», силу царских сторонников. Она заставила показать всем воочию, на кого действительно опирается царская власть, кто действительно поддерживает эту власть. Вот они, вот эта армия озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подпоенных отбросов капиталистического общества»¹.

Погром не остановил общественного движения. Процесс партийного строительства выразился в проведении 25 ноября в железнодорожном собрании первого учредительного собрания томского отдела Конституционно-демократической партии, на котором, по данным полицмейстера, присутствовало 70 чел., «исключительно из высшего интеллигентного общества»². Объединение возникло на базе местной организации Сибирского областного союза, образованной либералами, сибирскими областниками и эсерами в конце августа 1905 г. в Томске на съезде Сибирского областного союза³. Предваряя организационное собрание, один из новых редакторов «Сибирской жизни» профессор М.Н. Соболев провозгласил идентичность интересов областников и кадетов и предложил им объединиться, но в организации Партии народной свободы (ПНС) (второе название Конституционно-демократической партии)⁴. Состоявшееся в начале декабря 1905 г. совместное заседание бюро томского отдела ПНС и бюро Сибирского областного союза приняло решение о том, что «члены Сибирского областного союза при желании могут быть членами Конституционно-демократической партии и наоборот»⁵.

Первым председателем отдела избирается профессор ТТИ В.А. Обручев. В состав его комитета вошли: профессора Е.Л. Зубашев, И.А. Малиновский, М.Н. Соболев, присяжный поверенный М.Р. Бейлин, мировой судья А.Н. Гаттенбергер, инженер

---

¹ Ленин В.И. Между двух битв // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 56.

² Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 84.

³ См.: Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 161–166.

⁴ Соболев М.Н. Отношения Сибирского областного союза и конституционно-демократической партии // Сибирская жизнь. 1905. 19 нояб.

⁵ Сибирская жизнь. 1905. 6 дек.

А.А. Жемчужников, зав. пенсионной кассой Управления Сибирской железной дороги В.Е. Сентянин, учитель мужской гимназии М.А. Слободской. В начале 1906 г. в объединении насчитывалось 600 членов, из которых примерно 41 % составляли представители буржуазии и 38 % – интеллигенция¹.

14 декабря 1905 г. состоялось учредительное собрание томской партии «Свобода и порядок», впоследствии отдела Союза 17 октября. В состав его бюро избирается 21 чел., в том числе профессора университета И.А. Базанов, Д.Н. Беликов, Н.Ф. Кашенко, М.Г. Курлов, профессор ТТИ А.К. Ефимов, купцы 1-й гильдии А.Е. Кухтерин, Д.Г. Малышев, Н.А. Молчанов, библиотекарь университета коллежский асессор Н.В. Миницкий и др. Председателем отдела становится Н.Ф. Кашенко. С 1 января 1906 г. началось издание на средства А.Е. Кухтерина печатного органа формирования – газеты «Время» (редактор-издатель И.А. Базанов). Численность октябристов первоначально колебалась в пределах 300 чел., среди которых преобладали буржуазные элементы – 56,7 % и элитарная интеллигенция – 36,5 %².

Между этими, казалось бы, близкими по социальному составу и политическим целям формированиями сразу же началась конфронтация в периодических изданиях по целому комплексу вопросов, в том числе и относительно автономии региона. «Сибирская жизнь» развернула систематическую пропагандистскую акцию против октябристов, обвинив их и в том, что «они становятся идейными защитниками интересов капитала»³. Противостояние следует объяснить еще и более правыми позициями местных октябристов, близкими к черносотенным. Кадетами стала в конце 1905 г. большая часть либералов, которая до этого, в том числе в октябрьских событиях, выступала с радикальных позиций. Не случайно большая часть членов местного отдела «Союза 17 октября» во главе с А.И. Миницким, А.И. Ефимовым, А.В. Дуровым и В.А. Залесским в ноябре 1906 г. образовали «Русское народное общество за веру, царя и отечество», которое 28 октября 1907 г. оформилось как гу-

---

¹ Харусь О.А. К вопросу о классовом составе октябристских и кадетских организаций в Сибири в период первой российской революции // *Непролетарские партии России в трех революциях*. М., 1989. С. 72.

² Там же. С. 70; Харусь О.А. Октябристы // *Томск от А до Я*. Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 244.

³ *Сибирская жизнь*. 1906. 13 янв.

бернский отдел «Союза русского народа» (СРН)¹. Как видим реальная политическая активность томских черносотенцев как некоего, хотя бы аморфного, объединения была очень низкой в рассматриваемое время, что не соответствует приписанным им впоследствии организационным и пропагандистским усилиям по подготовке и осуществлению погрома 20–22 октября 1905 г.

Созданные политические объединения, судя по имеющейся информации и материалам из газет «Сибирская жизнь», «Народные нужды», «Время», так же как и эсеровский «Сибирский вестник», выяснением обстоятельств и причин погрома с начала декабря 1905 г. прекратили заниматься, и эта тенденция продолжилась в 1906 г. На мой взгляд, данное обстоятельство связано с режимом военного положения. 31 декабря 1905 г. было прекращено по распоряжению командующего войсками СибВО издание «Сибирского вестника». Попытка продолжить издание под новым названием «Вестник Сибири» также была пресечена после выхода первого номера в 1906 г. По всей видимости, такая же участь ожидала и «Сибирскую жизнь», поскольку в январе 1906 г. параллельно ей под редакцией И.А. Малиновского и М.Н. Соболева стал выходить еще один орган местных кадетов – газета «Народные нужды». Поскольку «Сибирскую жизнь» не закрыли, в апреле того же года издание дублера прекратилось.

Вслед за прессой репрессии обрушились на наиболее активных либералов. Распоряжением все того же командующего СибВО в начале февраля 1906 г. из Томска в 24 часа высылаются присяжный поверенный П.В. Вологодский, профессора Н.М. Кижнер и Е.Л. Зубашев². Последний был директором Томского технологического института, Министерство народного просвещения от должности его не отстранило, да и не имело на это права, поэтому деканам института до его возвращения пришлось по очереди (в течение месяца каждый) исполнять обязанности руководителя вуза. Вслед за ними выслали профессора Г.Л. Тираспольских, городского врача А.А. Грацианова, служащих почтово-телеграфного ведомства Д.Ф. Оржешко, П.Ф. Верещанского, Д.Ф. Кротова, И.С. Толстикова

---

¹ *Время* (Томск). 1906. 9 нояб; *Толочко А.П.* Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905 – февраль 1917 г. // *Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг.* Томск, 1994. С. 50.

² *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом... С. 113.

и др.¹ Одним из первых распоряжений временного генерал-губернатора К.С. Нолькена стало распоряжение от 30 января 1906 г. о прекращении деятельности местного Общества попечения о начальном образовании, ввиду его «явно преступной деятельности». В марте решение одобрил министр внутренних дел. Губернское жандармское управление арестовало председателя общества Н.Ф. Бундюкова и его помощника присяжного поверенного М.И. Преловского².

У правоохранителей на Михаила Ипполитовича имелось толстое досье. Оказывается, «вредная деятельность Преловского началась в 1903 году и выразилась в следующих преступных действиях: Преловский являлся главным распорядителем соц. дем. партии по приобретению для партии оружия с целью вооруженного восстания. Оратор на заседаниях Общества попечения о начальном образовании... Совместно с частным поверенным Якушевым составил после 18-го октября 1905 г. от имени всех присяжных поверенных заявление о непринятии ими к защите дел полицейских чиновников, городских, казаков и вообще лиц администрации, причем в этом заявлении предлагалось всем присяжным поверенным прийти на помощь освободительному движению. Вел преступную агитацию среди нижних чинов местного гарнизона». Ему, вместе с В.М. Броннером, инкриминировалось руководство октябрьской забастовкой. В конечном счете М.И. Преловский по постановлению временного томского генерал-губернатора подвергся административной высылке под гласный надзор полиции в Нарымский край «на время состояния губернии на военном положении»³.

Еще одну неприятность либералам принесли выборы нового состава гласных городской думы на четырехлетие 1906–1910 гг. Дело в том, что Городовое положение 1892 г. существенно увеличило представительство мещан в органах городского самоуправления. Уже по результатам выборов 1892 г. в городских думах Томской губернии они имели наибольший удельный вес – 47,2 % (куп-

---

¹ Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. Двести лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 113.

² Дегальцева Е.И. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002. С. 139.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3305. Л. 108–110.

цы и почетные граждане – 37 %, дворяне и разночинцы – 15,8 %)¹. Избранная в 1902 г. дума не случайно получила название «интеллигентной», поскольку 47,8 % всех гласных имели высшее или среднее образование². Городским головой впервые в истории города избирается не купец, а врач А.И. Макушин.

Октябрьская митинговая страда и погром с многочисленными жертвами так или иначе связывались с действиями городской думы и городского головы. Поэтому на состоявшихся 18 декабря 1905 г. выборах гласных «все кандидаты интеллигентных профессий, как врачи, инженеры, профессора, учителя, адвокаты, за 3–4 исключения были забаллотированы, а представители купеческого и мещанского сословия прошли громадным большинством голосов»³. Так, за избрание активного участника октябрьских событий, эсера, гласного думы прежнего состава П.В. Вологодского было подано 90 голосов, против 162. Впервые во время выборов учитывалась партийная принадлежность кандидатов. Кадеты провели 7 гласных, октябристы – 19⁴. Таким образом, избиратели сделали выбор в пользу более консервативных (правых) общественных деятелей, нежели радикальные либералы, вошедшие в состав кадетской организации.

5 февраля 1906 г. на первом заседании думы новым городским головой избирается купец 1-й гильдии И.М. Некрасов, известный в городе не только как видный предприниматель, миллионер, но и как благотворитель и общественный деятель. В частности, его усилиями в Томске организуются Добровольное пожарное общество (1882) и Общество взаимного страхования от огня (1897). Именно при Иване Максимовиче городской бюджет перевалил 1 млн руб., и Томск по этому показателю вошел в число 20 российских городов⁵. «Сибирская жизнь» причину краха «интеллигентной» думы усмотрела в

---

¹ *Литягина А.В.* Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – 1920-е гг.)*. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 184.

² *История общественного самоуправления в Сибири*. С. 94.

³ *Итоги городских выборов* // *Сибирская жизнь*. 1905. 23 дек.

⁴ *История общественного самоуправления в Сибири*. С. 104.

⁵ *Разумов О.Н.* Некрасовы – томские купцы 19 – нач. 20 в. // *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири*. Новосибирск, 1996. Т. 3, кн. 2. С. 18–19.

том, что «простой обыватель винит во всех бедах образованных людей», сами выборы квалифицировала как реакционные, они показатели, «насколько далеки еще массы населения от идеалов прогрессивных элементов страны»¹. Новая дума отменила постановление своих предшественников от 18 января 1905 г., осудившее разгон демонстрации на улицах Томска в этот день и выразившая сочувствие жертвам 9 января в Петербурге. Отменяется и постановление от 18 октября 1905 г. об организации вооруженной дневной охраны².

В 1906 г. материалов относительно октябрьских событий 1905 г. на страницах томских газет не появлялось. Единственным публичным упоминанием о них стало выступление бывшего городского головы А.И. Макушина, избранного депутатом Первой Государственной думы (фракция кадетов) от Томской губернии, на одном из ее заседаний. В нем формулировалась уже известная нам версия об ответственности губернатора и епископа: «Устроители погрома настойчиво распространяли в толпе слухи, что евреи, студенты и интеллигенция стреляли в иконы, которые несли манифестанты, что они стреляли в царские портреты, тогда как на самом деле икон не было, а портреты остались совершенно целыми. Они распространяли также слухи, что томский голова объявил себя губернатором, а затем, что какой-то расстрига-поп даже мазал его мирром на царство в кафедральном соборе»³. В цитированном фрагменте обращает на себя внимание информация о распространявшихся якобы слухах относительно стрельбы по иконам и царским портретам, которой в действительности не было, поскольку икон манифестанты не несли, а царские портреты во время осады железнодорожного управления они оставили в резиденции губернатора. По всей видимости, Алексей Иванович, для большей убедительности включил в канву своего обличительного выступления этот сюжет, который имел место во время погромных выступлений в других городах империи⁴.

---

¹ *Сибирская жизнь*. 1905. 23 дек.

² *История общественного самоуправления в Сибири*. С. 104.

³ Цит. по: *Головков Г.З.* Бунт по-русски: палачи и жертвы. Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005. С. 389.

⁴ Так, в г. Ромны Полтавской губ. участники демонстрации в поддержку манифеста 17 октября «расстреляли висевшую над воротами тюрьмы икону Николая Чудотворца, изорвали и истоптали портреты Государя в канцелярии и конторе тюрьмы». – См.: *Источник*. 1996. № 2. С. 39.

Неоднократно в 1906–1908 гг. напоминали горожанам о погроме в своих прокламациях эсеры. В октябре 1906 г. Томский комитет ПСР издал листовку «К октябрьским дням», приуроченную к первой годовщине трагических событий. Собственно о них в ней ничего не говорится, кроме краткой сентенции: «Под ударами наемников полилась народная кровь, потоками которой самодержавие хотело затопить пробуждающееся самосознание, затопить ненавистную ему революцию». Основное содержание направлялось на прославление эсеровской партии и содержался призыв вступать в ее ряды»¹. В период предвыборной кампании во 2-ю Государственную думу в марте 1907 г. местные социалисты-революционеры в листовке «К избирателям!», напомнив о «черносотенной опасности в Томске», заявили, что для предотвращения ее заключают «именное соглашение с местными кадетами» для того, чтобы провести своих кандидатов на губернском съезде выборщиков 9 мая 1907 г.² Наконец, 20 октября 1908 г. Томский губком ПСР распространил прокламацию «Ко всем. Три года тому назад...», посвященную очередной годовщине погрома и выражающую уверенность в недалгом торжестве контрреволюции³.

Таким образом, в самом конце 1905 г. томские либералы и радикалы в основных чертах сформулировали концепцию погрома 20–22 октября 1905 г., организованного реакционными силами (губернатор и архиерей) и осуществленного «темным народом», «темными людьми» без указания их сословной, социальной или профессиональной принадлежности.

§ 2. Судебный процесс 1909 г.

Вновь обстоятельства и причины томского погрома 20–22 октября 1905 г. оказались в центре внимания горожан, различных политических формирований и сибирских газет в связи с проведением в Томске 17–28 августа 1909 г. судебного процесса над его участниками. Как установил Д.С. Баранов, разбирательство специально приурочили к летним каникулам, дабы не спровоцировать сту-

¹ Курусканова Н.П. Указ. соч. С. 76–77.

² Там же. С. 83.

³ Майдурова Н.А. Революционные издания эсеров в Западной Сибири (июнь 1907 – июль 1914 гг.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993. С. 116.

денческие волнения¹. Следственные действия производились специалистами Омской судебной палаты в течение 3,5 года. Суд стал одним из крупнейших уголовных процессов в истории дореволюционного судопроизводства Сибири. Тем не менее до сих пор он не стал объектом специального исследования, несмотря на защиту ряда кандидатских диссертаций в 2001–2009 гг., посвященных анализу судебной системы Западной Сибири начала XX в. (С.В. Чечелев, М.А. Бтикеева, Е.А. Крестьянников, Д.А. Глазунов, О.Г. Бузмакова, И.Г. Адоньева, А.В. Астахов). Фрагментарные сведения и оценочные суждения относительно его хода содержатся в диссертации Е.Л. Бузмакова², очерках истории Томска³. Сюда же можно добавить вывод Д.А. Глазунова о том, что «революция 1905–1907 гг. зафиксировала конфликты общества с государством, связанные прежде всего с собственностью и системой общественного (государственного) управления»⁴.

Судебное расследование осуществляли судьи Томского окружного суда: граф М.А. Подгоричани-Петрович (председатель), Н.А. Троицкий и Дорохин. Обвинение поддерживали прокурор окружного суда Н.А. Русанов и товарищ прокурора Х.Д. Брюхатов. Адвокатами со стороны потерпевших и гражданских истцов выступал известный нам П.В. Вологодский, присяжный поверенный В.Д. Кононов и помощники присяжных поверенных М.Г. Гинзберг, А.А. Шиша, Н.Я. Левин, А.М. Михайловский. Интересы обвиняемых защищали присяжные поверенные С.В. Александровский, Н.Н. Новиков, П.В. Оленин и частный поверенный В.Т. Молотковский. Их участие в разбирательстве продолжалось до 20 августа, когда общим защитником для всех обвиняемых стал известный адвокат, член головного совета Союза русского народа (СРН)

---

¹ Баранов Д.С. Указ. соч. С. 42.

² Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000.

³ Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. По поводу процесса сказано: «Суд привлек к ответственности 80 погромщиков, но не добрался до главных организаторов и вдохновителей». С. 173.

⁴ Глазунов Д.А. Правовое измерение революции: проблема преступности в 1905–1907 гг. (по материалам Томской губернии) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 133.

П.Ф. Булацель. К суду привлекалось 85 чел., из которых в судебное заседание не явилось 12 чел., из них четверо умерли до его начала¹. В качестве свидетелей, помимо томских обывателей (мещан, лавочников, извозчиков), бывших и настоящих полицейских, из высокопоставленных лиц были вызваны и давали показания начальник губернского жандармского управления полковник Романов и бывший городской голова А.И. Макушин.

Подсудимые обвинялись в «публичном скопище», совершении группового и индивидуального насилия над разными лицами, похищении и повреждении чужого имущества на почве сословной и религиозной вражды, в пользовании похищенными вещами, заведомо зная об их происхождении. Лишь шестеро обвинялись в поджоге здания Управления службы пути и тяги Сибирской железной дороги, а И.В. Большаков – в нанесении телесных повреждений, повлекших смерть. Приговором окружного суда 16 обвиняемых приговариваются к различным срокам пребывания в исправительном арестантском отделении и тюремному заключению (от 2 лет до одного месяца), 47 обвиняемых были оправданы². Член суда Н.А. Троицкий в письме на имя прокурора Омской судебной палаты признавался, что суд к обвиняемым отнесся крайне снисходительно³.

Представляет интерес сословный, профессиональный и возрастной состав подсудимых. Из 16 осужденных имеются данные на 14 чел., из которых 8 являлись мещанами (четверо томскими, по одному мензелинский (Уфимская губ.), шадринский (Пермская губ.), колыванский и мариинский) и 6 крестьянами (двое Томской губ., по одному Орловской, Пензенской, Киевской и Тобольской губ.). Их возраст колебался от 27 до 48 лет. Известен род занятий только 6 чел. (лавочник, мелкий торговец, кузнец, ломовой извозчик, подрядчик, полицейский). Известно, что одна из ключевых фигур погрома – томский мещанин И.С. Богун, 45 лет, в Томске проживал 14 лет.

Знакомство с опубликованными материалами процесса производят противоречивое впечатление. По сути дела, в нем не исследовались причины, обстоятельства и трагические последствия со-

---

¹ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 1–2.

² Там же. С. 100–101.

³ Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. С. 123.

бытий 20 октября, связанных с манифестацией правых, правомерность организации и действий вооруженной охраны, действия и бездействие должностных лиц, осада железнодорожного управления, не выявлялся материальный ущерб, нанесенный железной дороге, и т.д. Все гражданские иски, за исключением одного на сумму 3 тыс. руб., остались без удовлетворения. Основным аргументом обвинения и защиты являлись показания свидетелей. К обвинительному акту прилагались акты судебно-медицинской экспертизы и два экземпляра рукописной листовки, призывающей повторить погром 6 декабря 1905 г., но они не использовались в ходе судебного разбирательства, поскольку в следственном деле не было указано, где и при каких обстоятельствах они были обнаружены. Попытка П.В. Вологодского выяснить у свидетеля, жандармского полковника Романова, «не было ли ужасное событие 1905 г. результатом попустительства властей», была пресечена председателем¹. Последний призывал участников разбирательства «не ... обострять процесса», а ходатайство одного из защитников вызвать свидетеля обвинения А.И. Макушина было им отклонено². Основная часть подсудимых привлекалась и была осуждена (10 из 16) по статье 269 (прим) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, предусматривающей наказания за преступления, вызванные мотивами религиозной и племенной розни между отдельными группами населения (погром).

Я не буду касаться содержания судебного процесса и остановлюсь только на интерпретации в его ходе событий 20–22 октября 1905 г. разными сторонами. Версия обвинения была изложена прокурором Н.А. Русановым. Он полагал, что «преобладающий мотив действий лиц, участвовавших во всем происшедшем в октябре месяце, был корыстный». По составу преступления рассматриваемые на суде события «называются томским погромом» и заключаются в том, «что одной частью населения совершенно нападение на другие группы; нападение сопровождалось похищением чужого имущества, пожаром, убийствами. Все эти действия лиц, составляющих толпу, – все эти кражи, грабежи, поджоги, убийства наказуемы по русским уголовным законам. И было бы парадоксом утверждать, как то делает подсудимый Богун, что все эти действия совершены в состоянии самообороны». Кроме того, статья 269 (прим) позволяет

---

¹ *Дело о погроме...* С. 33.

² Там же. С. 26, 68.

трактовать произошедшее скопище не только религиозными, племенными, экономическими, но и политическими мотивами¹. Допрошенный в качестве свидетеля начальник ГЖУ Романов заявил, что никакой информации о подготовке манифестации 20 октября 1905 г. и последующего погрома у него не было и только утром стало известно о предполагаемом «патриотическом шествии»².

Позицию обвиняемых сформулировали упоминавшийся выше И.В. Богун и И.М. Трофимов («Донской казак»). По их мнению, митинги и забастовки вызвали в народе противоположное движение, и «мы решили умереть, чем подчиниться» тому, что «было постановлено на митингах». Дополняя их, адвокат П.Ф. Булацель требовал квалифицировать погром как «проявление политической розни между разными группами населения». А, по его мнению, погромщики – «это люди убеждений, – люди, которые могут умереть за свои убеждения», и, следовательно, должны быть оправданы³.

Развернутые версии произошедшего предложили адвокаты, представляющие интересы гражданских истцов. Выступавший первым из них М.Г. Гинзберг отметил, что с раннего утра 20 октября 1905 г. в разных частях Томска начали собираться погромщики, которые компактной группой сконцентрировались возле городского полицейского управления. «Как волна, нахлынула толпа манифестантов на городскую думу, и уже в следующий момент отхлынула назад, оставив за собой трупы людей, невинно погибших». Далее манифестанты с молитвой «Спаси, Господи» на устах, «но со злобой в душе» пошли к собору, а за ними на выручку людей двинулась городская охрана. А далее новые избиения и жертвы. «Говорят, что предлагали выдать оружие и выйти из управления под охраной солдат. Но разве можно было выходить, если поверившие и вышедшие были убиты. А в то же время под охраной солдат были выведены служащие службы телеграфа»⁴. Адвокат давал понять: при желании власти имели возможность защитить осажденных.

Более пространное объяснение предложил Н.Я. Левин. По его мнению, обвиняемые И.С. Богун и И.М. Трофимов сознательно лгали толпе 21 октября 1905 г. о получении от губернатора разре-

---

¹ Дело о погроме... С. 76, 79–80.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 73, 98–99.

⁴ Там же. С. 83–85.

шения на погром, «желая авторитетом начальства санкционировать творимые ими злодеяния». В действиях погромщиков не было проявлений религиозной и племенной (национальной) вражды, поскольку антисемитизма, «этого специального продукта черты оседлости, Сибирь не знает». «Преобладающая масса среди подсудимых чернорабочие. Это та социальная категория, которая в экономике носит название люмпен-пролетариата. Без традиций в прошлом, без идеала в будущем, наименее сознательная, мало просвещенная, не имеющая определенной и постоянной работы, эта часть населения наиболее склонна к разного рода эксцессам». Поэтому октябрьские события носят чисто политический характер, «а корыстный мотив является лишь сопутствующим моментом». Погромная акция направлялась не только против евреев, но против студентов, которые в России являются «эмблемой политической неблагонадежности – и в этом разгадка всего»¹.

Последним высказался П.В. Вологодский, который заявил, что несмотря на то, что его «фамилия значилась в числе лиц, которых возбужденная толпа требовала от губернатора на площади 20 октября для саморасправы», говорить он будет безо всякой тенденциозности с целью объяснения событий двадцатых чисел октября 1905 г. «Погром в Томске историки «общественного движения в России в начале XX века» называют «интеллигентски-еврейским». По внешнему своему выражению он и был действительно таковым, но по внутренним своим мотивам он не был вызван религиозной и племенной рознью еврейского и христианского населения в Томске. Так называемый еврейский вопрос никогда не имел в Сибири того острого значения, какое он имеет в Европейской России, в черте еврейской оседлости». Целый комплекс причин «выработали и совершенно своеобразный тип чисто сибирского еврея. По своему облику, поговору, по привычкам одеваться и держать себя, по образу жизни он мало чем отличался от коренного сибиряка. Он также несколько индифферентен к религии, как индифферентен и сибиряк. Я родился в глухой сибирской деревне и вырос в большом трактовом селе, где евреи были и землепашцами, занимались ямщиной и мелкой торговлей и вели с христианами обычное знакомство и справляли вместе с ними деревенские празднества». Причину погрома надо искать в явлениях другого рода. «Широкая волна новой жизни нахлынула неожиданно на темный и невежественный

---

¹ *Дело о погроме... С. 87–90.*

народ, и безотчетный страх перед новыми явлениями жизни овладел, как всегда в этих случаях...»¹.

Таким образом, адвокаты квалифицировали погром как политическую акцию, осуществленную люмпенами, загнанными модернизационными процессами в тупик, против носителей прогрессивных устремлений и участников освободительного движения при попустительстве местной администрации.

Можно согласиться с Д.С. Барановым, что результатами судебного процесса остались неудовлетворены и «правые» и «левые»². Черносотенная «Сибирская правда» и либеральная «Сибирская жизнь» синхронно заявили о наказании мелких сошек и отсутствии на скамье подсудимых истинных организаторов погромной акции (революционеры в лице евреев, поляков, студентов, железнодорожников – у «союзников», властные структуры, архиерей, купцы – у радикалов и либералов). «Сибирская жизнь» сетовала на неоправданную мягкость приговора, продиктованную политической ситуацией, а не тяжестью совершенных преступлений.

§ 3. Что же произошло 20–22 октября 1905 г. и почему? Авторская реконструкция и интерпретация

Осуществленный мной анализ событий октября 1905 г. в Томске на основе уже известных и впервые вводимых в научный оборот источников, а также их интерпретация современниками и различными поколениями историков позволяют предложить собственную реконструкцию и интерпретацию произошедшего 105 лет тому назад. Начнем с реконструкции.

В результате воздействия целого комплекса причин, о которых поговорим во второй части этого параграфа, в Томске к 20 октября 1905 г. сложилось своего рода двоевластие. Радикалы (социал-демократы, эсеры) и левая часть либералов (профессура, сотрудники окружного суда, железнодорожные служащие, лица свободных профессий и т.д.), концентрирующиеся в городской думе, используя в качестве ударной силы молодежь (студентов, учащихся средних учебных заведений), начиная с января 1905 г. последовательно и агрессивно усиливали давление на местный социум и органы го-

---

¹ Дело о погроме... Л. 93–95.

² Баранов Д.С. Указ. соч. С. 45.

сударственного управления. Принудительно закрывались («снимались») торговые заведения, разгонялись рыночные торговцы, извозчики, пресекалась деятельность в сфере предоставления различного рода услуг. К указанной выше дате они добились легализации своих митингов. На совещании 16 октября губернатор в нарушение действующего законодательства, под собственную ответственность дал санкцию городскому голове А.И. Макушину на организацию своеобразного городского Гайд-парка, исходя из принципа «поговорят, успокоятся».

Уже на митинге 17 октября заговорили о необходимости свержения губернатора и вооружении. На следующий день, уже после ознакомления с Манифестом 17 октября, на аналогичном мероприятии выдвигается требование «низвергнуть губернатора и объявить губернатором городского голову», которое не было реализовано из-за «недостаточности вооружения революционеров». Радикалы начинают кампанию по проведению выборов органа революционного самоуправления городом, осуществленную 19 октября, в том числе с целью замены полиции «сильной милицией». Городская дума 20 октября включить новоизбранных в свои ряды отказалась, но под эгидой городского самоуправления образуется Комитет общественной безопасности (КОБ) под руководством радикалов для организации альтернативного полиции правоохранительного вооруженного формирования (милиции, дневной охраны, дружины – в разной интерпретации). Муниципалитет становится альтернативным центром власти, и, хотя всеобщая забастовка 13 октября начиналась без его санкции, 20 октября городской голова и гласные отдают письменное распоряжение о ее прекращении.

Уровень социального напряжения к концу дня 19 октября достиг предела. Радикалы и либералы открыто говорили о взятии власти в свои руки, оскорбительно отзывались о главе епархии епископе Макарии («выведем на тротуар, зажжем его»). Обещание губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева отстранить от должности полицмейстера и заявление городского головы о согласии начальника губернии на создание и вооружение городской охраны деморализовали правоохранительные структуры. Власть в очередной раз отступила. Еще до получения указа от 21 октября 1905 г. об освобождении и помиловании политических преступников 19 октября в Томске освобождаются политические заключенные, находящиеся под следствием или отбывающие наказание.

14 и 15 октября полицейские, казаки и военные патрули рассеивали участников забастовки и молодых «застрельщиков революции». Осада ими последних в Бесплатной библиотеке и разгон у коммерческого училища 18 октября обострили ситуацию в городе, вызвали массовые протесты и требования вывести из города казаков. Во исполнение этих требований городская дума принимает решение о прекращении финансирования городского полицейского управления, требует отстранения полицмейстера П.В. Никольского, начинает практические действия по созданию альтернативной полиции муниципальной правоохранительной структуры – городской охраны (ГО). В результате чины полиции оказались деморализованы, с 19 октября они прекратили наружную (патрульно-постовую) службу и «боялись даже показаться в форменной одежде на улице». В этот же день и до середины следующего в городе прекратилось патрулирование военнослужащих.

Традиционно, касаясь Манифеста 17 октября 1905 г., внимание сосредоточивается на первом пункте констатирующей его части, дарующей «незыблемые основы гражданской свободы» и т.д. При этом не обращается внимания на заключительный абзац, в котором император Николай II призывает «всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». Верховная власть напрямую обращалась к законопослушным подданным за помощью в преодолении очередной, причем «неслыханной» смуты. Призыв был услышан, и началась консолидация благомыслящих элементов в рамках мещанского общества и его управы, недовольных дестабилизацией привычных устоев повседневной жизни или потерявших повседневный заработок. В городе начинают распространяться слухи о подготовке патриотической акции и погрома, направленного против студентов и железнодорожных служащих, в чьей среде господствовал «жидовский элемент».

Проявив достаточно высокий уровень самоорганизации и воспользовавшись годовщиной вступления на престол императора Николая II, правые утром 20 октября начали не санкционированную властями манифестацию, перечеркнувшую планы радикалов и либералов. Образцом для нее стало аналогичное мероприятие, осуществленное 1 февраля 1904 г. в связи с началом Русско-японской войны. Местная администрация (губернатор, полицмейстер) о на-

чавшейся акции знали с самого начала (телефонный звонок полицейского чиновника Сивкова, информация мещанского старосты С. Самгина-Косицына), но никаких мер для организации сопровождения колонны и патрулирования по маршруту ее движения не предприняла вплоть до стрельбы на Новособорной площади в 14.00 часов дня. Около 12.00 толпа манифестантов подошла к зданию городской управы на Почтамтской улице, забив до смерти перед этим студента, не снявшего по их требованию перед портретом императора шапки и якобы плюнувшего в его сторону. Получив отпор от формирующейся в управе городской охраны, разъяренная толпа двинулась дальше, убив до выхода на Новособорную площадь еще, как минимум, трех человек.

Я не знаю, что произошло бы на площади, когда манифестация пришла туда. По всей видимости, дело закончилось бы молебном в Троицком кафедральном соборе и избиением немногочисленных горожан, собравшихся в городском театре на очередной митинг. Ситуацию коренным образом изменило появление здесь колонны ГО, открывшей стрельбу по агрессивным настроенным манифестантам. Они начали разбегаться с площади в направлении городского сада и лютеранской кирхи. Столкновение дружинников с черносотенцами около железнодорожного управления и театра спровоцировало дальнейшую эскалацию конфликта. Его бы, возможно, не было, если бы на площади в момент разбегания манифестантов не появились воинское подразделение (рота) и казачья сотня, вызванные по распоряжению губернатора для ареста и препровождения в тюрьму дружинников ГО. С точки зрения высшего должностного лица, главную опасность в сложившейся ситуации представляли не манифестанты, а начавшие стрелять по обывателям милиционеры. Воодушевленная прибытием военных, изготовившихся к стрельбе по дружинникам, толпа кинулась на последних и заставила их укрыться в здании железнодорожного управления.

Начавшиеся переговоры между руководством ГО и офицерами зашли в тупик из-за отказа милиционеров сдать оружие до отконвоирования их в тюрьму с целью защиты от манифестантов. Военные блокировали караулами возможность отступления за пределы здания управления дружинников и железнодорожных служащих. Властями в этом случае была допущена еще одна грубейшая ошибка, способствовавшая трагической развязке событий 20 октября 1905 г. Запертые в помещении дружинники сыграли роль «красной

тряпки» для уже озверевшей толпы. К тому же вели они себя неадекватно сложившейся ситуации и еще больше провоцировали толпу на экстремистские действия. Следует согласиться с выводом И.В. Черновой о том, что создание ГО и дискредитация полиции сыграли отрицательную роль. «Для того, чтобы охранять порядок в городе, оказалось недостаточно взять в руки револьвер и надеть на рукав белую повязку. Даже опытные полицейские не всегда могли грамотно рассредоточить разбушевавшуюся, и тем более вооруженную толпу, – чего же было ждать от студентов? Действия милиционеров были неразумными и непоследовательными и привели только к ожесточению толпы»¹.

Разъяренная толпа осаждала, а затем подожгла здание железнодорожного управления, забивая насмерть каждого пытавшегося покинуть его. Прибывший к месту трагедии личный состав 4-го резервного батальона и казачьей сотни не был использован для очищения площади от погромщиков и спасения осажденных, хотя отдельные удачные попытки в этом отношении имели место. Губернатор не дал команды на использование войск для пресечения массовых противоправных действий погромщиков, находившиеся на месте трагедии воинские начальники (командир батальона, комендант города, начальник гарнизона) не проявили инициативы по использованию более тысячи военнослужащих с этой целью. Черносотенцы, а возможно параллельно и полицмейстер, не допустили к тушению пожара пожарные расчеты.

Позиция и отношение к быстро изменяющейся ситуации в течение 20 октября губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева и, соответственно, чиновников определялись, на мой взгляд, откровенным попустительством манифестантам. Создается впечатление, что властные структуры пытались бороться с революционным пожаром методом встречного пала, используя ненависть черносотенцев к нему и его носителям. Этим можно объяснить бездействие власти на начальном этапе движения манифестантов, вплоть до их появления на Новособорной площади, отсутствие реакции на факты избиения, убийств и грабежей в процессе движения толпы по Почтамтской улице. В силу либо низкой квалификации, либо настойчивого желания сокрушить «революционную гидру» высшее долж-

---

¹ Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 111.

ностное лицо утратило контроль за ситуацией и превратилось в рядового участника событий (его поведение на площади), не имея возможности или не желая повлиять на их трагический исход.

Большое значение в назревании и развитии конфликта 20–22 октября 1905 г. имели многочисленные и противоречивые слухи, опутавшие Томск: о намерении «студентов на место царя избрать жиденка», власть от губернатора передать городскому голове А.И. Макушину, студенты «подписали подложный манифест», губернатор и архиерей разрешили бить студентов, из Тайги на помощь «революционерам» идет поезд с вооруженными забастовщиками, забастовщики с бомбами идут на казармы и т.д.

С позиций формальной логики невозможно рационально объяснить события 21 октября, как, впрочем, и многие события этого времени в целом по стране. Казалось бы, трагическая развязка предшествующего дня должна была заставить местные власти не допускать «скопищ» на улицах, организовать их патрулирование и особое внимание обратить на Новособорную площадь. Вместо этого с утра озлобленная и опьяненная кровью толпа начала избивание евреев как главных агитаторов на митингах. 21 числа четко разыгрывается антисемитская установка. В официальных отчетах источником подобных настроений объявляются личные впечатления простолюдинов от митингов, на которых «верховодили» евреи. Тем самым чиновники снимали с себя возможные обвинения в насаждении и провоцировании антисемитских настроений. Возможно, В.Н. Азанчевский-Азанчеев не решился запретить молебен и манифестацию в связи с празднованием годовщины вступления императора Николая II на престол, возможно, последовавший за молебном разгром еврейских магазинов и дома городского головы должен был заглушить негативную реакцию верховной власти по поводу трагедии 20 октября.

Но на следующей день о ней как бы забыли, губернатор в присутствии архиерея дает добро на проведение манифестации, просит представителей толпы не производить беспорядков, возвращает им сданные накануне на хранение царские портреты. Депутаты объявляют пославшим их о якобы полученном дозволении в течение трех дней гулять, убивать и грабить жидов, поляков и студентов. Под пение национального гимна, с портретами и государственными флагами толпа двинулась на Почтамтскую улицу и начала разгром еврейских магазинов, при попустительстве военных и казачь-

их патрулей, имевших, как показали отдельные эпизоды, возможность пресечь преступную активность погромщиков. К погромной акции активно подключилось крестьянство подгородных селений. Лишь в конце дня начальнику гарнизона генерал-майору Ризенкампу и советнику губернского правления барону А.Л. Бруннову удалось уговорить губернатора отдать приказ военным на решительные действия против громил. 23 октября патрули рассеяли черносотенцев и «мало-помалу в городе стало спокойно». Однако испуг от произошедшего был настолько силен, что еще в течение недели на улицах боялись из-за угрозы расправы показаться в студенческой форменной одежде, интеллигентном костюме.

А теперь посмотрим, как реагировали на Манифест 17 октября 1905 г. в других городах Сибири, для поиска аналогий и объяснений. Степень политизации местных сообществ и, соответственно, уровень противостояния либерально-радикальных и консервативных группировок, на мой взгляд, зависели от численности населения и сложности структуры городских социумов. Вот как реагировали на дарованные свободы в немногочисленном (6,5 тыс. чел.) Тюкалинске 26 октября: «Народ спешил в собор, где будет читаться манифест. Затем следовал благодарственный молебен. После молебна учащиеся с многочисленной толпой народа, неся впереди портреты царских особ, обошли весь город и перед училищными зданиями пели: «Боже, царя храни». Вечером город был иллюминирован»¹.

В Мариинске (15,6 тыс. чел.) 20 октября в Народном доме состоялось многолюдное собрание жителей, на котором зачитали текст манифеста. Затем заведующий домом И.П. Петров прочитал сразу две лекции, посвященные проблемам народовластия, развития прав человека в Европе и Французской революции 1789 г. Потом состоялось шествие с национальными и красными флагами, на некоторых из них были надписи «Свобода», «Памяти павших за свободу». Как отмечал в телеграмме помощник исправника, «Манифест 17 октября был встречен полным восторгом собравшихся в общественном клубе народом. Ничего, кроме выражения верно-подданнических чувств императору, высказано не было»².

В более многонаселенной (29,7 тыс. чел.) Тюмени реакция общественности уже не была такой однозначной. 19 октября после

¹ *Сибирский листок* (Тобольск), 1905, 10 нояб.

² *Сибирская жизнь*. 1905. 30 окт.; *Ермолаев А.Н.* Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 558.

обеда «образовались две партии манифестантов; первая состояла из интеллигентного класса и молодежи человек в 300, несла флаг с надписью: «Да здравствует свобода», пела «Национальный гимн» и «Вперед», кричала «Ура!», «Привет желанной свободе»; вторая в количестве 100, состоявшая главным образом из полупьяных весьма подозрительных личностей, с криками: «Да погибнет политика», «Да здравствует самодержавие», «Долой революции», «Бить гимназисток», «Бить реалистов». Только счастливая случайность позднего времени спасла учащихся от рук диких «патриотов». При столкновении произошла небольшая драка»¹. Кстати, примерно также на Манифест реагировала и российская глубинка. Так, в Пскове 18 октября 1905 г. сначала по улицам прошла демонстрация революционно-либеральных элементов с красным флагом, на котором имелась надпись «Долой самодержавие!». Затем, по информации полицмейстера, «псковичи без содействия войск или полиции отняли от демонстрантов красный флаг, избив их порядочно... К вечеру демонстрация сменилась манифестацией со стороны жителей гор. Пскова, которые носили по улицам портрет государя Императора, и знамя, дарованное пожарному обществу, с пением народного гимна»².

Погромные события, помимо Томска, имели место в таких крупных городах Сибири, как Иркутск (7 октября 1905 г.), Омск (21–23 октября), Красноярск (21 октября) и Барнаул (23–24 октября). Ранее я писал о погроме в Мариинске (25 ноября)³. Но, как представляется, А.Н. Ермолаев убедительно показал, что рассматриваемое событие являлось бунтом ожидавших демобилизации солдат ополченских дружин, сопровождаемым грабежом товаров из еврейских лавок на местном базаре⁴. Их масштабы и последствия несопоставимы с томскими. В Омске и Барнауле не было жертв, кроме избитых. В Красноярске во время осады Народного дома (без его поджога) черносотенцы избивали и убивали пытавшихся выбраться из блокады (11 чел. убито

¹ *Сибирский* листок. 1905. 23 окт.

² *Седунов А.В.* История псковской городской полиции в XVIII – начале XX вв. Псков, 2004. С. 158.

³ *Шиловский М.В.* Специфика погромов в городах Сибири в октябре 1905 г. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия «История». Иркутск, 2009. № 1. С. 88.

⁴ *Ермолаев А.Н.* Указ. соч. С. 555–557.

и 40 ранено). В Иркутске 17 октября произошли столкновения между участниками революционного митинга и «правыми», жертвами которого стали 20 чел. Воспользовавшись ситуацией, уголовные элементы пытались ограбить магазины в центральной части города, принадлежавшие евреям. Отрядом самообороны они были рассеяны, двоих громил убили. Попытка организовать погром провалилась¹.

Только в Омске должностными лицами были предприняты решительные и эффективные действия по предотвращению и пресечению погромных акций. Что касается направленности действий черносотенцев, то антисемитский характер имели выступления в Иркутске и Томске (в Барнауле евреям просто запрещали селиться), четко выраженный антиинтеллигентский – в Омске, Барнауле, Томске, Красноярске; в Омске и Томске преследовали железнодорожников. На примере Барнаула и Томска в погромных акциях можно четко выделить два этапа: на первом происходили массовые контрреволюционные выступления, на втором к «патриотам» присоединялись уголовные элементы и начинался грабеж. В Иркутске обозначенные этапы совпали по времени.

В масштабах Российской империи, как указывалось в самом начале моего исследования, после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. произошло, по далеко не полным подсчетам, 657 погромов, почти половина из них в черте еврейской оседлости. Не случайно, выступая на общероссийском съезде земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. в Москве, делегат от Иркутской городской думы Г.М. Фриденсон подчеркнул: «Евреи заплатили за русскую свободу вдвойне. 30 лет участвую я в революционно-освободительном движении и за это время видел, какие жертвы принесены в этом движении евреями. Но кроме этого за каждый успех движения евреи платили еще специальными погромами, смысл которых всем ясен после слов Плеве депутации евреев по поводу Кишинева²: «Пусть ваши дети перестанут быть революционерами, и тогда погромов не будет»¹.

---

¹ Шиловский М.В. Элементы двоевластия в Иркутске (октябрь – декабрь 1905 г.) // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2008. С. 323.

² Имеется в виду Кишиневский погром в апреле 1903 г., во время которого разгромили свыше 1,5 тыс. еврейских домов, квартир и лавок, убили 49 чел., ранено и искалечено 586. – См.: Юрьев Б.И. Кишиневский

Современники отмечали, что страна оказалась не готовой к однозначному восприятию идей манифеста. По мнению либерала В.А. Маклакова: «От Манифеста 17 октября ждали других результатов. С разных сторон пророчили Государю немедленное успокоение; этим убедили его уступить. Но вместо успокоения воцарилась анархия, а «либеральное общество» продолжало совместно с революцией наносить власти удары»². О настроениях того времени в российской глубинке можно судить на примере Воронежа. «В кругах воронежских властей царила полная растерянность, – вспоминал будущий большевик И.В. Шауров. – Дальнейший курс правительства не определился, трудно было судить о прочности его положения. Скорое падение царского режима под ударами нового революционного взрыва многим казалось весьма вероятным. Не имея точных директив, в какой мере следует допускать пользование свободами, возвещенными Манифестом 17 октября, органы власти на местах в большинстве случаев проявляли полную бездеятельность, а некоторые их представители даже заискивали перед представителями левых партий. Такое положение сохранялось некоторое время после октябрьской забастовки. У многих создалось впечатление, что теперь все позволено и любая открытая политическая деятельность возможна»³.

Погромная волна, порожденная дарованными свободами, объясняется тем, «что всеобщая стачка (октябрьская. – *М. Ш.*) для политически инертных слоев населения означала лишь угрозу привычному укладу жизни. Монархически настроенные слои населения после издания Манифеста заявили о себе открыто... Невероятного накала в стране достиг антисемитизм»⁴.

Однако из многочисленных погромных акций рассматриваемого времени ни одна по количеству жертв не может сравниться с

погром // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 587.

¹ *Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. Документы и материалы.* М., 2001. С. 470.

² *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 36.

³ *Шауров И.В.* Воспоминания участника первой русской революции. Изд. 2. М., 1974. С. 49.

⁴ *Первая русская революция в России: взгляд через столетие.* М., 2005. С. 322.

томской. Так, в Ростове-на-Дону еврейские погромы продолжались три дня. Здесь убили 44 чел., ранили – 222. На улицах царил хаос; убийства, поджоги и грабежи продолжались до введения в город воинских подразделений. Ближе всего по сценарию к томским были драматические события в Казани, крупном торгово-административном и культурном центре с численностью населения порядка 150 тыс. чел., месте расположения штаба военного округа. Здесь так же, как и в Томске, осенью 1905 г. происходили забастовки. 16 октября полицией и казаками была разогнана демонстрация. Убитых и раненых не было, хотя правоохранители активно использовали нагайки, а сами они и их лошади получили легкие ушибы от бросаемых демонстрантами камней. Тем не менее по городу быстро распространились слухи о небывалых «зверствах» полиции.

17 октября по замыслу социал-демократов и эсеров должно было начаться вооруженное восстание. Возле университета началась перестрелка между правоохранителями и дружинниками, учащиеся духовной семинарии бросали в полицейских бомбы. Стрельба прекратилась только в 22.00. Было ранено 5 военных и полицейских и убито 6 гражданских лиц. 19 октября, после получения Манифеста 17 октября, собралась городская дума и предъявила губернатору требования (ходатайства), поразительно напоминающие принятые их томскими коллегами 18 октября: об устранении полицмейстера, об удалении из города казаков, о разоружении полиции и о необходимости учреждения для охраны Казани «городской милиции под заведыванием Городского Общественного Управления». Губернатор П.Ф. Хомутов занял выжидательную позицию. Впоследствии он, как и В.Н. Азанчевский-Азанчеев, отказался от большинства своих обещаний, несмотря на свидетельства очевидцев. Явочным порядком началось разоружение полицейских. Городская дума, «ставшая своеобразным катализатором местной «смуты», 20 октября принимает решение немедленно приступить к «оборудованию городской милиции». В состав комиссии по ее организации были включены профессора университета Д.А. Гольдгамер, Н.Н. Фирсов и Г.Ф. Шершеневич, а 20 октября в городе появилась прокламация от имени местных комитетов РСДРП, ПСР, групп меньшинства РСДРП, Крестьянского союза и гласных городской думы о переходе власти в руки народа.

Возникло двоевластие. Так же как и в Томске, недовольство забастовкой начали выражать торговцы мелкой и средней руки, нес-

шие убытки из-за невозможности реализовать скоропортящуюся продукцию, в частности мясо. Утром 21 октября, в связи с очередной годовщиной восшествия на престол Николая II, состоялся молебен, который перерос в стихийный митинг (домовладельцы, оставшиеся без работы полицейские, лавочники, приказчики и т.д.), на котором потребовали от губернатора роспуска милиции и восстановления в правах прежней власти. Далее началась манифестация, численность которой достигла 15 тыс. чел. Во время прохождения мимо здания городской управы она была обстреляна милиционерами и вооруженными студентами. Подоспевшими военными патрулями и юнкерами военного училища начался обстрел засевших в управе милиционеров. Осажденным предложили сдаться, было арестовано 130 чел., преимущественно учащейся молодежи, которые «в ограждении от натиска возмущенной толпы» военным конвоем были препровождены в пересыльную тюрьму. 22 октября, в день особо чтимой в городе иконы Казанской Божией матери состоялись молебны, а затем начался крестный ход, к которому присоединилась «патриотическая мусульманская манифестация», и все вместе отправились к памятнику императору Александру II. Вечером начали громить еврейские торговые заведения и культовые здания, избивали учащихся и некоторых городских деятелей, участвовавших в организации милиции. Впрочем, с помощью военных патрулей очень быстро порядок был восстановлен. Через год, в ноябре 1906 г. осудили погромщиков. Из 18 привлеченных к ответственности перед окружным судом предстало 9 чел., троих оправдали, шестерых (четверо из крестьян, двое из мещан) осудили на срок от трех до восьми месяцев тюремного заключения. В отношении 92 задержанных милиционеров дело вообще прекратили, поскольку следствию не удалось установить, кто же из них стрелял¹.

Описанные мной погромные акции отчетливо продемонстрировали, чем может обернуться политическая свобода и вседозволенность в условиях отсутствия гражданского общества и его носителей. Революционные события 1905–1907 гг. вызвали крайне негативную реакцию у части российской интеллигенции, позицию которой выразил знаменитый сборник статей «Вехи». Один из его авторов М.О. Гершензон в самораскаянии пророчествовал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять

---

¹ *Алексеев И.Е.* На страже Империи. Казань, 2006. Вып. 1. С. 186–216.

эту власть, которая одна своими штыками и тюрмами еще ограждает нас от ярости народной»¹.

Теперь займемся интерпретацией событий 20–22 октября 1905 г. с учетом всего вышесказанного. Они, на мой взгляд, представляли уникальное стечение большого количества объективных, субъективных и случайных обстоятельств, без которых невозможно отследить событийно-логическую цепочку, приведшую к трагическому финалу. Начнем с выяснения эволюции позиций радикалов и либералов в 1905 г. «Революции начала XX века, – считает Б.Н. Миронов, – были обусловлены не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами (в том числе блестящей пиар-активностью противников монархии). Их организовала либеральная и радикальная интеллигенция...»². В этом плане Первую русскую революцию можно безусловно считать интеллигентской. Но, выступая в роли детонатора, она должна была опереться на массовые слои городского социума. Таковой стала, как уже неоднократно указывалось в моем исследовании, учащаяся молодежь, прежде всего студенты. «...Самой продолжительной забастовкой в 1905 году была общероссийская студенческая. Она началась в конце января и закончилась 1 сентября после указа о введении университетской автономии. Однако завоевание автономии означало, по существу, получение права на проведение митингов, а это превратило высшие учебные заведения осенью 1905-го в места непрерывных политических сходов»³. Активное участие учащейся молодежи в революционном процессе отмечали и представители царской администрации, в частности, в рассматриваемое время минский губернатор П.Г. Курлов, а также С.Ю. Витте⁴. Наконец, на поведение местной интеллигенции определяющее воздействие оказывали общероссийские процессы. В записке прокурора Иркутской судебной палаты от 30 мая 1907 г. по этому поводу сказано: «Смута в здешнем крае, несомненно, стоит в прямой зависимости от политического положения Европейской Рос-

---

¹ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 90.

² Миронов Б.Н. Причины русских революций // Родина. 2009. № 12. С. 97.

³ Волобуев В., Шелохаев В. «Великие потрясения» 1905–1907 годов в контексте российской модернизации // Свободная мысль. 2005. № 1. С. 186.

⁴ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 47; Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 748–749.

сии, откуда получает свое питание и поддержку как материальными средствами, так и личным составом революционных деятелей, которые в лице административных ссыльных немало сделали для подготовки в крае почвы для нее»¹.

В Томске либерально и радикально настроенные слои интеллигенции («новые» средние слои), как отмечалось во введении, имели достаточно прочные позиции. Центрами интеграции первых являлись комитеты РСДРП и ПСР, вторых – городская дума и неполитические общественные формирования. Даже элитарные слои местной интеллигенции формировались в основном «из народа». Мое предположение подтверждает анализ происхождения 171 профессора Томского университета, которые получили образование в основном до революции 1917 г., а ученое звание – в 1917–1945 гг. Среди них выходцев из мещан – 31 чел., лиц духовного звания – 30, чиновников и служащих – 29, дворян – 18, крестьян и казаков – 13, рабочих – 5, купцов – 7, управляющих – 5, интеллигенции (юристы, врачи, учителя, офицеры, профессора и т.д.) – 31 чел. Среди последних высока была доля детей учителей – 10 и профессоров – 8 чел.²

По сути, основой для воспроизводства элитарной интеллигенции становятся все сословия и профессиональные группировки России, имеющие хотя бы элементарное образование, а сама эта интеллигенция была разночинной, что, в свою очередь, свидетельствовало об интенсивности процесса ликвидации сословных перегородок в российском обществе начала XX в. и складывании принципиально иной социальной структуры. Данное обстоятельство, по мнению С.А. Красильникова, вело к тому, что «важной чертой интеллигенции страны начала XX в. являлось то, что она представляла собой один из самых динамичных элементов в социальной структуре, будучи в значительной мере продуктом перемещений (мобильности) снизу вверх (из среды трудящихся масс) и сверху вниз (из среды привилегированных классов)»³.

Для этой группы интеллигенции был характерен низкий уровень религиозности. Епископ Макарий, просматривая исповедные

---

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 6. Л. 29об.

² Шиловский М.В. История старейшего сибирского университета в лицах // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1999. С. 155.

³ Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское десятилетие // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 173.

рописи, обнаружил среди не исповедывавшихся и не причастившихся в положенное время множество фамилий чиновников и служащих губернской столицы¹. Ей была присуща неприязнь к властным институтам, порождавшим у находившихся на государственной службе двойную мораль. В рассматриваемое время не существовало четкой грани между либералами и радикалами, а также внутри этих направлений общественного движения. Как вспоминал местный социал-демократ М. Попов: «Мы впитывали идеи того времени – и социал-демократические, и эсеровские – без какого-либо подразделения. Наоборот, общие симпатии в одном случае склонялись в одну сторону, в другом – в другую»². В 1905 г. политические воззрения многих видных томских общественных деятелей не отличались устойчивостью (А.А. Жемчужников, М.Р. Бейлин, П.В. Вологодский и др.).

По мере нарастания кризиса самодержавия, нежелания власти идти на сотрудничество с обществом и продолжать реформы, происходила радикализация образованного общества. Два человека, принадлежащие к разным политическим группировкам рассматриваемого времени, примерно одинаково констатировали данное обстоятельство. Либерал В.А. Маклаков: «Деятели 90–900-х годов пришли к заключению, что для того, чтобы вернуть Россию на путь неоконченных реформ, надо сначала Самодержавие уничтожить. Можно ли было достигнуть и этого без революции? Это казалось сомнительно, но либералы не останавливались перед такой опасностью; они против Самодержавия вошли в союз с революционными партиями»³. Видный чиновник МВД, консерватор В.И. Гурко: «Однако при охватившем в то время страну революционным психозе из этих двух течений явное преобладание получает, даже в земской среде, течение радикально-демократическое; представители либеральных профессий примыкают к нему почти в полном составе»⁴.

---

¹ Бузмакова О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. С. 85.

² Цит. по: Блинов Н.В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972. С. 93.

³ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 13.

⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 440.

События 9 января 1905 г. подтолкнули образованные слои к радикальным действиям и усилению давления на власть. В Томске первым пробным шаром стала разогнанная полицией и казаками демонстрация 18 января 1905 г. Однако информационную войну по ее поводу местная администрация проиграла. В глазах общественного мнения именно она должна была нести ответственность за якобы зверскую расправу над демонстрантами. Прокурору Томского окружного суда начали поступать коллективные жалобы по поводу преступных действий правоохранителей. А либерально-радикальные круги начинают формировать свою версию произошедшего, основные контуры которой обозначаются на сходке студентов университета 24 января: «Преступная, наглая политика самодержавного правительства... стала особенно понятна нам во всей ее возмутительной зверской жестокости после события 18 января на улицах Томска, когда город был отдан в бесконтрольную власть казаков и полиции, без всякого предупреждения начавших избивать мирных граждан»¹. В распространяемой по этому поводу информации ничего не говорилось о том, что демонстранты вооружились револьверами, молотками, ломami, дубинками и открыли стрельбу, ранив двух полицейских чиновников и пять городских. Сформированный имидж демонстрации использовали для массовой дискредитации структур местного государственного управления и правоохранительных органов, нагнетая напряженность в городском сообществе.

8 марта на своем заседании городская дума под председательством А.И. Макушина принимает текст всеподданнейшего адреса, начинающегося следующим образом: «Государь! Ведь не даром коренной русский народ создал пословицу: «До Бога высоко, до царя далеко». И в особенности далеко до Государей было нам, сибирякам, которые до сих пор не имеют даже ни земских учреждений, ни суда присяжных. Эта далекость от Государей – источник всех наших государственных и общественных бед». В этом же заседании делегату от городского самоуправления на всероссийский съезд городских самоуправлений П.В. Вологодскому формулируется наказ: «Необходимо предложить представителям города отстаивать, что городские общины должны быть самоуправляющимися в смысле самоопределения, самоизбрания и самообложения и долж-

---

¹ *Шиловский М.В.* Томская демонстрация 18 января 1905 г. // ГЕО-Сибирь-2009. Социально-гуманитарные процессы Сибирского региона: Сб. материалов V Международ. науч. конгресса. Новосибирск, 2009. Т. 6. С. 305.

ны широко ведать все местные нужды, как духовные, так и материальные: санитарные, образовательные, благоустройства, безопасности и т.д., а также иметь своих представителей в коллегиях местных учреждений, содержимых на общие государственные средства, по крайней мере, в тех, с которыми тесно и широко связаны интересы населения, напр[имер], средние и младшие учебные заведения; за свою деятельность городские общины должны отвечать только перед судом. Отношения между городскими общинами государством должны быть определены законом, и право голоса в городских общинах должны иметь все русские подданные – плательщики основных городских налогов, без различия пола, племени и вероисповедания, достигшие 25 лет, прожившие в городе не менее года и не ограниченные в правах по суду»¹. Таким образом, гласные Томского городской думы четко выдвинули претензию на полную независимость муниципалитетов от государства.

Под воздействием общей ситуации в стране «осмелели» легальные общественные формирования, не имевшие права обсуждать политические вопросы. В апреле члены Томского общества попечения о начальном образовании (в том числе активные участники октябрьских событий Д.Д. Вольфсон, А.А. Жемчужников, М.Н. Загибалов, А.Н. Шипицын, В. Дикгоф и др.) на общем собрании в специальной резолюции признали, что коренное зло современной России – невежество – поддерживается самодержавным режимом и решительно потребовали заменить существующий бюрократический режим правовым порядком, а для этого немедленно созвать Учредительное собрание. Даже далекое от политики Общество содействия физическому развитию по предложению ее организатора и руководителя врача В.С. Пирусского присоединилось к «Лиге борьбы против смертной казни», полагая, что «казнь за политические преступления не может быть полезна: идеи нельзя обезглавить»².

В июле 1905 г. в Томске прошла первая общегородская забастовка, в ходе которой выдвигались и политические требования (свобода слова и собраний). Как фиксировалось в листовке Томского комитета РСДРП по этому поводу: «Несмотря на запреты царских законов, мы во время забастовки устраивали многолюдные митинги... А царская

---

¹ *Сибирская жизнь*. 1905. 10 марта.

² *Дегальцева Е.А.* Неполитические общественные организации Томской губернии в первой русской революции // *Общественно-политическая жизнь Сибири XX век*. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 22–23, 30.

полиция бессильно злобствовала»¹. В августе на заседании городской думы П.В. Вологодский заявил о необходимости организации своей муниципальной милиции². 6 сентября на сходке студентов университета и ТТИ принимается резолюция «не начинать занятий под цензурой и превратить аудитории в места для народных собраний». 18 сентября в Университетской роще правоохранители предотвратили студенческий митинг, на который собралось около 600 чел. Задержали 213 чел., в том числе 68 студентов, 44 представительницы прекрасного пола. Будучи доставленными для опознания в здание губернского управления, задержанные пели «Дубинушку», «Марсельезу», выставив окно, выкрикивали «преступные обращения» и уговаривали солдат и казаков не помогать администрации³.

В октябре, как было показано в предшествующем разделе, агрессивные-наступательные действия томских радикалов и либералов только усилились. Их позицию, на мой взгляд, очень точно выразил редактор иркутской газеты «Восточное обозрение», ссыльный народник И.И. Попов, публично заявивший, что, как доказала забастовка, действительная власть уже находится в руках русского народа. «Пора действовать, как подобает гражданам, и предлагать ультиматум, а не принимать милость»⁴.

Наглядно степень радикализации томской интеллигенции ко времени и во время октябрьских событий 1905 г. можно проследить на примере ее отношения к правоохранительным органам и их личному составу. В целом в дореволюционной России полицейских, мягко выражаясь, недолго любили. Достаточно вспомнить классические персонажи Держиморды и Пришибеева. Яркие образы «полицейских-цивилизаторов» созданы и на материалах Сибири: в романах Л.П. Блюмера «На Алтае» (кузнецкий городничий, провинциальный секретарь Андрей Иванович Васильев) и В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (пристав «из штрафованных офицеров», «заядлый пьяница, ерник» Федор Степанович Амбреев).

По мере усиления освободительного движения и активного использования для его пресечения полицейского аппарата авторитет

---

¹ *Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг.* С. 142.

² *Сибирский вестник.* 1905. 23 авг.

³ *ГАНУ.* Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 157. Л. 46–49, 51–53; *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Указ. соч. С. 100.

⁴ *Либеральное движение в России. 1902–1905 гг.* С. 446.

правоохранителя еще больше падает в глазах интеллигента. Характерный в этом плане эпизод воспроизводится в письме попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева, написанном сразу после упомянутой выше демонстрации 19 января 1905 г.: «Вчера вечером приходил ко мне один профессор с выражением соболезнования раненым студентам и курсисткам, привезенным в наши клиники в числе 7 человек, привезен туда же и городской, смертельно раненный, обремененный большим семейством (говорят, будто 8 человек детей). К демонстрантам у этого профессора осталось весьма возбужденное сочувствие, к защитнику же порядка, ровно никакого, он даже не хотел об этом говорить. И это профессор, клиницист и оператор (хирург. – М. Ш.), для которого, казалось бы, жизнь человеческая должна быть одинакова, должна быть дорога, не зависимо от того, что умирающий социал-демократ или полицейский чин»¹. А вот как участница событий А. Яропольская отзывается о казачьем офицере, участвовавшем в составе сотни в осаде железнодорожного управления: «Более тупой, преступной рожи я еще не видела»². Кстати, упомянутый в письме городской Н.С. Ананьев, раненный выстрелом в упор, когда пытался отобрать «красный революционный флаг», выжил, но стал в 27 лет инвалидом и был уволен. Всего в течение 1905 г. в стране убили 300 полицейских, в Томской губернии – всего одного³. Это агрессивно-озлобленное отношение к правоохранителям со стороны интеллигенции отчетливо проявилось в ходе рассматриваемого конфликта осенью 1905 г. и стало одной из причин его трагического завершения.

Что касается администрации, то она оказалась, как в целом по Сибири⁴, не готовой к организации противодействия столь масштабным выступлениям с точки зрения практических навыков, опыта, инициативы. И, хотя упомянутый В.И. Гурко специфику

---

¹ *Вестник* Том. гос. ун-та. 2005. Дек. № 289. С. 182.

² *ГАНУ*. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 170. Л. 8.

³ *Гумб К.* Угрожать и наказывать: русская армия в Варшаве в 1904–1905 гг. // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 178; *Шиловский Д.М.* Полиция Западной Сибири в борьбе с массовыми выступлениями 1905–1907 гг. // *Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007.* С. 127.

⁴ *Шиловский М.В.* Элементы двоевластия в отдельных городах Сибири (октябрь – декабрь 1905 г.) // *Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв.* Новосибирск, 2008. Вып. 3. С. 14–15.

действий власти видел в том, что она «имела дело с общественностью, определенно психически больной, а посему и вынуждена была поступать с ней не по правилам, а путем некоторого ее ублажения, не передавая ей, однако, в руки кормила правления»¹, мне кажется, в этом вопросе прав Л.И. Лаврентьев, который в уже цитированном нами письме так отзывался об административных провалах на примере демонстрации 18 января 1905 г. в Томске: «Глубоко прискорбная история! Кто виноват? Ссылаться на английское золото – значит отводить глаза. Если оно тут и участвует, но не в нем сила. Главнейшее зло – это постоянные колебания сверху, полная неуступчивость принципов, отсутствие в исполнителях твердости, убеждений, честности, прямоты, служения долгу, влияния, заискивания, стремления к популярности»².

Противостояли натиску «революционеров» в Томске традиционные слои городского населения, прежде всего крестьяне и мещане, составляющие большую часть его населения. На мой взгляд, в историографии недооценивался уровень их социальной и политической самоорганизации, позиционируемых как простых исполнителей воли антинародных властей, реакционного духовенства и черносотенцев-купцов, подкрепленных переодетыми жандармами и полицейскими. При этом исходили из основополагающего постулата о размывании сословных устоев и постепенном растворении мещан в городском социуме. На самом деле погром 20–22 октября 1905 г. показывает достаточно высокий уровень организации консервативных элементов, действовавших в рамках основополагающих методов функционирования мещанского общества и принципов общинной организации.

---

¹ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 444. Сюда же можно добавить мнение С.Ю. Витте: «...К концу сентября 1905 г. революция уже совсем, если так можно выразиться, вошла в свои права – права захватные. Она произошла оттого, что правительство долгое время игнорировало потребности населения, а затем, когда увидело, что смута выходит из своих щелей наружу, вздумало усилить свой престиж и свою силу «маленькой победоносной войной» (выражение Плеве). Таким образом, правительство втянуло Россию в ужасную, самую большую, которую она когда-либо вела, войну. Война оказалась для России позорной во всех отношениях, и режим, под которым жила Россия, оказался совсем несостоятельным – гнилым. Все смутились и затем – добрая половина русских людей спятила с ума». – См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 771.

² *Вестник* Том. гос. ун-та. 2005. Дек. № 289. С. 181.

Мещанское общество Томска к концу XIX в. насчитывало более 25 тыс. чел., оно владело крупной недвижимостью (каменные и деревянные дома, лавки, богадельня) общей стоимостью 107,2 тыс. руб. Действовала мещанская управа, регулярно собирались сходы его членов, все его решения фиксировались в письменном виде в форме приговоров, которые подписывали все участвовавшие в их выработке члены общины¹. «Корпоративность была важной частью общественного сознания, – замечает по тому поводу Ю.В. Гончаров. – В своих решениях мещанские общества руководствовались не формальными нормами закона, а своими корпоративными представлениями о нравственности. Влияние корпорации находилось в тесной взаимосвязи с ощущением сопричастности ее членов с нормами и интересами мещанского общества. Другими словами, предполагалось, что член общины не должен совершать действий, идущих вразрез с интересами корпорации. Подобные представления характерны для традиционного сознания и корпоративной социальной структуры. Контроль общества, корпорации над ее членами не являлся, по их представлениям, насилием над личностью»².

Нетрудно заметить, что организация мещанского самоуправления была скопирована с крестьянской общины. Следует напомнить, что по одной из версий манифестация 20 октября 1905 г. началась после прихода в мещанскую управу к томскому мещанскому старосте С. Самгину-Косицыну томского мещанина же Ф.М. Петрова, который от имени общественников потребовал собрать всех, «которые желают показать себя, что они к партии забастовщиков не присоединяются и государственного строя нарушать не желают, а намерены пройти по улице с флагом и портретом Государя Императора до Троицкого кафедрального собора». Староста по занятости от выполнения просьбы отказался, «а представил им при этом собраться самим».

Далее, следует согласиться с основополагающим выводом Б.Н. Миронова относительно социальной структуры Российской

---

¹ Чутчев В.С. Мещанские общества в повседневной жизни мещан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 115–118.

² Гончаров Ю.М. К проблеме изучения менталитета средних городских слоев Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Общественно-политическая жизнь Сибири XX век. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 42.

империи начала XX в., об окрестьянивании городов и о реанимации в среде городского населения стандартов и стереотипов крестьянского сознания и поведения¹. К этому необходимо добавить высокий уровень миграционной подвижности живущих и приехавших в Сибирь. Поэтому их образ жизни носил собирательно-транзитный характер, обусловленной спецификой хозяйственного освоения региона².

Томск рассматриваемого времени наглядно подтверждает это положение. За вторую половину XIX – первые четыре года XX в. численность его жителей возросла в пять раз, в основном за счет крестьян, как сибирских, так и переселенцев из Европейской России, стремящихся, как отмечалось во введении, поскорее приписаться в мещане. Не случайно микросоциальный срез привлеченных к судебному разбирательству по делу о погроме наглядно иллюстрирует эту тенденцию: из 14 осужденных, 8 относились к мещанам (половина томские, половина приезжие из Мензелинска, Шадринска, Мариинска и Колывани); 6 – к крестьянам (двое из Томской губ., еще один сибиряк, а трое – из Орловской, Пензенской и Киевской губ.). По роду занятий: лавочник, мелкий торговец, кузнец, ломовой извозчик, полицейский, подрядчик. Возраст самый активный – от 27 до 48 лет. Один из активнейших участников томский мещанин И.С. Богун, 45 лет, в городе проживал уже 14 лет и являлся ломовым извозчиком.

Как и элитарный слой томской интеллигенции (профессора, врачи, адвокаты, чиновники и т.д.), основная часть горожан (крестьянско-мещанская) являла в начале XX в. промежуточный продукт вертикальной мобилизации, конечным результатом которой должен был стать, но не стал, полноценный «средний слой» городского социума. Не случайно на судебном процессе сначала адвокат Н.Я. Левина, а затем П.В. Вологодский характеризовали подсудимых как чернорабочих-люмпенов, на которых нахлынула волна новой жизни и которыми «безотчетный страх перед новыми явлениями жизни овладел». «Спору нет, фермер

---

¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 342, 349.

² *Дегальцева Е.А.* К вопросу о мотивации гражданской активности в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Общественно-политическая жизнь Сибири XX век.* Новосибирск, 2007. С. 73.

или лавочник, – замечает по поводу жизненной позиции мещан А.Г. Вишнеvский, – далеко не всегда аристократы духа. В разных странах они не раз ощущали себя «массами», собирались в фанатичные толпы, становились участниками факельных шествий и погромов»¹.

На примере Новониколаевска начала ХХ в. я попытался отследить этапы процесса адаптации крестьян к условиям и ритму городской жизни. Они начинали ее в качестве малоkвалифицированной рабочей силы (чернорабочие) или занимались трудом, хорошо им знакомым по деревне (плотники, кучера, извозчики, кузнецы, мясники, столяры и т.д.). Далее они действовали по схеме: временное жилье – временная работа – постройка или покупка постоянного жилья – поиск стабильного источника доходов. В обычной ситуации город обеспечивал адаптацию основной массы приезжих крестьян, имевших определенные профессиональные навыки, востребованные в нем². Ускорение модернизационных процессов в Томске под воздействием целого комплекса факторов (строительство Транссиба, открытие высших учебных заведений, Русско-японская война, переселенческая волна) и начавшаяся революция затормозили адаптацию и усилили в жизни городских низов деревенские стандарты поведения. «Мигранты и их потомки медленно воспринимали нормы городской культуры и освобождались от традиционного менталитета», – приходит к выводу Ю.М. Гончаров³.

Поэтому томские городские низы в микросоциальном катаклизме 20–22 октября 1905 г. демонстрировали типичные черты крестьянского поведения. Отстаивая свои интересы, они действовали солидарно, всем миром, на основе решений, принятых сходами, не останавливаясь перед самыми радикальными методами. Сопоставляя наиболее массовые крестьянские выступления в Томской губернии во второй половине ХІХ – начале ХХ в. – «Бердский бунт» в октябре – ноябре 1869 г. и погром в уездном центре, селе Змеино-

¹ Вишнеvский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 107.

² Шиловский М.В. Адаптация крестьян к городской среде Новониколаевска в начале ХХ в. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Новосибирск, 2008. С. 16–18.

³ Гончаров Ю.М. К проблеме изучения менталитета... С. 45.

горском 20 декабря 1905 г.¹ – с погромом в Томске, можно увидеть много сходных черт. И, прежде всего, активное использование насилия, принцип круговой поруки, распространение слухов, дискредитирующих противную сторону, по своему интерпретирующих действия, распоряжения и нормативные акты верховной и местной власти (подложный манифест, неправильное его толкование, разрешение на погром и избиение «революционеров»).

В ходе погромных действий 20–22 октября 1905 г. их участники кричали «наших бьют», по крайней мере дважды требовали выдачи для самосуда вождей «революционеров», которые в глазах обывателей ассоциировались со всеобщей забастовкой и митинговой страдой в Томске. Разгром еврейских магазинов осуществлялся как бы с санкции самого императора в наказание за организацию антимонархических выступлений. Как вспоминал очевидец, в предполагаемый к разграблению магазин «приносили портрет Государя и говорили: «Наш царь пришел смотреть ваш товар!». И далее следовал разгром. При этом четко проявлялись монархические симпатии. Император, в виде своих портретов, как бы незримо присутствовал и санкционировал действия погромщиков в течение двух дней.

Участники погромных акций внешне демонстрировали глубокую религиозность. Их возмущали «кощунственные мысли о православной церкви». В ходе движения толпы манифестантов 20 октября 1905 г. по Почтамтской улице они отправили делегацию общественников в резиденцию епископа Макария с просьбой отслужить молебен по поводу манифеста и «о здравии Императора». Во время аудиенции «многие мужчины и женщины плакали, жалуясь на происходящие забастовки, смуты и беспорядки». Проходя мимо резиденции архиерея, манифестанты останавливались, кланялись и снимали шапки. 21-го состоялся молебен, а после него Макарий вместе с губернатором больше часа увещевали толпу. Показателен случай, о котором на судебном процессе 1909 г. рассказал свидетель Онинко. 21 октября 1905 г. его окружила толпа и начала обыскивать. В кармане нашли ножичек. Наличие его «возбудило в головах погромных следователей самые жестокие подозрения. Но его

---

¹ *Зиновьев В.П., Топчий А.Т.* «Бердский бунт» 1869 г. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 191–196; *Скубневский В.А.* Змеиногорск в начале XX в. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 229–230.

спас крестик. Маленький крестик, лежавший в кармане жилета. Напряженная мысль подсказала счастливую мысль: «Вот, видите и крестик есть, сейчас только купил в соборе». Это сразу изменило положение дела. Раздавшиеся уже фразы «его надо убить» теперь смолкли. Но найденные у него деньги в кошельке возвращены не были, они остались у обыскивавших его лиц»¹. Действительно, в ходе погрома 21 октября не подвергались насилию и ограблению лица с нательными крестиками и квартиры, в которых имелись иконы.

В то же время набожность черносотенцев сочеталась с элементами неуважительного отношения к церкви и духовенству. «Дважды в первый день погрома 20 октября 1905 г., – отмечают С.А. Исаков и Н.М. Дмитриенко, – когда в подожженном черносотенцами здании железнодорожного управления погибли люди, М[акарий] выходил на Новособорную площадь и просил прекратить убийства и пожар, но не мог справиться с многолюдной возбужденной толпой. Назавтра, услышав, что грабят магазины, он вновь кинулся на улицу, уговаривая народ разойтись, но тщетно. Он пытался успокоить толпу, выступив с балкона губернаторского дома, и услышал в ответ: «Что ты, батька, ни говори, а мы их все равно поколотим»². В первом разделе сообщалось о реакции черносотенцев на попытки архиерея остановить разграбление магазинов.

Подобное отношение, на мой взгляд, отчасти связано не с низким уровнем религиозности сибиряков, о чем писали многие очевидцы, а с критическим отношением их к институтам церковного управления РПЦ и священникам. Данное обстоятельство отложилось в пословицах и поговорках: «Я не попу молюсь, а богу», «Для земли навоз полезнее слова божьего» и т.д.³ Об этом же свидетельствуют современники. Так, в рукописных мемуарах, опубликованных В.А. Зверевым, автор фиксирует: «Бабушка верила в Бога, но не была особенно богомольной и недолголюбивала попов, считая их тунеядцами и мздоимцами»⁴. Примерно в том же духе высказыва-

---

¹ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 22.

² Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи. Биографический словарь. Томск, 2002. С. 46.

³ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 147. Л. 102.

⁴ Родные голоса. Сибирь XX век. Мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. Вып. 1. С. 17.

ется дед-старожил в мемуарах Г.М. Карнаухова: «В церковь хожу на Пасху, в Рождество, в Крещение, да в престольную Троицу. Все ходят. Родитель мой ходил, царствие ему небесное, и мне велел. А только скажу: попы самые что ни есть подлецы и негодники – обирают и обманывают темный народ. Они, попы, – самые распутные людишки. Поверишь попу – дураком будешь»¹.

Одним из основных принципов круговой поруки является отказ давать показания и выдавать соучастников и руководителей протестных действий. Материалы судебного процесса 1909 г. наглядно подтверждают данное обстоятельство. Во многом оправдание большей части подсудимых, относительно мягкие приговора, невыясненность целого ряда эпизодов погромных действий, отсутствие доказательной базы по организаторам и руководителям связаны с отказом многих свидетелей от своих предварительных показаний, их крайней противоречивостью и запутанностью. Например, большую часть судебного заседания 18 августа 1909 г. разбирался эпизод с убийством 21 октября 1905 г. в Макаровском переулке К.А. Маклакова. Орудием убийства выступали, согласно показаниям свидетелей, последовательно лопата, вилы, палка «пальца в три толщины», черенок от вил². Достаточно часто на вопросы свидетели однообразно отвечали «не помню», «не могу». Опровергая показания свидетеля Ипполитова, подсудимый И.М. Трофимов заявил, что тот во время происходивших событий «сидел под кроватью. На одном из митингов он отдал революционерам свою шашку (Ипполитов был, по его словам, околоточным надзирателем), а потому и боялся показаться на улицу. Прошу суд принять это к сведению»³. Как правило, показания неявившихся свидетелей опровергались показаниями свидетелей защиты.

Еще одним проявлением крестьянского поведения в описываемых событиях, как, впрочем, и в других массовых выступлениях селян, в том числе и в Змеиногорском погроме, являлось, по объективному определению Б.Н. Миронова, «неуважение к собственности»⁴. Забитые до смерти 20 октября 1905 г. подвергались ограблению, вплоть до отрезания пальцев с обручальными кольцами. 21-го числа растащили оборудование железнодорожного телеграфа, из

¹ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 147. Л. 103.

² Дело о погроме... С. 20–24.

³ Там же. С. 44.

⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 343.

разграбленных еврейских магазинов тащили буквально все: от золотых часов до пустых ящиков и мешков. Обвиняемый крестьянин из ссыльных Т.Т. Яшук был задержан с самоваром с надписью «Сиб. ж. д. № 66», обвиняемый Алымов был задержан при продаже награбленных частей часовых механизмов и университетских нагрудных значков¹. Не случайно часть подсудимых обвинялась только в хранении и сбыте ворованных вещей. Кражи являлись во второй половине XIX в. неотъемлемой частью крестьянской повседневности в Сибири. Н.А. Костров еще в 1876 г. дал красочную иллюстрацию этого правонарушения в Томской губернии: «Кража частной собственности... распространена повсеместно и в значительной степени: крадут чай и другие товары, развозимые из города в город, с ярмарки на ярмарку; крадут необмолоченный хлеб с поля и сено с лугов; крадут шлеи, хомуты и т.п. со двора. Здесь считается правилом, что без присмотра лежит, то и может быть украдено, «на то и шука, чтобы карась не дремал». Крадут незнакомые у незнакомых, знакомые у знакомых, родные у родных»². Ситуация усугублялась за счет уголовной ссылки, прекращенной в 1900 г., и массовыми крестьянскими миграциями с конца XIX в. В деревне бытовала поговорка: «Поселенец, что младенец, на что взглянет, то и стянет». В 1905 г. в Томской губернии количество попавших в отчеты преступлений против собственности (поджоги, кражи, грабежи, растраты, мошенничество и т. п.) выросло до 2201, против 1644 в 1904 г.³

Теперь попытаемся ответить на вопрос, могла ли толпа самостоятельно без указки и использования административного ресурса осуществить погром 20–22 октября 1905 г. Приведенные выше факты свидетельствуют о достаточно высоком уровне самоорганизации томских социальных низов из числа мещан и крестьян в парадигме патриархальных стандартов поведения. По этому показателю они вышли на уровень общественной культуры «новых» социальных групп городского населения, создавших к тому времени

---

¹ Дело о погроме... С. 78–79.

² Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 83.

³ Глазунов Д.А. Правовое измерение революции: проблема преступности в 1905–1907 гг. (по материалам Томской губернии) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 132.

разветвленную сеть политических и неполитизированных общественных формирований.

О наличии такого уровня самоорганизации свидетельствует целый ряд эпизодов из истории анализируемого события. «Черносотенцы» самостоятельно изъяли в городском полицейском управлении портрет императора, без проволочек избрали депутатов для переговоров с архиереем 20 октября и губернатором 21-го, в момент обстрела на Новособорной площади дружинниками часть их побежала в казармы за подмогой. Об этом же говорит факт их быстрого сосредоточения в определенных точках города (мещанская управа, Новособорная площадь) в указанные дни, в назначенное время. Определенная последовательность наблюдалась в погроме 21 октября, кем-то осуществлялась наводка именно на еврейские магазины, организованно громили дом и усадьбу А.И. Макушина. Самостоятельно, по всей видимости, вырабатывалась идеология погромных действий. Из их среды вышли рукописные листовки, призывающие к повторению погрома 6 декабря. Для доказательства достаточно сравнить ее фрагмент (№ 1) с частью текста прокламации «Кружка русских людей» (№ 2).

№ 1

«Вчера крамольники постановили убить архиерея, мулу, губернатора, полицию и солдат бомбами. Мещан, крестьян и чернь посадить в тюрьму и там отравить. Следователя Соболева просили побольше черни и мещан посадить в тюрьму, а почтовых подзуживали не пересылать на них жалоб Царю-батюшке и его указов нам».

№ 2

«Мы твердо убеждены, что только в единодушии и непосредственном общении Царя со свободной Церковью и свободным народом в лице земских соборов или государственной думы, состоящей из избранных народом подлинных его представителей, – заключается действительное спасение России от всех неустойств, хищений и неправд...»

Не касаясь содержания, нетрудно видеть, что первый текст написал малограмотный простолюдин, а второй – человек интеллигентный, имеющий представление о позициях консервативной части российской интеллигенции по вопросам реформы системы государственного управления, получивший духовное образование. Имели томские погромщики и своих лидеров. По всей видимости, из тех, кто просматривается через призму информации об изучаемом событии, таковыми были Ф.М. Петров, И.С. Богун, И.М. Трофимов. Некоторый свет на их роль и уровень самоорганизации «черносотенцев» проливают два эпизода, озвученные на судебном

процессе 1909 г. в отношении И.С. Богуна. Свидетели студент Кочетков и его квартирная хозяйка Полуектова показали, что 21 октября 1905 г. И.С. Богун с еще одним неустановленным лицом явились на квартиру и произвели тщательный обыск в комнате студента на предмет наличия оружия. Уходя, добровольный жандарм Иван Богун сказал Кочеткову: «Вы не бойтесь. Мы вас не тронем. Только вы уезжайте из Томска». Обвиняемый на суде не отрицал факта обыска. Другой свидетель, жандармский полковник Романов, подтвердил, что во время встречи губернатора с депутацией манифестантов утром 21 октября один из них, а именно И.С. Богун, «действительно рассказывал и перечислял участников революционного движения, что Кочетков был известен как таковой»¹. Поэтому дважды оглашенный 20–21 октября список «революционеров» был составлен самими «черносотенцами». Выступая на процессе, товарищ прокурора Брюханов подчеркнул, что «толпа повиновалась Трофимову, следовательно, он был ее руководителем»².

И отстаивали они прежде всего корпоративные (мещанские) интересы. И тот же И.С. Богун в изложении либерального журналиста «с циничной откровенностью высказался о том, как митинги и забастовки вызвали в народе противоположное движение – на защиту веры православной, которая будто бы находится в опасности, как во главе этого движения появились «минины», и «мы решили умереть, чем подчиниться» тому, что «было постановлено на митингах». Он признается в посещении митингов: «Думал, что услышу там что-нибудь хорошее, но мне показалось там прямо мурторно. Безобразие одно. Только я вошел в театр, слышу кричат: «Долой самодержавие!». Что, думаю, тут такое? Прислушиваюсь и слышу, что Макушина предлагают на должность губернатора, а Броннера хотят избрать городской головой. Потом слышу говорят: «Нам здесь в театре тесно, надо перейти в собор. Макашка [епископ Макарий] нас, конечно, туда не пустит, но мы его проведем по городу за бороду при колокольном звоне»³.

Таким образом, томский погром 20–22 октября 1905 г. не был организован властями, а явился результатом противостояния либерально-радикальных и консервативных элементов, недовольных агрессивной, наступательной тактикой «революционеров», резким

¹ Дело о погроме... С. 30–32.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 73.

ухудшением своего материального положения в результате всеобщей забастовки. Не случайно ударной силой «черносотенцев» выступали извозчики, мелкие торговцы, мясники, кузнецы, занятые в сфере предоставления услуг, поскольку массированное свертывание экономической деятельности в городе оставило их без заработка, в то время как, например, железнодорожные служащие, бастуя, 20 октября начали получать жалованье. Естественно, это порождало негативную реакцию городских низов.

Среди погромщиков многие участники и очевидцы отмечают присутствие полицейских в гражданской одежде («переодетых», по терминологии мемуаристов). Общее нагнетание ситуации в Томске с начала 1905 г., систематическая кампания по дискредитации правоохранителей, решение городской думы о прекращении финансирования городского полицейского управления и создании альтернативной милиции оказали негативное воздействие на рядовых полицейских и лишали их перспективы нормально жить и содержать семьи. Поэтому, оказавшись вне службы, они присоединились к манифестантам, демонстрируя тем самым свое негативное отношение к реформаторским планам «революционеров» в правоохранительной сфере. «Черносотенцев» – участников погрома нельзя ассоциировать с членами черносотенных организаций более позднего времени. Известный томский либерал и областник А.В. Адрианов так характеризовал новониколаевских адептов СРН в письме к Г.Н. Потанину от 14 февраля 1910 г.: «Здесь союзники (около тысячи членов) не то, что томские, они оч[ень] интересны, им во многом можно сочувствовать и действовать, не оскорбляя их. Они, кроме того, что с серьезным риском для себя и большими затратами смело и настойчиво взялись за разоблачение полиции, думают о том, как бы им устроить общество взаимн[ого] страхования, общ[ество] взаимного кредита, мелкий кредит, ломбард, помочь бедноте и утешить ее, устроив земельный вопрос, обезопасить себя от полиции и чиновничьего произвола. У них частые собрания – и все их помыслы вращаются около таких вопросов. Между тем они мне жалуются, что их третируют, ими гнушаются и, признавая мысль их правильной и хорошей, не хотят сказать, что она исходит от черносотенцев... «Жида», вот их *idée fixe* – тут я спорил, спорил, и бросил»¹.

---

¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину. Томск, 2007, 187.

Пожалуй, самой загадочной стороной анализируемого события является антисемитский погром 21 октября 1905 г. Выше я уже показал, как разыгрывалась антисемитская карта в его ходе. Накануне распространялись слухи, и манифестанты заявляли о том, что главными инициаторами революционного движения и всеобщей забастовки являются евреи, студенты, поляки и железнодорожные служащие. Но мне кажется, не соответствует действительности утверждение относительно погрома 21 октября как реакции простолюдинов на митинги, где «верховодили» евреи. Тем самым чиновники снимали с себя возможные обвинения в насаждении антисемитизма и провоцировании еврейского погрома. Не случайно в черносотенной «Сибирской правде» позднее утверждалось: в Сибири революция 1905–1907 гг. – дело рук евреев¹.

Прежде всего, относительно «верховодов». Среди таковых, фамилии которых дважды озвучивались губернатору на площади и в его резиденции с требованием выдачи для самосуда (А.И. и П.И. Макушины, В.М. Броннер, А.И. Березницкий, Р.Л. Вейсман, П.В. Вологодский, В.А. Штукенберг, А.Н. Шипицын), лишь двое – В.М. Броннер и Р.Л. Вейсман – являлись евреями. Среди гласных городской думы их не могло быть даже теоретически, поскольку лица иудейского звания, живущие вне черты оседлости в местах, не дозволенных для их проживания, в том числе в Томске, лишались избирательных прав. Очень мало евреев в рассматриваемое время участвовало в деятельности революционного подполья: у социал-демократов – уже названный В.М. Броннер, у эсеров – братья Дистлеры. Среди 85 пострадавших от погрома 20–22 октября 1905 г., находившихся в лечебных заведениях Томска, евреев насчитывалось 7 чел. (Б.И. Курлянд, А. Каминер, Д. Матушевский, Б. Май, К. Прицкор, Л.Б. Шапир, И. Шапиро), среди 66 погибших – пятеро (Д.Д. Вольфсон, Н.А. Зисман, И.И. Маркевич, Я.З. Помус, А.Г. Левин)². Поэтому можно уверенно сказать, что желание обвинить евреев в нагнетании революционных настроений в Томске в 1905 г., и в октябре в частности, а также объявить их «верховодами» является, с одной стороны, не совсем удачной попыткой распространить на город общую тенденцию развития освободительного движения в России конца XIX – начала XX в., в котором еврейская молодежь

¹ Азадовский Гр. Евреи в Сибири // Сибирская правда. 1908. 27 апр.

² Подсчеты по спискам Д.С. Баранова. – См.: Баранов Д.С. Указ. соч. С. 31–37.

играла видную роль; а с другой – стремлением властей объяснить погромные действия городских низов стихийно вспыхнувшими антисемитскими настроениями.

Действительно, к 1905 г. в Томске проживало около 4 тыс. евреев (5,8 % к общей численности населения), но их доля среди местного купечества составляла 28 %. Среди наиболее состоятельных и известных можно назвать фамилии братьев Едельштейнов, Я.Л. Яппо, И.Л., О.Л., Г.И. и Б.И. Фуксманов, Б.И. Левина, Х.А. и П.К. Пейсаховых, Ф.А. Шиц, С.Б. Кацнельсона и др. Еврейская община располагала разветвленной сетью религиозно-просветительных и благотворительных организаций. Именно в Томске в январе 1903 г. собрался 1-й сибирский сионистский съезд с участием делегатов от диаспор Баргузина, Боготола, Иркутска, Канска, Каинска, Красноярска, Мариинска, Нерчинска, Омска, Томска, Читы¹.

Тем не менее смею утверждать, что в Томске, как, впрочем, в вышеперечисленных сибирских городах, политического антисемитизма не было. Даже в Мариинске, где доля евреев в численности населения в 1909 г. составила 6195 чел.(34 %), А.Н. Ермолаев за всю дореволюционную историю города выявил всего два случая бытового антисемитизма². Не было его массового проявления до 1905 г. и в Томске. Что касается бытового антисемитизма, то нужно иметь в виду, что рядовой томич, в первую очередь представитель мещанско-крестьянских кругов, сталкивался прежде всего с евреем-лавочником, ростовщиком, скупщиком, попадая в их кабалу.

О мирных отношениях внутри городского социума свидетельствует показательный эпизод, возникший в ходе судебного процесса над погромщиками в августе 1909 г. Адвокат подсудимых, известный черносотенец и антисемит, член головного совета Союза русского народа П.Ф. Булацель сказал, что эти свидетели «были очевидцами того, как сын того жида, который вчера здесь так распространялся о том, что погром его разорил, убил православного рабочего». Председатель М.А. Подгорчини-Петрович прервал выступающего и попросил «не употреблять оскорбительных для свидетеля выражений». Адвокат пытался утверждать, «что слово «жид» общеупотребительно и даже закон наш знает этот термин».

---

¹ Нам И.В., Наумова Н.И. Сибирские сионисты в начале XX в. // Сибирская старина (Томск). 2003. № 21. С. 19.

² Ермолаев А.Н. Указ. соч. С. 419–420.

Вновь последовало предложение воздержаться от оскорбительных возражений. «Если в Томске, – говорит Булацель и делает жест рукой, – принято называть жидов евреями, я подчиняюсь»¹.

Показательны в этом же плане выступления на процессе двух адвокатов – еврея Н.Я. Левина и русского П.В. Вологодского. Если первый просто констатировал: «Антисемитизма, этого специально продукта черты оседлости, Сибирь не знает, хотя некоторые и стараются насадить его здесь», то второй, будучи уроженцем Сибири, подвел под высказывание коллеги аргументацию. Петр Васильевич четко заявил об отсутствии в Томске розни между еврейским и христианским населением как повода для погрома. Отсутствует она и в целом в Сибири, в отличие от черты оседлости в Европейской России. «Своеобразные условия сибирской жизни и не могли создать остроты отношений христиан к евреям, – переходит он к доказательной базе. – Обширные пространства Сибири, редкость населения, незначительность евреев в ней, обширное поприще применения труда и предприимчивости, недостаток ремесленников, отсутствие стеснительных до последнего времени распоряжений о расселении евреев в Сибири выработали совершенно своеобразный тип чисто сибирского еврея. По своему облику, по говору, по привычкам одеваться и держать себя, по образу жизни он мало чем отличается от коренного сибиряка. Он также несколько индифферентен к религии, как индифферентен и сибиряк». Далее, используя материалы следствия, адвокат приводит многочисленные примеры того, как погромщики и горожане, находясь с евреями в приятельских отношениях, пытались спасти от разгрома их дома, лавки, имущество².

Политическая подоплека для погромов в черте оседлости, как показал А.И. Солженицын, обуславливалась отчасти элементами экстремизма в поведении еврейской молодежи (уничтожение царских портретов, неуважительное отношение к иконам и прочим атрибутам православия, к военнослужащим)³. Но нельзя эти локальные выводы распространять, во-первых, на всю Россию, тем более на Сибирь. Здесь, как уже говорилось выше, в рассматриваемое время антисемитский характер погромов проявился только в

---

¹ Дело о погроме... С. 75.

² Там же. С. 89, 93–94.

³ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). М., 2001. Ч. 1. С. 374–376.

Томске и в Иркутске. Причем в последнем случае солидарными действиями городского сообщества попытка начать разгром еврейских магазинов была пресечена с использованием оружия.

Томские городские низы в корыстных целях использовали антисемитские установки власти, а также преступное бездействие и откровенное попустительство местных органов государственного управления для осуществления погрома 21 октября в отношении еврейских торговых учреждений и жилья. Погромщиков буквально «выталкивали» с площади после завершения молебна и увещевания со стороны губернатора и архиерея. Сосредоточенные по маршруту их разрушительного движения войска и полицейские заняли позицию праздных наблюдателей, хотя, как показывают отдельные факты, их вмешательство, даже в минимальном количестве, предотвращало или прекращало погромные действия.

Погром 20–22 октября 1905 г., помимо всего прочего, отобразил радикальную реакцию «низов» городского социума против носителей модернизационных процессов, разрушающих единообразие и замкнутость традиционного полукрестьянского общества. Помимо евреев, в их качестве выступали студенты, поляки и железнодорожные служащие. Железнодорожные и студенческие шинели являли своеобразный и ненавистный символ происходящих радикальных перемен в стране, Сибири и городе. Поляки выступали в качестве фишки инновационной активности. Среди местных предпринимателей, занимая после русских, евреев, татар, вместе с немцами 4–5-е место по численности, они ориентировались на развитие новых для Сибири начала XX в. отраслей: продажа лекарств, производство колбасы, кондитерских изделий, фотодело, гостиничный бизнес, слесарно-механическое производство и др.¹ В историю Томска конца XIX – начала XX в. большой вклад внесли первые университетские профессора, поляки по национальности, А.С. Догель, С.И. Залеский, профессор ТТИ П.К. Соболевский, врач В.С. Пирусский, художник К.Я. Зеленевский, фотограф С. Петкевич. Среди пострадавших и погибших во время погрома мы встречаем много поляков (больше, чем евреев). Прежде всего начальника службы пути Сибирской ж.д., инженера Ф.И. Клионов-

---

¹ *Шиловский М.В.* Сибирские поляки-предприниматели до 1917 г. (по материалам «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири») // Сибирская Полония: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Межд. научно-практич. конф. Томск, 1999. С. 82, 84.

ского, студента Д.В. Стрижевского, конторщика Б.Р. Таревского, сторожа Б.К. Рауха, С.О. Ярусевича и др.

Следует обратить внимание, что в ходе судебного процесса в августе 1905 г. и прокурор, и присяжные поверенные отметили в действиях погромщиков сочетание уголовных (корыстных) и политических мотивов, но не религиозно-племенных (национальных). 20 октября 1905 г. преобладали политические мотивы, 21-го – корыстные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любое проявление насилия, тем более уничтожение инакомыслящих в борьбе за достижение своих интересов, отвратительно. Делается ли это для того, чтобы железным кулаком подтолкнуть к светлому будущему, или для ограждения своего иллюзорного мира от потрясений стучащейся в окно модернизации. В Томске первого варианта цивилизационного развития России добивались в 1905 г. радикальные и либеральные элементы, объединившиеся, чтобы, как отмечал П.Б. Струве, «по подлинному выражению социал-демократической публицистики того времени, «последним пинком раздавить гадину», т.е самодержавие¹. Коалиция распалась после трагических событий 20–22 октября. Консервативные же круги при попустительстве и бездействии властных структур подавили экспансию «революционеров».

В парадигме советского (марксистско-ленинского) восприятия российских революций как локомотивов общественного развития последовательно формировался положительный образ истинных революционеров в лице большевиков, ведущих за собой городских и сельских пролетариев и массовые слои городской интеллигенции. Все остальные, так называемые непролетарские, мелкобуржуазные или буржуазные, политические объединения (от меньшевиков и эсеров до кадетов) выступали в качестве непоследовательных участников революционного процесса. «Подлая натура либералов», по

---

¹ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–110. М., 1991. С. 144.

выражению Н.Н. Яковлева¹, проявилась в переходе на позиции защиты самодержавия после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. О монархистах и черносотенцах писали сугубо в уничижительных тонах, скороговоркой упоминали прокатившиеся по России в конце октября того же года погромы, организованные чиновниками, губернаторами при содействии православного духовенства.

В самом конце XX – начале XXI в. образ российских революций пытаются представить в общественном сознании как бессмысленные и беспощадные бунты, а о революции 1905–1907 гг. просто постарались забыть. Но нет худа без добра. Внимание исследователей сосредоточилось на истории российской многопартийности, из исторического небытия, в том числе на региональном уровне, воскресли меньшевики, кадеты, октябристы. Дошла очередь до черносотенцев, и выяснилось, что погромное движение не было связано, как утверждалось ранее, с деятельностью черносотенных организаций, поскольку они возникли значительно позднее. Но вот сами погромы выпали из поля зрения исследователей либо анализировались по традиционной схеме. Не избежал этого и автор данного исследования. В какой-то степени на имидж их участников негативно влияло и будет влиять отрицательное отношение к насилию, жестокости, тем более в таких диких формах, о которых сообщалось в первом разделе исследования.

Кристоф Гумб подметил изменение практики осуществления власти в Российской империи в 1905 г. Вместо формализованного варианта государственного господства начинается использование политики «короткой расправы» (военно-полевые суды, карательные экспедиции, чрезмерное применение силы). Все это в совокупности воспринималось как «узаконенный суд Линча», по терминологии, предложенной видным российским юристом В.Д. Набоковым². Мне представляется, что официальному суду Линча предшествовала волна погромов. Именно с помощью не успевших адаптироваться к условиям городской жизни маргиналов ликвидируется своеобразное двоевластие, возникшее, как показано в первом разделе, в Томске к 20 октября 1905 г.

---

¹ Яковлев Н.Н. 1905 год в Иркутске // Труды Московского гос. историко-архивного ин-та. 1954. Т. 6. С. 114.

² Гумб К. Угрожать и наказывать: русская армия в Варшаве в 1904–1905 гг. // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 192.

Основной причиной острого конфликта выступил политический момент противостояния либерально-революционной демократии и «патриотически» настроенных обывателей с целью подавления или пресечения активности первых. Сама акция выражала реакцию традиционалистских слоев городского социума на попытки либерально-радикальных элементов ограничить или вообще свергнуть самодержавие. Власти утратили контроль за ситуацией и объективно потворствовали местным «черносотенцам», пытаясь с их помощью разгромить «революционную гидру». Не случайно бывший городской голова А.И. Макушин, воспроизведя в своих мемуарах свою версию случившегося, завершая их уже в 1925 г., задает вопрос: «Имел ли губернатор Азанчевский достаточно сил для того, чтобы не допустить Томского погрома такого ужасного характера... Убежденно отвечаю, взвесив все: имел»¹.

На судебном процессе в 1909 г. адвокат Н.Я. Левин произнес слова, которыми я завершаю исследование: «Пусть все пострадавшие в октябрьские дни найдут утешение в том, что, если не материальное, то моральное удовлетворение они получили: память о тех, кто погиб в октябрьские дни, и теперь после разбора дела здесь в зале суда, осталась такой же светлой, как и до этого»².

---

¹ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 10.

² Дело о погроме.... С. 90.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. «СПАСЛОСЬ НЕМНОГО, ПОГИБЛО МНОГО»	25
§ 1. Разогрев. 13–19 октября	25
§ 2. Взрыв. 20 октября.....	44
§ 3. Затухание. 21–24 октября.....	78
ГЛАВА 2. РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТЕЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТОМСКОГО ПОГРОМА	89
§ 1. Непосредственная реакция (конец октября 1905 – начало 1906 г.)	89
§ 2. Судебный процесс 1909 г.	105
§ 3. Что же произошло 20–22 октября 1905 г. и почему? Авторская реконструкция и интерпретация.....	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146

Научное издание

ШИЛОВСКИЙ Михаил Владимирович

Томский погром 20–22 октября 1905 г.:
хроника, комментарий, интерпретация

Редактор *В.С. Сумарокова*
Компьютерная верстка *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 25.02.2010 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 9,4; усл. печ. л. 8,8; уч.-изд. 9,3. Тираж 500. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Издательство «Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1